

ДМИТРИЙ СЛАЙ

**ПАСЫНОК ВСЕЛЕННОЙ
(ИСТОРИЯ ГАДЕНЬША)**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Слай

Пасынок Вселенной.

История гаденыша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505953

SelfPub; 2018

Аннотация

Кто-то рождается с талантом. Кто-то с инвалидностью. Кто-то – просто уродом. Кто-то сочетает в себе и то, и другое, и третье. А кто-то рождается хищником. Чужим от природы. Опасным, непонятым для окружающих и сам не понимающим их. Откуда может взяться такой зверь, как он будет существовать и какова его судьба в нашем странноватом мире? Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пасынок вселенной	4
Пролог	5
Часть первая	15
1	15
2	27
3	36
4	48
5	53
6	64
7	72
8	95
9	110
10	126
11	140
12	149
13	164
14	179
15	188
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Пасынок вселенной

История гаденьша

«Сейчас мы все идем одной дорогой.

Хорошие люди бьются за злое дело, а злодеи рядятся в одежды добродетели.

Каждый из них уверен, что ангелы на его стороне».

«Call of Duty: Advanced Warfare». Компьютерная игра.

Пролог

Формула: Бог не смотрит на нас сверху – он наблюдает со стороны.

Когда я родился, я долго не мог закричать. Наверное, просто не видел в этом нужды, а материться тогда я еще не умел. «Мир, я пришел! Я родился!» Экая пошлятина. В той же комнате в этот момент умирала моя мать. Странно, что я это помню. Странно, откуда я все это вообще узнал, но уверенность в этом воспоминании настолько отчетлива, что она могла бы испугать кого-то у кого нервы послабее. Но мои нервы настроены на совершенно другие частоты и возбудители. Поэтому я могу вспоминать то, что другие люди склонны запихивать подальше, на чердак, в пыль, в подсознание, в задавленные воспоминания... А потом ходить к психологу, чтобы выковырять все это обратно на свет божий, рассмотреть, ужаснуться... И остаться такими же, какими были до. Это не хорошо и не плохо – я не склонен кого-либо осуждать, или оправдывать. Если честно, мне вообще плевать, просто у меня так не получается. Забавно. Наверное, я сам придумал себе это воспоминание. Легенда, чтоб ее. Ну, хоть в чем-то я не сильно отличаюсь от прочих людей. Я, как и прочие, выдумываю для себя легенды в которых ищу оправдание. Ка-

кая гадость.

Нам нравятся маньяки. Диковатая фраза, но в чем-то она отражает некую психически разнузданную суть вещей. Как мне кажется. Образы киношных маньяков – таких умных, таких утонченных и загадочных, лишенных ограничений, свободных, способных на поступок... Нет, ну понятно – страшный, нечеловеческий поступок, но, мать его, ПОСТУПОК. Переступить через законы общества, наплевать на них, стать выше и сильнее, благодаря своей монструозной сущности и безжалостности. Обладать властью.

Почему так? Может, потому что обычный законопослушный обыватель кажется нам скучным и пустым – настолько, что таким становится и целый мир, приспособленный к его существованию с его законами и правилами, – что мы стремимся узреть некую личность. Личность, способную сотворить полную хрень за рамками наших огородных пристрастий? Личность хищника, царя зверей?

Чушь собачья. Мы в плену образов созданных кинематографом, компьютерными играми и прочей противоестественной с психиатрической точки зрения бредятиной. Детишки верят в Супермена, который носит полугомосексуальный наряд дурацкого клоуна, трусселя поверх трико (но при этом в плаще и сапогах), и ведет себя как клинический идиот – со сверхспособностями или без. В Бэтмэна, Капитана Америку и прочих мутантов из патологических фантазий ав-

торов комиксов. Потом детишки взрослеют, но детские образы – это, черт возьми, коренные установки человеческой психики. И где-то на глубинных уровнях сознания взрослый мужик продолжает мыслить в соответствии с установками, созданными благодаря образам сказочных идиотов в трико и дурацкой маскировкой – чтоб быть заметнее, но никто не узнал. Вон, Кларку Кенту достаточно было нацепить очки и все – никто не заподозрит в ботане-переростке выкидыш планеты Криптон.

Образ великолепного маньяка подарила нам та же индустрия. Просто сценаристы там были поумнее, благодаря тому, что прочитали пару умных книжек. Доктор Лектер¹. Безжалостный. Образованный. Талантливый. Утонченный как падла. Светский и аристократичный настолько, что так и хочется дать по морде. Умный, хитрый. Чудовищный. В природе не встречается. Великие актеры отдавали дань образам интеллектуальных вырожденков. Энтони Хопкинс, Кэвин Спейси, Джефф Голдблум, Рассел Кроу... Даже Робин Уильямс отличился. (Джейсон Вурхиз и Фрэнди Крюгер, само собой, не в счет – это просто сказочные, практически цирковые мясники для подростков, которые перестали верить в Бабу-Ягу, но все никак не угомонятся.)

¹ Ганнибал Лектер. Доктор медицины, психиатр, а также серийный убийца, практиковавший каннибализм, ставший одним из главных героев четырех романов Томаса Харриса и четырех фильмов. Примечательно, что доктор Лектер в исполнении Энтони Хопкинса занимает пятое место в сотне величайших киногероев.

Мамочка моя, неужто кто-нибудь всерьез думает, что именно так выглядит настоящий маньяк, так он мыслит и действует?

Но нам такое нравится. Потому что красиво. Основная задача всей этой системы, призванной подменить нам реальность забавными образами – сделать красиво. Плевать, что Капитан Америка рассуждает и ведет себя как полудурок – зато как красиво смотрится и как славно раздает люлей всяким мультяшным злодеям! Плевать, что гениальность доктора Лектера и его коварство изрядно поддерживается пробелами в сценарии – зато какой эпический чувак! И невнятные смазанные образы крови и мяса. Завтрак в офисе известного психиатра Ганнибала Лектера! Блинчики сами знаете с чем. Кто попытается полить кетчупом (что ранит тонкую кулинарную организацию доктора) сам назавтра ляжет в блинчик.

На самом-то деле все гораздо грубее, ребята.

Доктор Лектер, мистер Фрост², и, разумеется, горячо любимый новой публикой очаровашка Декстер Морган³. Впрочем, они же всегда очаровашки. Чем они очаровательнее – тем страшнее и чужероднее их разум и поступки. Так, во всяком случае, считается. Одна беда – их интеллект сильно

² Мистер Фрост (имя не упоминается). – загадочный маньяк-убийца, герой одноименного фильма. Утверждал, что он – сам дьявол.

³ Декстер Морган – серийный убийца, главный герой сериала канала НВО «Декстер».

ограничен интеллектом сценаристов. А потому они ведут себя то гениально, то как конченные идиоты. Зависит от вдохновения совершенно постороннего человека. И вряд ли кто-нибудь из сценаристов вполне понимает как мыслит маньяк. Потому что вряд ли среди сценаристов есть маньяки. В любом варианте, как мне представляется, в реальном мире маньяк, ведущий себя по сценарию, попался бы на первой же жертве.

Все это чушь. Кто из обычных обывателей способен назвать хоть пару имен настоящих маньяков? Ну, кроме надоевшего уже всем Чарльза Мэнсона и так и не пойманного Джека-Потрошителя? Я уж не говорю про перечисление их подвигов. И кто из обычных обывателей способен хотя бы самому себе признаться, что маньяков было бы намного больше, если бы не человеческая трусость. Скольким людям в обыденной жизни обычный же человек хотя бы раз в жизни хочет дать по башке тяжелым? Хамоватым соседям, осточертевшему начальнику, оборзевшему чиновнику? И что останавливает? Правильно.

На самом деле, реальные маньяки намного скучнее ярких психиатрически-рождественских кинообразов, уж поверьте мне. В их разуме нет никакого сверхинтеллекта, ничего такого, что стоило бы рассматривать в рамках многомиллионного блокбастера. Задушенные детские комплексы, поломанная психика, мало ли что. Какая разница?

Считается, что маньяка трудно поймать, потому что он,

несмотря на то что псих, очень умный и хитрый. Да, может быть. А может, это потому, что его вязкий, но цепкий разум работает совсем не на тех принципах и командах, что у тех, кто его ловит? Да и потом, у Закона есть цепные псы, которые, в итоге, специально обучены мыслить как маньяк, и от самого маньяка их, в сущности, отличает только то, что другой конец их поводка держит в руках этот самый Закон.

А может, маньяка трудно изловить, потому что пока еще не установили в каждом сортире видеокамеру и не имплантировали каждому обывателю в череп микрочип слежения с необходимостью раз в два года сверлить башку чтобы поменять батарейки? Впрочем, все скоро будет, я думаю. И что бы ни говорили всякие поборники прав и свобод, если присокупить к такому чипу возможность смотреть прямо в мозгу фильмы онлайн, играть в игрушки и зависать в соцсетях – выстроятся очереди из желающих провести апгрейд разума, а Эппл и Самсунг будут рвать друг друга за очередные патенты нейро-операционных систем. Все у нас будет. И радостные хакеры станут взламывать мозги обывателей, заставляя тех перечислять все свои деньги на непонятные счета и совершать дурацкие поступки.

Но я отвлекся, кажется. Ничего, со мной бывает. Это от обстановки. Очень уж тут скучно. И это тоже странно.

Если взять обычного человека, надеть на него наручники, посадить в допросную и обвинить во всех смертных грехах, объявить маньяком, думаю, его будут разрывать самые раз-

ные чувства и эмоции, но только не скука. А мне скучно. Потому что я не обычный человек. Хотя, и не маньяк тоже. Раньше думал, что маньяк, но теперь... И сижу я тут только для того, чтобы получить подтверждение и объяснения по этому поводу.

Я и не представлял себе, что морда может быть и мерзкой и бесцветной одновременно, но над этим следователем природа постаралась от души. Не знаю уж, что она хотела нам всем доказать, но очевидно, что когда его папенька взгромоздился на маменьку, Господь был сильно не в духе. Впрочем, в Бога я тоже не верю. В обычном смысле этого слова.

Итак, я обвиняюсь в убийствах, массовом убийстве... и прочем, по мелочи. Ну, как обычно – незаконное владение, ношение, проникновение и тому подобный гарнир. То есть, это в том смысле, что я в одиночку, напрягши недюжинные свои способности, укокошил толпу народу. Тоже, в некотором роде, супермен. Не в том смысле, что я способен нацепить красные плавки поверх синего пидорского трико и сзади плащ – да упаси меня все, кто могут, – а в том смысле, что я непомерно крут. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. И вот он я тут сижу.

А этот с поганой рожей сидит напротив и все это мне рассказывает. То есть, как будто я ничего этого не знаю. А правда интересно – их там в полицейской школе, или как там это называется, элементарной логике обучают? То есть, в том смысле, что если я там был и более того – все это совершил, –

то я как-то должен быть в курсе его повествования лучше него самого. А если я не в курсе, то я ничего такого не совершал. Причем это должно быть совершенно очевидно, что тогда я вообще ни в чем не виновен. И чего он тогда распинается? Хочет убить меня тяжестью улик? Наверное. Или это часть протокола? А говоря уж совсем честно – ритуала? Даже глухонемой должен узнать, что при аресте у него есть-таки право хранить молчание. Честное слово, организация всей этой системы правосудия и прочей ерунды иногда вызывает у меня восторг. То есть, таким вот манером он мне, очевидно, сообщает, что он все про меня знает, что у них неопровержимые улики... Я перебил толпу придурков и уселся ожидать приезда полиции. Ждать пришлось долго. Но они все ж таки приехали... И надели на меня наручники. Я мог бы им сильно осложнить этот процесс, но я не стал. И чего он теперь распинается? Ждет признания? А хрен его знает, чего он там ждет. Честное слово, нет ничего забавнее дурака, который считает себя умным.

Но кто я такой, чтобы осуждать других людей? Нет, у меня нет никаких мук совести, или, тем более, сожалений. По моему, муки совести и сожаления о прошлом – удел импотентов. Ну ладно, выражусь корректнее – удел людей, которые уже почти готовы повторить свои же глупости и ошибки, и повторять их снова и снова. Но один мой хороший знакомый говорил, что перед тем, как кого-то осуждать, стоит достаточно долгое время простоять перед зеркалом. И если

тебя полностью удовлетворяет то, что ты в нем видишь... С другой стороны, я давным-давно придумал один долгосрочный психиатрический тест. Надо просто-напросто в течение года вести дневник – хотя бы по полстраницы в день. А потом отложить его на несколько лет, и через эти несколько лет прочитать. И удивиться тому, каким дураком ты был в то время. И вот тогда, если тебе хватит ума предположить, что ты сегодняшней вполне вероятно через несколько лет покажешься себе точно таким же идиотом...

Кажется, я начал уставать. Не от допроса, нет – он него. От этого унылого клоуна с полномочиями и обязанностями. Начинает хотеться дать ему по башке. Но приходится терпеть и ждать. Хотя, терпение – не мой конек.

Не имеет значения что он там говорит – важнее как он себя ведет и как выглядит. Давно заметил, есть среди полицейских этакая категория фетишистов. Они специально носят такие пиджаки, чтобы из под них выпирал пистолет. Зачем им это надо – понять сложно. Я все-таки не психоаналитик. Может, он в детстве в войнушку не наигрался, может, у него член маловат – черт его разберет. Одно я знаю точно – такие типы склонны к самолюбованию как никто другой. Они способны говорить часами о чем угодно, но, в итоге, это всегда сводится к тому, чтобы принять горделивую позу и измерить от собственной значимости. Вообразить себя хоть чуть-чуть тем самым облаченным в синее трико и плащ с буквой «S» на груди. И самое главное в общении с такими типами

– молчать. Не говорить ни слова. Если, конечно, ты не можешь свернуть ему шею либо просто уйти. И я мог бы свернуть ему шею и уйти, снять эти дурацкие наручники, благодаря которым этот индюк считает себя в полной безопасности. Но у меня тут дело. Поэтому я вынужден терпеть. И скажи я сейчас хоть слово – он тут же уцепится за него и станет говорить что-то в ответ, и количество слов удвоится, потом утроится... А терпение – не мой конек. Я уже говорил. Так что я молчу. И жду. Что-то должно произойти.

Ведь я опасная тварь, маньяк. То есть, это они так считают. Жалко только, что у них нет точного определения маньяка. Ничего, скоро появится психиатр и в свою очередь начнет нудеть. Надеюсь, это произойдет только завтра. А пока я буду молчать, буду ждать. И скоро они отправят меня в камеру. И очень важно, чтобы они были уверены в том, что я не могу сбежать. Но что еще важнее – я сам должен быть в этом уверен. Иначе ничего не получится, и это будет обидно.

Камера будет одиночной, и я смогу выспаться. Наверняка одиночной. Если меня посадят в камеру к кому-то – я его убью. Просто чтобы его не было, и они всполошились. Может, наденут смирительную рубашку, обколют транквилизаторами, вырубят. Я потерплю. Так надо. Здесь конец одного пути, а вот станет ли он началом нового – это еще вопрос.

Часть первая

Гаденыш

Формула:

Вот ведь вопрос: дети должны жить в любви и гармонии, или в реальности?

1

Моя жизнь. Черт, звучит почти пошло. Как начало исповеди импотента.

Да, родителей своих я не знал, да, вырос в приюте и прочих сложных заведениях, да, было по разному, в том числе и хреново. Ну и что? Как на приеме у долбаного психоаналитика. На самом деле, одна их причин по которой я не считаю себя маньяком заключается в том, что я никогда не думал что каким-то там замысловатым способом возвышаюсь над другими людьми. Ну, в смысле, что я такой весь из себя страшный, умный и опасный, а весь остальной мир населен, по преимуществу крестинами. Демонический образ мудака с расстройством главных желез.

Не знаю, так это или нет – я просто никогда не мыслил в подобном ключе. И если я чем-то и отличался когда-то от других людей, так это совершенной несклонностью к само-

обману и отсутствием жалости к самому себе. Вот Боно бы иззавидовался⁴. Но это, наверное, не моя заслуга. Просто я родился таким какой я есть и вырос при тех обстоятельствах, которые были. Кто-то умеет рисовать, и ему в детстве купили набор красок, чтобы упражнялся. Кому-то не купили. Кому-то купили, но он рисовать не умеет. Кому-то дано сочинять музыку, кому-то не дано даже слушать. Быть может, расти я в обычных условиях – тоже обладал бы чем-нибудь вроде ранимой души и склонностью исповедаться и выворачиваться наизнанку перед посторонними людьми. Равно как способностью к саможалению, самопрощению и поиску оправданий.

Но не сложилось, и я такой, какой я есть. То есть, уже не принадлежу к большинству. Исключительный. Хорошо это или плохо? Понятия не имею. Я уже говорил – я не сравниваю, стремясь к самовозвышению либо унижению. Подобный образ мыслей так воняет комплексами и неуверенностью в себе, что блевать тянет. Кит страдает от того, что не может ходить по земле? Корова страдает от того, что не может жрать мясо? Как можно сожалеть о том, чего не понимаешь и никогда не знал? Я могу ходить по земле и жрать мясо – так что я, по крайней мере, не кит и не корова. Вполне достаточно. Вряд ли человек, который не умеет рисовать

⁴ Боно – лидер ирландской культовой рок-группы U2 в одном из интервью сказал, что отсутствие жалости к самому себе – качество, которым он хотел бы обладать.

сильно страдает в связи со своим неумением. Вот и я никогда особенно не страдал от того какой я есть. Глупости все это. Домыслы бессильных психиатров, которые сами и порождают в людях все эти комплексы. Просто чтобы хоть что-то породить и самим быть при деле, обслуживая уже свои комплексы.

Мои первые детские воспоминания, должно быть, мало чем отличаются от воспоминаний любого другого человека – то есть, толком я не помню ни черта. Какие-то обрывочные события, невнятные образы и эмоции. У кого все это почетче – расскажите на досуге. Завидую вашей памяти.

Но, видимо, каким-то образом я ухитрился-таки заработать себе определенную репутацию (ну, или что-то в этом роде) еще до того как отучился гадить в памперсы. Вряд ли это можно назвать какой-то там запредельной особенностью. Чушь. Есть люди от природы чем-то наделенные, либо чем-то обделенные. С вариациями как в сторону гениальности, так и в сторону патологии. Я был одиночкой. Ну просто не нуждался в общении.

Не знаю чем таким я отвратил от себя весь мир и что такое творил в раннем сопливом возрасте (и творил ли что-то вообще), но на стадии пармепсов меня не усыновили. Или просто очереди на усыновление тогда были не те?

Как бы то ни было, первые воспоминания у меня связаны именно с приютом. Никакой тайны рождения. Никаких сопливчиков с Криптона, никакой колыбели из неведомого

металла, который нельзя разрушить, а можно только продать на металлолом. Ничего.

Позже – да. То есть не в смысле, что у меня вырос пижон из криптонита, я причесался на бочок как придурок, нацепил отвратное трико и ударился во все тяжкие. Я в том смысле, что позже меня тоже пытались усыновить и это я уже помню. Что я там делал, о чем говорил потенциальным родителям, сообразить сложно. Но меня не усыновили. Может, это тоже была разновидность таланта. Отвращать от себя людей. А может, уродство – все нормальные сироты хотят попасть в семью, хотят маму и папу. А я не хотел. Почему? Дурацкий вопрос. То есть понятно, что есть некие шаблоны, стереотипы, согласно которым все дети обязаны чего-то хотеть и чего-то не хотеть. У меня все было наоборот.

Естественно, в приюте расти не весело, обстановка бывает та еще, но меня это... Не то чтобы устраивало, наверное. Просто я, как теперь это вспоминается (или чем кажется), очень остро, на грани отторжения считал всех этих потенциальных родителей чужими. Что происходит с маленьким ребенком, когда его берет на руки посторонний? Правильно – ребенок начинает орать. Почему? А вы спросите у него. Пугается? Да ни фига подобного – это мамаша пугается. Потому что боится всего на свете и интерпретирует свои страхи на это ни в чем не повинное ни черта еще не соображающее существо. А ребенок вряд ли по малолетству еще понимает чего стоит бояться, а чего нет. Наверное, так со мной и было.

Сперва я просто орал. Потом, когда научился говорить, принялся говорить им гадости. Меня наказывали (это я помню), но я не унимался. Меня пытались убедить, пытались объяснить, что если я буду продолжать вести себя как идиот, то для меня никогда не найдется мамы и папы. Очевидно, они думали, что это меня испугает. Но на самом деле, они представляли моему неокрепшему мозгу инструкцию по избавлению от чужих людей. Ори погромче, выкрикивай чушь, отбрыкивайся – в общем, веди себя как взбесившаяся обезьяна, и тогда чужие отстанут. Напугай их. Слишком рано, наверное, я осознал как можно напугать людей. И как легко это сделать. Меня таскали к психиатру, в кабинете у которого я тут же успокаивался, психиатр что-то мне пытался объяснить, но, поскольку он был психиатром, то ни черта не понимал и не мог понять истинной причины моего нелепого поведения. Очевидно, я уже тогда сильно отличался от психиатрических шаблонов. Впрочем, какие там психиатры в приюте? Хороший психиатр разве пойдет на такую работу? Хороший психиатр станет укладывать пациентов на кожаный диван, выслушивать их бредни и брать с них за это немалые гонорары чеками. А плохому вряд ли удастся расшифровать неадекватного сопляка, который настолько ненормален, что не хочет, чтобы его усыновляли.

Впрочем, во всем остальном я проявлял себя, кажется, неплохо. Равно как неплохо выглядел. Это, правда, стало для меня очевидным чуть позже. Обычно сирот усыновляют

в младенческом возрасте. Некоторых лет до трех-четырёх. Очень редко берут шести-семи летних. Меня таскали лет до десяти. Почему? Да просто я красавчик. Ну не виноват я, что тут поделаешь. Только лет в десять я до всего этого и додумался. Особенно потенциальных мамаш об меня почему-то плющило. Прямо жуть. То есть, это сейчас, когда я понимаю что к чему, жуть, а тогда я мало что понимал.

Учился я по мере сил очень хорошо. Отличался острым умом с изрядным бессилием в его применении. Друзей у меня почти не было. То есть, что это я – совсем не было. В каком-то избыточном общении не нуждался. Физически был развит хорошо. Обладал склочным, импульсивным и взбалмошным характером на грани психоза. Часто дрался. Часто проявлял жестокость как по отношению к ровесникам, так и к старшим...

Выдержка из личного дела. Там прочел. Спер из архива, когда мне было двенадцать, прочел, и положил на место. Во многом я был согласен с написанным, во многом мне было наплевать на написанное...

Хотя, мне, разумеется, все помнилось совершенно иначе. Детские воспоминания. Какая прелесть... в большинстве случаев. Этот мальчик отобрал у меня игрушку. В песочнице. То есть, может и не отбирал, может просто она лежала рядом, я считал ее своей и думал, что это и так всем понятно. Но ему вот было непонятно. Что делает обычный ребенок, когда его обижают? Правильно – орет, пускает сопли,

зовет взрослых на подмогу. Это нормально. Но я никогда не рассматривал никого из взрослых в качестве поддержки и подмоги. Каким-то извращенным, наверное, образом я еще в раннем детстве осознал, что рассчитывать можно только на самого себя. И что делает ненормальный мальчик? Правильно – берет лопатку и шарашит ею обидчика по затылку. Детская пластмассовая лопатка. Легкая, безопасная, совершенно не приспособленная ни для чего подобного. Она специально же так сделана – детская игрушка. Чтобы дите не покалечилось, если что. Но если встать поустойчивее и ткнуть ею точно в основание черепа как штыком, вложим в удар всю небольшую массу тела. А при этом еще сознательно или нет сделать это именно на такой дистанции от края песочницы где обидчик совершенно точно нырнет вперед и наткнутся зубами на доски из которых сделана песочница. Несколько швов, два расшатанных зуба, много крови и, разумеется, море соплей. Как со стороны пострадавшего, так и со стороны взрослых. И несколько тяготных часов в кабинете психолога.

Зачем я это сделал, что меня заставило?.. Ребята, вы серьезно? И это были педагоги? Спрашивать у пятилетнего пацана подобные вещи. Ну я ответил, что он забрал мою игрушку. Кстати, совершенно не помню что это было. А психолог сказал, что мне надо было сказать об этом воспитательнице, пожаловаться. Ну да, все правильно. Обычные люди ведь так всегда и поступают – жалуются, возмущаются, рас-

сказывают кому-то еще... Ждут, что другие решат их проблемы. Все наше общество на этом построено – на поиске людей, которые решат твои проблемы. Полиция, суд, вожди, лидеры, цари, диктаторы, большие и малые начальники, психологи, и далее вплоть до общества анонимных алкашей и наркоманов. Расскажи нам о своих бедах. Пожалуйся. Поплачь перед толпой зрителей. Это нормально. Давай, дружище! Мы, конечно, ни черта для тебя сделать не сможем – какое там помочь, мы сами такие же слабаки и трусы. Но это хорошо. Мы должны жить в обществе слабаков и трусов. Потому что другое общество нас пугает. А люди, которые не жалуется и не трусят вызывают настороженность и негодование. Одновременно. Потому что с одной стороны совершенно непонятно как это они так могут. А с другой, вот этим своим независимым и отважным хамским поведением... Что это они делают, на что намекают? Они что, пытаются ткнуть нас мордой в то какие мы есть на самом деле? То есть, они-то, может, ни о чем таком и не помышляют, но мы-то... Папики с пузиками в негодовании смотрят в сторону перегруженных мышцами качков. Идиоты с ненавистью и гневом смотрят на того, кто прочел пару умных книг и хоть как-то пытается соображать, или даже мыслить. Феминистски-шовинистско настроенная баба-полицейский арестовывает на улице культуриста за избыточно выпирающие мышцы, заподозрив его в употреблении химической дряни... потому что вот нормальный человек без дряни так же не может! Я же

вот не могу, у меня же задница толстая, так чего он выпячивается?⁵

Я не был приспособлен для того, чтобы перед кем-то там раскрываться и на кого-то рассчитывать. Я всегда должен был все делать сам. Откуда я такой взялся? Ну, объяснял уже – кто-то от рождения хорошо рисует, кто-то понимает музыку, кто-то способен сочинять стихи. А я вот такой. Дар или уродство? Ну, тут уж от степени политкорректности. Как тот дебил, который был дебилом, но гениально играл на фортепьяно.

Эта девочка надо мной посмеялась. Я покраснел, надулся и ничего не смог с этим сделать. Не то чтобы я от рождения был таким уж благородным рыцарем и все такое, чтобы не поднимать руку на женщину. Это у меня было скорее животное – как волк не грызет волчицу... Хотя, медведь иногда способен задрать и сожрать медведицу с медвежонком, а лев, став главой прайда, душит всех львят, которые родились от предыдущего вожака. Что ж, значит, я не лев и не медведь. Тоже новость.

Девочка посмеялась, я надулся. Но потом парень на соседней парте ляпнул что-то не то – ну, просто оказался не в том месте и высказался не вовремя.

Знаете, обычно достаточно непросто нанести серьезное увечье при помощи детской книжки. Если только не зажать ее правильно в ладони и не ударить, крутанувшись плечами

⁵ Реальный случай произошедший в одной из скандинавских стран.

самым уголком точно в щитовидный хрящ...

Мальчик без сознания, его везут в больницу, опять море соплей и опять психолог. Ей богу, если бы я мог тогда – психолог был бы первым, кому я вышиб бы зубы.

Кстати, вот вам еще один мой дар – я обладаю властью над предметами. Нет, я не телекинетик, упаси бог – просто я их чувствую. Большинство предметов, которые попадают ко мне в руки я ощущаю как часть своего тела. Тоже талант. То есть не сказать, что я какой-то там киношный мастер боевых искусств способный листом офисной бумаги перерезать целую армию врагов, но некоторым обычным предметам мои руки частенько сами находят нетрадиционное применение. Поэтому большинство детских драк в песочнице с моим участием заканчивались совершенно не по детски.

Почему я так поступал? Пиково глупый вопрос. Попробуйте спросите у ребенка почему он сделал то или это. А еще точнее – почему он нашкодничал. Какая будет реакция? Правильно – надутые щеки, упрямый взгляд в пол и категорическое нежелание общаться. Он не виноват. Впрочем, все люди так устроены, не только дети. Ну, во всяком случае – большинство. Человек скорее сдохнет, чем признает, что он в чем-то не прав. Будет упираться и доказывать свою правоту до последнего. Признать свою ответственность – это же на хрен подвиг в обществе. Это же... Наверное, где-то тут лежат корни того, что мы живем в мире повальной безответственности и победивших слабаков.

Видимо, тут я тоже отличался от всех прочих. Исключительный я, типа того. Наверное, это шокировало многих взрослых. Почему я дал по башке этому мальчику и тому мальчику? Потому что захотел. Оправдания в стиле «А чего он», или «Он первый начал» мне попросту не приходили в голову. Можно было, наверное, попытаться как-то объяснить, даже оправдаться, но я, как мне кажется, совершенно искренне не понимал для чего это делать. То есть, может все именно так и происходило – один сказал что-то не то, другой меня как-то оскорбил, третий попытался отобрать игрушку... Можно было начать объяснять на три-пять шагов назад все произошедшее. Но я просто хотел их ударить. А почему – пусть психолог решает. И он решал.

Я уже говорил, что меня так никто и не усыновил. Но что касается попыток – тут от меня отстали от последнего. В смысле на других детей уже не смотрели лет после шести-семи, а я... Ну, я же говорил, что бы красавчиком. И совершенно посторонние дяди и тети продолжали кидать в мою сторону заинтересованные взгляды, пытались со мной общаться, наладить контакт. Теперь иногда мне даже интересно что они чувствовали и о чем думали в такие моменты. Я их очаровывал? Они видели во мне что-то такое чего сроду не смогли бы выдать в мир их гены? Или еще что-то? Тогда я об этом не задумывался. Просто они мне были неприятны. Так что ругаться я научился раньше многих ровесников.

И опять был психолог. С ним я общался намного чаще, чем с любым другим взрослым. Я его ненавидел. А когда достаточно долго вынужден общаться с тем, кого ненавидишь, а еще при этом растешь и взрослеешь – это ведь тоже накладывает отпечаток, правда?

Нет, у меня не было какого-то там глобального конфликта со всем окружающим миром целиком и со всеми взрослыми поголовно. Многие нравились мне и я нравился им. Когда я пошел в школу, некоторые их преподавателей отмечали мои мозги и прочий стандартный набор полуодаренного ребенка. Полуодаренного в том смысле, что все у него получается неплохо, но никаких ярких и выятных талантов не наблюдается. Мне нравилась математика, литература, физика... То есть, не все сразу, конечно. Но по некоторым предметам я весьма успевал. По физкультуре – нет. Я был хорошо развит физически, тут все в порядке, но как уже говорилось ранее, я не командный игрок. И постоянный баскетбол, волейбол, футбол меня не воодушевлял. Меня буквально за шиворот вытаскивали на площадку, а я стоял там, равнодушно наблюдая за летящим мимо мячом. Никогда не понимал этой дурацкой склонности к командным играм. Если бы не было психолога, я бы, наверное, больше всех ненавидел преподавателя физкультуры.

Почему я их называю преподавателями? Ну, как мне кажется, слово Учитель несколько повыше. Учитель – это тот, кто учит чему-то важному по жизни, учит самой жизни, да-

ет советы и помогает понять что-то существенное. Учит все-
му сразу. Вряд ли в этот разряд вписывается правописание
и пинание мячика.

2

«Школа. Замкнутый мирок, сочетающий в себе все луч-
шее
от федерального трудового лагеря и птицефермы Третье-
го мира.
Просто чудо, что я выпустился никого не убив».
Декстер Морган.

Школа. Удивительное место. Тут в воздухе витают роман-
тически-невнятные настроения и такие же эмоции. И запа-
хи. Запахи неуверенности и бушующих гормонов. Закрытое
пространство в котором концентрация дураков, считающих
себя умными и понимающими все на свете, зашкаливает. Но
им можно, потому что дети. Странное оправдание, но боль-
шинству оно кажется вполне логичным.

Как показывает опыт, дети устроены точно так же как
взрослые – у них непрочные тела, так же идет кровь, и даже
еще большая путаница в башке. Должно быть, во времена
пещерные и более простые, дети отчетливо понимали свою
хрупкость и смертность. А потому не высовывались. Но по-

том нагрязнула цивилизация, взрослые окружили детей заботой и иллюзией абсолютной защищенности. А потом эти дети точно так же стали взрослыми, но как-то так у них не получилось расстаться с этой иллюзией. Никак не могут повзрослеть. Поэтому когда их лупят по башке, они отчего-то страшно удивляются, что такое вообще возможно. Им же в детстве обещали абсолютную защиту и бессмертие. Что-то у нас явно не так с воспитанием и мировоззрением.

Нас возили из приюта в школу на стареньком белом автобусе с криво прилаженной к стеклу табличкой, изображающей бегущих детей. Знак «Дети». Я ездил на этом автобусе несколько лет, но никто так и не поправил знак. Он символизировался в моем сознании с чем-то незыблемым и вечным. Дурацкий шаблон. У каждого, наверное, есть подобное воспоминание из детства – затертый плакат «Кисс» на стене со страшными рожами, потертости на письменном столе, дырка в обоях... криво весящий рулон туалетной бумаги. Что-то такое, что ты рассматриваешь часами и фантазируешь черт знает о чем.

Когда в школе учатся несколько детей из приюта – детей отличающихся от большинства обычных школьников – они неизбежно образуют некое подобие своего приютского братства. Эквивалент большой дружной семьи. В том смысле, что дома ты можешь издеваться над младшей сестренкой как тебе в голову взбредет, но если в школе кто-то посмеет на нее хотя бы косо посмотреть – ты моментально звереешь и бро-

саешься на защиту. Думаю, так было всегда и везде. Приютские дети сплачиваются, потому что считают себя беззащитными... Нет, не так. Потому что точно знают, что беззащитны. Потому что не могут позволить себе такой роскоши как обычные дети – жить в иллюзии совершенной неуязвимости, в мире, в котором что бы ни случилось, мама и папа тут же прибегут и все исправят. В мире в котором твой дом кажется тебе неприступной крепостью. Дети у которых нет дома смотрят на вещи намного реалистичнее. Обидеть, оскорбить, ударить приютского ребенка в обычной школе означает нарваться на неприятности. Ибо тут же набежит изрядная группа самозванных братьев и сестер и оперативно с тобой разберутся. Волчата, защищающие свою стаю. Замыленный образ, но ничего другого для сравнения придумать не получается.

Тут я, разумеется, тоже ухитрился выпендриться. Никогда не считал своих братьев и сестер по приюту братьями и сестрами. Никогда не отделял приютскую реальность от школьной. Видимо, потому что ни черта еще не умея полагать, все же полагал, что реальность все-таки бывает только одна. И почему здоровенный четырнадцатилетний папуас, нещадно лупивший меня в приюте, тут чуть что – сразу бежит на помощь и отгоняет от меня местных обидчиков?

Я не защищал своих приютских сожителей, равно как не ждал защиты от них. Пока был в младших классах, я вполне отчетливо сформировал собственную манеру поведения,

которая, я так думаю, выводила из себя всех психологов – и школьного, и приютского – в равной степени. Черт, я бы не удивился, если бы узнал, что они обсуждали друг с другом мою искрометную персону.

Тогда, разумеется, я ни о чем таком не думал. Спустя достаточно недолгое время ожесточенной борьбы со стереотипами взрослых, мне удалось-таки убедить одноклассников в том, что меня не стоит задевать, цеплять и как-то беспокоить. Разумеется, меня считали хулиганом. И разумеется пытались исправить. Но я-то был не просто хулиганом. Откровенно считая всех людей вокруг посторонними, а следовательно, потенциально опасными, я никому особенно не доверял. Тем более, что моя методика выживания вполне себе работала, а почему так делать нельзя ни один психолог мне объяснить так и не сумел.

Обычные дети. Трусливые плюшевые жирные мальчики. Закормленные бабушками, зацелованные мамами. Развращенные неуклюжими периодическими попытками отцов сотворить из них «настоящего мужчину». Сейчас вот вспоминаю об этом и думается: «Какой бред». Чтобы воспитать мужчину, надо сперва самому быть мужчиной. А если твоего отпрыска воспитывает любвеобильная бабушка и такая же мама, которые хотят, конечно, чтобы из маленький рос сильным, смелым, настоящим мужчиной... но при этом оставался зайкой и котиком... Лет до сорока, желательно. Нужно быть реально мужчиной, чтобы пробиться через такую ли-

нию Мажино. Только вот как через нее пробиться, если ты сам вырос в таких же условиях и тебя воспитывали точно так же. Зайка и котик. Папики с пузиками...

Мы были волчатами. А я еще и волчонком-одиночкой. Я стремился все понять сам, смотрел по сторонам и делал выводы. И очень скоро сообразил, что проще один раз отлупить такого вот маменькиного сыночка, чем ждать, когда он что-то там поймет при помощи все тех же психологов и прочих педагогов. А то что меня за это накажут... Ну, у каждого образа жизни свои издержки.

Как мне представляется, система воспитания детей всегда была примитивна и убога, как дудка. То есть, существуют целые теории, написаны научные труды и, наверное, толпа всевозможных умников разрабатывает некие методики для непонятно чего... Педагогика – это не наука, ребята. Педагогика – это искусство. И, как и во всяком другом искусстве талант тут дан немногим. Но, как и во всяком искусстве, наличествует целая толпа тех, кому талант не дан, но они скорее сдохнут, чем это признают. Хорошую книгу способны написать немногие. Единицы способны снять хорошее кино. Джаггер как-то сказал: «Пока мое лицо изображено на первой странице журнала, мне плевать, что про меня пишут на семнадцатой». Но ведь остальные страницы тоже чем-то заполнены. На них тоже о чем-то идет речь. Толпы критиков и ведов (ну, в смысле искусствоведов, литературоведов и прочих – тех, кто что-то там ведаёт). И, если педагогический та-

лант, как и всякий талант, – явление единичное, то откуда же это стадо школьных «учителей»? Откуда это море методологий, распоряжений, указаний от департаментов и сводов по которым следует всех учить и воспитывать? Правильно, это все от них – от «ведов».

Кто-то сказал, что одна из основных целей воспитания состоит в том, чтобы объяснить ребенку причинно-следственную связь. Ну, в том смысле, что если ты нашкодничал – тебя накажут, а если сделал что-то хорошее – получишь награду. Примитивно, убого и не имеет никакого отношения к реальности. Для меня основная линия педагогики всегда состояла в том, что меня пытались убедить в отвратимости наказания. Детей пугают. Пугают постоянно. «Вот будешь себя плохо вести, и тогда...» Что – тогда? В каждом микрообществе свои страхи. Причем проблема взрослых состоит, скорее всего, даже не в том, что они никогда не исполняют свои угрозы (иначе откуда бы дети узнали, что взрослые врут и сами бы этому учились?), а в том, что все придуманные взрослыми страхи для детей совсем не страшные. И дети додумывают сами. А уж что они там додумают...

Так вот, в моем микрообществе таким самым последним страхом была «шестерка». Шестой интернат для трудных подростков. Про него ходили совершенно жуткие слухи и некоторые воспитатели или школьные преподаватели пугали особо рьяных из нас (меня в особенности) именно «шестеркой». Что вот мол станешь себя плохо вести – отправим тебя

в «шестерку». Но что они в этом понимали? По ночам, после отбоя, когда гасили свет в комнатах, мы рассказывали друг другу намного более жуткие выдуманные истории про «шестерку» испытывая при этом и ужас и восторг одновременно. Ну, кто не рассказывал страшные истории по ночам? И про то, что в «шестерке» тебя могут на всю ночь приковать наручниками в подвале полном крыс в темноте. И про то, что там сажают на несколько дней или даже недель в карцер – жуткую комнату без окон обитую изнутри железом. И про то, что по ночам там ходят призраки забитых надзирателями мальчишек.

Я во все это не особенно верил, очевидно, раньше других разгадав, что взрослые постоянно врут, постоянно грозятся, но почти никогда не исполняют своих угроз. Поэтому самые страшные истории про «шестерку» придумал именно я. Мне было лет двенадцать, когда я порадовал пацанов историей про то, что в «шестерке» ставят медицинские опыты над подростками и разбирают их на органы. Эх, если б я знал...

Но это все было позже. А в школе поначалу я, в общем-то, успевал весьма неплохо. У меня даже были любимые предметы и некоторые из преподавателей меня хвалили. И у меня даже были друзья. К сожалению.

Почему к сожалению? Потому что, с одной стороны, мне же нужно было с кем-то общаться. А с другой... Не знаю. Я всегда смотрел на всех – и на тех, кто считался моими друзьями, и на взрослых, которые мне нравились, и на тех,

кто мне не нравился – как будто... со стороны, что ли. Отстраненно. Я не мог полностью отдаться какой-то эмоции или чувству. Согласитесь, странно для ребенка. Я как-то слишком отчетливо видел некоторые вещи и замечал то, чего не замечали другие. Трусость, вранье, неуверенность. И особенно ярко я такое замечал, когда человек пытался это скрыть до последней степени, спрятать в самый глубокий и темный сундук самообмана. Говорят, счастье в неведении. Так вот, я ведал. Наверное, так. И наверное именно поэтому у меня не было настоящих друзей.

Когда я впервые прочел Конан Дойля, я, вы не поверите, посочувствовал Шерлоку Холмсу. Когда ты видишь людей насквозь, наверное, очень трудно найти друзей. Чего не хватало великому сыщику, на мой нынешний взгляд, так это понимания психологии человека. Ибо искать в человеческих поступках логику зачастую попросту бессмысленно.

Школьные годы чудесные. Наверное, это правда. В том числе и для меня. Я учился, набирался своего странного опыта. Чего мне не хватало? А чего не хватает всякому подростку? Хотя, нет, не так. Обычному подростку не хватает уверенности в себе, не хватает опыта. Что касается опыта, я был таким же как все. Но было еще одно...

Дело в том, что мы живем в обществе в котором почти не существует прямых линий. Если ты хочешь быть богатым, нельзя сказать об этом напрямую – обвинят в жадности, меркантильности, корысти и прочей непонятно почему считаю-

щейся неправильной ерунде, и, что самое главное – ты сам себя будешь таким чувствовать. Воспитание. Если тебе не нравится человек, нельзя говорить ему об этом напрямую. Нельзя сказать дураку, что он дурак. Невежливо. Если тебе нравится женщина, ни в коем случае нельзя ей говорить, что она привлекает тебя сексуально. Про секс говорить вообще нехорошо... остается, тогда, правда, вопрос – откуда мы все вообще взялись? Если кто-то тебе нахамил, нельзя просто дать ему в морду. Большинство людей не умеют напрямую отказывать даже в ответ на самую идиотскую просьбу. Ни о чем нельзя говорить напрямую. Никогда. Так устроен этот мир. Я не знаю почему – знаю только, что для большинства людей это все вполне естественно или привычно. Может быть, это не дает развалиться нашей цивилизации, привносит в нее некое подобие мира... Но если цена за это – превратиться в трусливого слабака с шорами на глазах, мало того – признать, что это правильно... Один из пациентов доктора Хауза – ну, тот, что в него стрелял, – сказал, что люди стараются быть милыми и добрыми, потому что осознают собственное несовершенство. Может быть. А может быть, они это делают просто из страха утратить иллюзию совершенного мира?

А еще я был красавчиком, я уже говорил. И это делало мое положение и лучше и хуже одновременно. Лучше – потому что буквально всем я поначалу нравился, все стремились оказаться со мной рядом, помочь, научить. Хуже – по

той же причине. Вы когда-нибудь наблюдали, как ведет себя вполне нормальный мужик в обществе красивого – не симпатичного, а именно красивого пацана? С женщинами все понятно, но мужчина... Он как будто становится в чем-то женщиной. Ну, в том смысле, что в нем включается... я бы назвал это отцовским инстинктом (если такой вообще существует). Он стремится сразу и научить, и помочь, и защитить – все одновременно и в одном стакане. И это при том, что во всем этом нет ничего гомосексуального или бойлаверского, и с ориентацией у этого мужчины все в порядке. А при моем характере... В общем, если меня кто-то невзлюбил, это было весьма сильное чувство.

3

«Добрый словом и пистолетом можно добиться много большего, чем просто добрым словом».

Альберто Капоне

С чего все началось? Почему-то принято считать, что у всего существует своя отправная точка. Лао Цзы вон сказал, что путешествие длиной в тысячу ли начинается с маленького шага. Для путешествия, может, и правильно. Но путешествие начинается ведь не столько с этого, сколько с намерения отправиться в путешествие, с причин по которым этот

самый первый шаг был сделан. И не всегда путешествие доходит до конца, правда? Я не верю в однозначность первотолчка. Для всякого действия существует несколько причин. Но как событие...

Для меня все началось с того жирного уroda. Сколько мне было? Лет восемь? Ему, по-моему, четырнадцать. Забавно – никак не могу вспомнить его имя. По логике психиатрии, я должен был запомнить его как имя мамы, которой я никогда не знал. Да и кому какая разница как его там звали? Жирный урод и все тут. Жирный урод был жирный и уродливый. От него воняло. Толстую физиономию густо усыпали прыщи. Задница в обхвате превышала все возможные представления об анатомическом балансе и элементарном чувстве равновесия. Он носил американские клубные куртки и безразмерные джинсы. Постоянно что-то жрал и мне вечно казалось, что у него изо рта летят крошки или брызги. Урод, короче. Его явно мало кто любил, да и он, наверное, никого особенно не любил. Но меня за что-то возненавидел. Не знаю за что. Разве жирным четырнадцатилетним уродам нужна причина? Может, за мою смазливую физиономию. Хотя, вряд ли. А может, я сказал что-нибудь не то (я ж за языком не следил и не слежу) – сказал, а потом позабыл, как и всякий нормальный ребенок. А он запомнил.

Короче, он меня не любил и постоянно по мере сил старался осложнить мне жизнь. Толкнуть на лестнице, ткнуть физиономией в стену, подставить ногу на бегу, попытаться

при всех сдернуть штаны. Нормальные подростковые развлечения. Со временем он очень сильно стал для меня выделяться из толпы. От него воняло, он был отвратный и он меня доставал. Но мне было восемь – он был раза в два выше ростом и раза в четыре тяжелее. Что я мог сделать? Нет, я не то чтобы терпел все его выходки, я пытался отвечать, огрызался... за что, разумеется, получал еще больше. Правда, каким-то невнятным пониманием до меня доходило, что причинить мне настоящий вред он не может – просто потому что, во-первых, сам еще ребенок, а во-вторых, потому что трус. Но, как говорится, для любого труса может наступить его день. Что бы это ни означало.

В школе был отгороженный задний двор – туда выходили двери подсобок и пожарный выход. Малолетки туда, в общем-то, не ходили, нам было незачем, а старшеклассники бегали тайком курить, устраивали ночные посиделки со спиртным и все такое прочее. Стандартная подростковая среда обитания.

Как я оказался на этом заднем дворе в тот день? Кажется, мы просто бегали с пацанами и я увлекся. Старшеклассники нас постоянно оттуда гоняли – вряд ли опасались, что мы наступим на то что они курят, просто ограждали свою среду обитания. Но я вот увлекся. При этом, как и всякий нормальный восьмилетний пацан бежал я в одну сторону, а смотрел совершенно в другую. Синдром блондинки за рулем. И совершенно ничего плохого не замышляя, даже не осознавая

где нахожусь, с разбегу, со всего маху влетел в мягкое, во-
нючее, обтянутое клубной тканью и отвратительно крикнув-
шее.

Он попятился, не смог удержать равновесие и плюхнулся
задницей на асфальт. Все, кто был во дворе, разумеется, зар-
жали. Даже я, сообразив что произошло, заржал – очень уж
комично он смотрелся сидящим на асфальте, беспомощно
растопырив жирные ляжки между которыми свисало брюхо.
Мультишка.

Сейчас, конечно, я могу понять, что ему, в силу его ком-
плекции и внешности и так приходилось несладко, над ним
и так постоянно смеялись и издевались ровесники, девчонки
терпеть не могли, а родители, наверное, пытались убедить в
каком-нибудь лживом идиотизме про широкую кость и про
то, что все еще похудеет, или что вообще ничего во всем
этом страшного нет. Наверное, ему можно было бы и посоч-
чувствовать. Но сочувствие – не мой конек. Да и какое со-
чувствие может быть у восьмилетнего пацана по отношению
к издеваемому над ним здоровенного оболтуса?

В общем, я на него налетел, он рухнул, все заржали. Но
потом я посмотрел на него и перестал ржать. Увидел в его
глазах... Наверное, тогда я впервые понял как это выглядит.
Ненависть, боль и отчаяние. Он сейчас видел не меня – с та-
кой ненавистью, болью и отчаянием он глядел на самого се-
бя, на свою мерзость и несуразность, на все... Видимо, даже
у самой последней падлы все-таки есть ранимая душа и каж-

дая падла хочет, чтобы ее любили. Хоть чуть-чуть. Правда, непонятно за что. Все это я прочел в его взгляде. Так что смотрел он, все-таки, на меня. На глазах были слезы, в глазах – совершенно безумная ярость.

Поднимался он с трудом и это тоже выглядело смешно, но для меня еще, почему-то, и печально. Я тогда еще не знал и слова-то такого – эволюция, – но мне вдруг подумалось, что если бы он умер во младенчестве или вообще не рождался, всем было бы легче. Особенно ему самому. Но, в итоге, он поднялся, заорал что-то невразумительное срывающимся фальцетом и бросился на меня.

Первым ударом меня отбросило метра на два. Я должен был бы потерять сознание. Но не потерял. С трудом поднялся на ноги. Меня пошатывало. Но бунтарский дух взял верх над здравым смыслом. Я поднял руку и показал ему средний палец. Старшекласники, бросившиеся, было, нас разнимать, снова заржали. Позже я осмыслил этот момент и понял, что, оказывается, даже получив по морде можно выйти из драки победителем. Хотя, все-таки иногда выйти нельзя. Потому что трупы, в итоге, не ходят.

Потом, правда, я повернулся к нему спиной, а это уже было ошибкой. Но не судите строго, мне было всего восемь лет – откуда мне было знать, что нельзя поворачиваться спиной к дурному зверю? Я не видел как он бросился ко мне, но слышал гневный вопль кого-то из старшекласников, требовавший от толстого упыря оставить меня в покое. Но упырь,

разумеется, уже ничего не слышал и не соображал. Я едва успел обернуться, чтобы увидеть как он хватается меня за плечи и швыряет о стену. Разумеется, он совершенно не умел драться – иначе я бы не встал уже после первого удара. А тут я даже не упал, только приложился к стене лопатками и затылком. Несильно. Тогда он схватил меня и принялся душить. Неуклюже, нелепо, но действительно. С визгом, с дикой яростью в глазах, с соплей, торчащей из ноздри. Бедный урод. Теперь я бы его пожалел. Но тогда не было возможности – я задыхался.

Насилие. Природа состоит из насилия. Благодаря насилию работает эволюция. Слабейшие идут на корм сильнейшим, освобождают им жизненное пространство, сваливая к чертовой матери в разряд питательной среды. Следуя этой логике, страх перед насилием нашей цивилизации говорит о том, что каким-то диким способом, вопреки эволюции, слабейшие в человеческом виде победили сильнейших. Люди интересные существа – лажанули самого Бога. Но я, как выяснилось, не был слабаком.

Сквозь мутную пелену перед глазами я видел бегущих к нам старшеклассников, и почему-то для меня стало очень важным успеть что-то сделать до того как они меня спасут. И я сделал. Не знаю откуда силы взялись. Прижался всем телом к стене, нашел опору и со всей силой которая была засветил ему ногой в пах. Пах у него был высоко, удар вышел сильный. Он заорал, отпустил меня и снова свалился. На этот раз на

бок, обхватив руками отбитое. Старшеклассники аж остановились от неожиданности. И зря.

Дверь в подсобку почти всегда была открыта. Ее запирали только на ночь, а днем, чтобы не возиться с ключами, распахивали настежь и подпирали, чтобы не закрывалась, какой-то ржавой железякой. И, пока старшеклассники там обмирали от удивления, я спокойно, не спеша, извлек эту железяку, так же не спеша приблизился к поверженному врагу и прицелившись, отчетливо, опустил железку ему на череп.

Раздался жуткий хруст, Кровь брызнула из носа, изо рта, даже из ушей и глаз, по-моему. Он перестал извиваться и скулить и затих. Тут уж старшеклассники снялись с ручника, подбежали и принялись оттаскивать меня от бездыханного тела. Но я больше и не собирался его бить. Я спокойно вывернулся от чьего-то странно неуверенного захвата – кажется, я напугал всех кто был во дворе и они теперь явно не знали как на меня реагировать – отбросил мое ржавое оружие возмездия, и спокойно пошел со двора прочь. Сразу в школу и к кабинету директора.

Если кто-нибудь меня спросит что я тогда почувствовал, я скажу, что он идиот. Ну что можно почувствовать в такой ситуации – когда тот, кто тебя доставал, кто тебя постоянно унижал, кого ты ненавидел оказывается повержен твоей рукой? Красиво – повержен твоей рукой. И ногой. И это при том, что он явно намного сильнее тебя и ты его боялся, наверное.

Ни черта я не почувствовал, короче говоря.

Какие были последствия? Подсобку с этого момента держали закрытой и школьников стали методично гонять со двора. Странно, что это было первым последствием моего поступка, которое я отметил.

Что еще? Насколько я знаю, он выжил. У него оказалась трещина в черепе, сломан нос, выбито несколько зубов, пришлось накладывать несколько швов. Ну и сотрясение, само собой. И как я ухитрился такого натворить?

Что было со мной? Знаете, в таких ситуациях (а я думаю, такое все-таки в каком бы то ни было виде где-то еще да случается, и вряд ли я настолько уникален), как мне кажется, происходит следующее. Сбегаются толпа взрослых и ответственных. Сперва они шокированы случившимся. Потом начинают тревожиться за свои ответственные задницы. А потом начинают допросы. Именно допросы. Они сажают тебя в кабинете директора на отдельно стоящий стул и на этот раз, помимо психолога, для разнообразия присутствует еще целая толпа всяческих соучастников педагогического процесса – сам директор, преподаватели, специально по такому случаю вызванный представитель приюта. Набор и функциональные возможности этих лиц зависят от многих обстоятельств. И они начинают допрос, задавая совершенно идиотские вопросы. Нет, ну в самом деле, какой нормальный восьмилетний ребенок способен ответить зачем он сделал то, что сделал я? Откуда я знаю? Это было несколько часов

назад, я помню что сделал, помню как, но зачем... Пожимание плечами – универсальная детская блокировка тупости взрослых. Разве я был способен не то что воспроизвести, а хотя бы запомнить и опознать свои эмоции? И взрослые начинают подсказывать тебе ответы наводящими вопросами. Они сами этого не осознают, но они пытаются спроецировать свое взрослое мышление и при помощи этого объяснить мои детские мотивы. Он меня обидел? Вы что, идиоты? Нет, он меня порадовал, когда месяцами надо мной измывался, а в итоге надавал по морде и принялся душить. Он меня разозлил? Еще лучше. Все в таком духе. И, наконец, главное – хотел ли я его убить? Вот это уже интересно. Если бы они не спросили, я бы задумался об этом намного позже. Или, как знать, может, не задумался бы вовсе. Если честно, в тот момент, когда я бил его по яйцам, я не хотел ничего, кроме как освободиться. Но потом, когда подхватил железяку... Не знаю. Честно – до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. Наверное, я просто совсем иначе отношусь к вопросам жизни и смерти, чем большинство людей, не почитая их как нечто исключительное и священное. Как мне представляется, теория о святости любой человеческой жизни содержит в себе изрядную долю трусости цивилизованного человека.

Нет, ну правда же. Людей убивать нельзя, само собой. Животных можно – даже ради развлечения, – а человека – ни-ни. Но зачем тогда люди убивают друг друга? Это плохо, это нарушения закона и морали. Ясно. Но какую мораль наруша-

ют солдаты на войне? А, да, забыл – они сражаются за родину, за свободу, за идеалы. То есть, если ты придумал достаточно моральное оправдание аморальному поступку... Хотя, может, моя логика все-таки логика не совсем здорового психически человека.

В общем, те разбирательства, которые устроили мне после моего поступка, включая приезд полиции и страшные угрозы всеми казнями египетскими, возымели достаточно интересный эффект. А именно – я понял своими совсем еще куриными детскими мозгами, что можно манипулировать взрослыми как хочешь, если достаточно их напугать. Во всяком случае, до определенного момента.

Это было странное времяпрепровождение в кабинете директора. Они боялись последствий моего поступка – я нет. Они ужасались тому, что я сделал – я даже не знал что такое ужасаться. Взрослые такие идиоты. И главное – я каким-то своим уже тогда начавшим формироваться звериным чутьем вдруг понял, что они совершенно не знают как теперь со мной быть и как ко мне относиться. Ведь дети не могут творить зло – они ж, блин, все по определению ангелы. И тут такое... О ужас-ужас!

Короче говоря, меня пугали, а я не боялся. Но, поскольку слегка все-таки ошалел от произошедшего (ну а чего вы хотите, мне было всего восемь), то, очевидно, выглядел достаточно напуганным, чтобы они смогли-таки убедить себя в том, что им удалось меня напугать.

Потом, разумеется, были визиты к психологу. И к психологу. И к психологу. И психолог, очевидно, был очень недоволен нашими беседами, потому что лицо его всегда было либо мрачным, либо непроницаемым.

Он спрашивал меня хочу ли я еще кого-нибудь поколотить.

Я отвечал, что да. Иногда. И он мрачнел. Но простите, разве бывают восьмилетние пацаны (равно как и взрослые люди), которым вообще никогда не хочется кого-то поколотить? Хулигана в школе (а, да, забыл – я сам хулиган), злобного начальника, хамоватого соседа? Почему не колотят? Из вежливости или страха? Или это почти одно и то же?

Он спрашивал, раскаиваюсь ли я в своем поступке.

Я, вообще-то, совершенно не раскаивался, но дети понимают, чего от них хотят взрослые гораздо чаще, чем этим самым взрослым кажется. Поэтому я говорил... Наверное, я уже тогда проявлял некий актерский талант. Сказать просто «Да, раскаиваюсь» было бы неискренне, и даже тупой психолог из детского дома это бы понял. Поэтому я пожимал плечами, прятал взгляд – все как надо (хотя, я понятия не имел как надо) – и говорил, что не знаю раскаиваюсь или нет, но сейчас я бы, наверное, уже так не поступил.

Он спрашивал меня почему я не хочу, чтобы меня усыновили.

Нет, он что, в самом деле психолог, или диплом купил на блошином рынке? Откуда мне знать почему я не хочу? Но я

отвечал (достаточно честно), что мне не нравятся приемные родители. Что мне это кажется враньем – называть их папой и мамой, – потому что они не мои папа и мама. Или я уже тогда чувствовал?.. Да нет, полная чушь.

Он спрашивал есть ли у меня друзья.

Я отвечал, что есть. Нет, ну а у кого в восемь лет нет тех, кого можно назвать друзьями, а через пару лет даже не вспомнить их имен?

Он спрашивал, спрашивал и спрашивал. А я изо всех сил старался говорить именно то, чего он, наверное, хотел услышать.

Но он явно был мной недоволен. И очевидно, что меня в тот момент начали уже совершенно отчетливо воспринимать как психа. Другой вопрос, что я был психом на грани (как и всякий восьмилетний ребенок, между прочим), так что поставить мне однозначный диагноз и сбагрить в психушку не представлялось возможным.

Так шло время, жизнь продолжалась, я вел себя, в общем-то как вполне вписывающийся в рамки хулиган, никого больше не пытался убить. И взрослые, очевидно, решили, что я повзрослел, изменился и все такое.

На самом деле, я просто научился смотреть по сторонам, анализировать и делать свои выводы. Научился говорить то, что от меня ждали услышать и, по большей части, не попадаться на своих хулиганствах. Еще немного, и я научился бы манипулировать людьми. Но произошло непредвиденное. Я

влюбился. Хотя, это случилось уже позже.

4

«Не важно насколько близки люди. Их все равно разделяет бесконечность»

Декстер Морган

А еще, у меня был друг. Друг из приюта. Единственный и, наверное, настоящий. То есть, на мальчишеском уровне он, наверняка, считал меня своим настоящим другом. А я... Ну, насколько я был способен испытывать подобные чувства.

Если меня не усыновляли потому что я отталкивал от себя потенциальных родителей, видя в них колоссальную фальшивку, то его – просто потому, что он был больной и уродливый. Тощее тщедушное тело, огромная, покрытая нелепо растущими курчавыми волосами голова, очки с такими линзами, словно их сняли с телескопа Хаббл, и это было единственное, что помогло бы мальчишке увидеть мир. У него были какие-то проблемы с сердцем и жуткий, как будто даже видимый невооруженным глазом сколиоз. Его никто не любил. И он никому не был нужен. Кроме меня. Почему? Честно, я не знаю. Как мне кажется теперь, одной из моих основных психиатрических проблем была не тяга к насилию – никакой такой особенной тяги никогда и не было, – а избыток людей вокруг меня. Людей было слишком много, они

слишком много говорили, требовали внимания. Почему-то считается, что люди должны взаимодействовать друг с другом все поголовно и стремятся жить в социуме.

Мы с Крисом были вне социума. Разумеется, не потому что это был наш сознательный выбор – какой там к чертям выбор в сопливом возрасте. Просто так уж вышло.

Мы были отдельно. Так сложилось. И ему я прощал многое. Во-первых, потому что он был умен. Во-вторых, потому что – то ли от отчаяния, то ли еще по какой-то причине – ни черта не боялся. А в-третьих, потому что он казался мне родственной душой. Родственной в том смысле, что я сделал себя изгоем сознательно (ну, почти сознательно), а он был рожден изгоем.

Разумеется, я его защищал по мере сил, и изрядная доля моих драк происходила по отработанной схеме – он, будучи умным, но невоздержанным на язык, кого-то задевал, его пытались избить, и тут в процесс, с диким ревом и стремлением разорвать на части, врывался я. Думаю, если бы взрослые узнали о подобном раскладе, они стали бы относиться ко мне немного терпимее. Но они каким-то чудом не узнали. До сих пор теряюсь в догадках как такое могло произойти.

На протяжении тех немногих лет, что мы дружили, у нас выработалось некое подобие кодекса поведения, что ли. Разумеется, мы оба были уродами – он снаружи, я внутри. Только вот я-то до поры до времени ничего такого не осознавал, а ему... Ему было, наверное, намного хуже. Он точно

знал что из себя представляет.

Не знаю как это заведено в других приютах (мне кажется, есть вещи, одинаковые всюду), но в нашем старались никогда не затрагивать тему родителей. Настоящих родителей. Спросить у сироты как он стал сиротой считалось верхом бестактности. Можно было и по морде получить. Точно так же старались не говорить о возможном усыновлении – боялись сглазить.

У нас с Крисом таких проблем не было. Я понятия не имел откуда появился на этом свете. Его мать была наркоманкой, которую избил ее дилер и которая скончалась за несколько минут до рождения сына. Так что Крис появился на свет посредством кесарева сделанного трупы. Ничего себе происхождение. Но он этого не то что не стеснялся – как будто даже гордился. Правда, говорить про его мать что-то плохое все-таки не стоило. Крис от такого становился невменяемым. Драться он толком не мог и не умел, но однажды бросился на здорового пацана именно по этому поводу. Разумеется, не то что поколотить – Крис даже дотянуться до него не мог. Но смог мертвой хваткой вцепиться в пальцы обидчика и два из них почти откусил.

До сих пор помню эту сцену – вопящий пацан на полу прижимает к груди окровавленную руку из которой яростным потоком хлещет кровь. И Крис с окровавленным лицом, залитыми красным очками, безумно вопящий, как маленький вурдалак. В тот момент он навел ужас на окружающих. Я

им восхищался. Но я сумасшедший урод, так что мое мнение явно не в счет.

Есть во всем этом что-то от Стивена Кинга, правда? Позже, спустя годы, когда я прочитал «Блэйза» меня как громом ударило. И появилось нестерпимое желание пощупать лоб на тему наличия там несуразной вмятины. Но я на Блэйза, разумеется, не тянул. Блэйз был добрый (по-своему) дебил, которому не повезло в жизни. Про себя я такого сказать не могу.

Разумеется, мы с Крисом зачитывались комиксами и обсуждали героев. Только вот, в отличие от других пацанов, мы, по большей части, считали их идиотами, поскольку мы на их месте поступали бы совсем по другому. Спасать людей? Защищать невинных? Что за чушь. Мы уже научились тогда ненавидеть, и мы обсуждали кого бы мы порезали на кусочки, имея когти Россوماхи и на кого уронили бы что-нибудь тяжелое, обладая силой Супермена (но без идиотского красно-синего сочетания костюма). Разумеется, на Большого Папочку. Директора нашего приюта. Он нас, почему-то, особенно бесил. Может, потому что каждый раз во время своей ежегодной речи сообщал воспитанникам, что постарается хотя бы отчасти заменить нам отца. Строгого, но любящего и справедливого. А во время собеседований в своем кабинете, куда вызывались на экзекуцию провинившиеся, это говорилось намного чаще. И, поскольку мы с Крисом не были в числе хороших мальчиков, нам приходилось выслушивать

подобное регулярно.

Нет, ну неужели человек, много лет проработавший директором приюта может не знать, что это полный идиотизм и последняя ошибка? Объявить сироте, что этот вот надутый дядя – некий заменитель отца. Родителя. То ли взрослые и впрямь напрочь забывают как мыслят и чувствуют дети, то ли Большой Папочка был просто идиотом. Вроде директора тюрьмы – он придурок, сам об этом не подозревает, но и сказать ему об этом никто не решается. Вечный синдром больших начальников и вообще всех людей обладающих властью.

Крис был прямолинеен, дерзок и отчаянно смел. Он как будто стремился постоянно нарываться на неприятности, получать по физиономии, чтобы его вечно пилили, вызывали в кабинет к Большому Папочке... Я и сам в этом смысле не был подарком, но он... Однажды я спросил его почему он все это делает. А он мне и сказал:

– Я себя ненавижу. – Спокойно так сказал, с жутковатой улыбкой на лице. – Я не должен был родиться и не должен был выжить. Но родился, выжил... И вот я такой. Я все равно сдохну. Так почему бы не сделать это с большим шумом?

И вряд ли он понимал в тот момент, что жутковатые стекла в его очках увеличивают и глаза и отчаянные слезы.

Когда одиннадцатилетний пацан говорит такое... Я не знаю как это должно восприниматься и что бы при этом почувствовал обычный взрослый, или просто другой такой же пацан (нормальный пацан, не я).

А знаете что почувствовал я? То есть не почувствовал и не понял даже – увидел. Не хочет он умирать. Хотя, это, собственно, очевидно. Но я увидел и почувствовал, что он хочет жить так отчаянно, что аж дух захватывает. Ядерный реактор мог бы прикурить от такого желания. Но он не хотел жить так и таким. Он считал себя уродом намного больше, чем являлся на самом деле.

И только ему хватило ума понять когда я влюбился, что я влюбился.

5

«Влюбленный человек на пике влюбленности теряет в среднем от 20 до 40% интеллектуальных способностей»

Сугубо научный вывод влюбленных американских ученых

Ее звали Лора, и, на мой взгляд, в ней все было прекрасно, кроме имени. Но меня, как и любого относительно нормального подростка, мало интересовали такие мелочи. И временами даже имя казалось прекрасным. Она была на два года старше меня и не из приюта. Обычная девчонка. Но потрясающе красивая. Так мне казалось, и так оно, наверное, и было на самом деле. Светло-русые шелковистые волосы, чуть смуглая кожа и ослепительные голубые глаза... Ну и

какое это могло произвести впечатление на меня в одиннадцать лет? Не знаю, может, я из ранне вызревающих. Большинство моих ровесников еще играли в войнушку и зачитывались комиксами. Впрочем, комиксами и я зачитывался, хотя, как мне кажется, психологу стоило бы запретить конкретно для меня подобное засорение мозга. Я был, все-таки, ненормальный, и если большинство моих ровесников, читая комиксы, все-таки понимали, что никакого Супермена в трусах поверх постыдного трико нелепо декорированного пафосным плащом, не существует, меня в комиксах привлекали – уже тогда – не супер возможности какого-нибудь во всем остальном совершенно тупого героя, а... Вероятность другой жизни, что ли. Других правил. Без вранья, лицемерия и своеобразной скуки, навязываемой взрослыми. Где злодея можно покарать без долгого и нудного привлечения всевозможных органов, судебных разбирательств и мучительного соблюдения правил вежливости. И где герой сам решает кто злодей и как с ним поступить. Бэтмэн с неизменным упрямством мула сажал своих недругов в тюрьму. Честное слово, я бы попричастствовал хотя бы на одном процессе по делу Джокера или Двуликого.

Я хотел вырваться из мира непонятных правил. И, поскольку они были непонятными, а мне было всего одиннадцать, я готов был слететь с нарезки в любой момент.

Но тут на горизонте появилась Лора, и всякий раз, когда я ее видел, я слеп и глух одновременно. Она казалась мне

ослепительной, как Солнце, которое в такой близости могло сжечь сетчатку глаз. И я был не против. Темой Эннио Морриконе, которую включили на такую громкость, что вот-вот разорвет барабанные перепонки и лопнет череп. Короче, нормальный мальчишеский гормональный бум.

Стоило Лоре появиться в непосредственной близости, как я становился клиническим идиотом, так что это было заметно даже моим туповатым друзьям и одноклассникам. Они пытались надо мной посмеиваться, но всерьез дразнить не решались – знали, чем это может для них кончиться. А одноклассники Лоры... Ну, каждый класс – свое сообщество. И, как и всякое закрытое сообщество, его ни черта не интересует что происходит за его границами. Им было по тринадцать, мне – одиннадцать. Малолеток. Хотя, я и прославился на какое-то время благодаря попытке грохнуть жирного урода из старших классов, но такая слава скоротечна. Так что они меня попросту не замечали. Как, собственно, и объект моего отупления.

Я следил за ней на расстоянии и никогда не мечтал не то чтобы о чем-то пошлом, плотском или объяснимом – даже о невнятном не мечтал. Я понятия не имел к чему все эти мои чувства и что с ними делать. Я и не знал вообще, что с ними надо что-то делать.

Вообще-то воспитание детей на тему взаимоотношения полов всегда было ахиллесовой пятой любого воспитания. Не знаю с чем это связано – то ли с христианством, то ли еще

с чем. Почему-то все, что связано с размножением среди людей считается чем-то... Короче, подростки сперва стесняются, потом становятся взрослыми, начинают стесняться меньше, но все равно стесняются рассказывать об этом детям и подросткам. Секс – некое полупостыдное действие. Интересно, откуда тогда мы все взялись?

Это сейчас благодаря интернету дети знают все и обо всем. То есть, знают все – не умеют ни черта. В годы моей юности интернета не было. Так что мы и не знали и не умели. И я понятия не имел что так влечет меня к этой девчонке и чего именно я должен желать и хотеть. Я ничего не понимал.

Понял Крис. Он, разумеется, заметил мое размягчение мозгов, которое вступало в острую фазу, стоило Лоре появиться на горизонте. В первый раз он просто удивился. Потом вдруг помрачнел. А когда спираль моего неосознанного вожделения раскрутилась уже основательно сказал, печально покачав головой:

– Добром это не кончится.

Я не знаю, позировал он таким образом, подражая психологу, или на самом деле обрел вдруг некую секундную мудрость. А может, просто уже осознал по опыту, что со мной ничего добром не кончается. Так оно, в итоге и вышло.

Собственно, все в моей жизни, так или иначе, кончалось плохо. И схема была всегда примерно одинаковая. Я уже говорил, что Лора была на два года старше меня, так что, естественно, у нее в классе были свои взаимоотношения, друзья,

первые попытки строить глазки мальчишкам и первые попытки со стороны мальчишек распушить пока еще не вполне пушистый хвост перед красивой девчонкой. Ну, а поскольку попытки и с той и с другой стороны были пока еще неумелые и неуклюжие, а восприятие и неосознанные позывы такого малолетка как я заставляли их воспринимать еще более... Короче, все как всегда – дети ни черта не понимают, а взрослые по некоему набору совершенно идиотских причин ни черта им не объясняют.

Нет, серьезно, много позже я стал задумываться, что у ребенка выросшего, например, где-нибудь на ферме и многократно наблюдавшего за сутью жизни – забоем скота, совкуплением зверушек, рождением всяких там ягнят-жеребят – никаких проблем с восприятием реальности не возникает. Так почему же тогда в городских условиях простые и естественные вещи вызывают у всех такой ступор и стыдливость с нежеланием пускать простое в мозг? Религия в этом виновата, что ли? Одно фальшиво-непорочное зачатие и гора вранья заставила людей стыдиться своего естества? Нет, правда. Я вот таким родился – категорически не понимаю и не признаю этот странный постулат об абсолютной ценности человеческой жизни. Люди убивают друг друга в войнах, режут в подворотнях, но при этом одни правы, другие нет, а главное – все вместе продолжают талдычить о том, что убивать нельзя. Это уже не лицемерие – это откровенный бред. Впрочем, так же позже я осознал вдруг, что цивилизован-

ность, в основном своем проявлении, – это неуклюжие попытки балансировать между лицемерием и цинизмом. Я предпочитаю цинизм. Но я же и не претендую на звание цивилизованного человека.

В общем, как бы там ни было, в том возрасте я смотрел на Лору сам не понимая и не пытаюсь даже понять что со мной происходит, и был, очевидно, готов за нее умереть. Но, по моему складу, я всегда был расположен скорее к обратному действию – не умереть, а убить.

Знаете, каким бы я там ни был от рождения и благодаря странно сложившейся жизни, я всегда считал, что мужчина не должен поднимать руку на женщину. Не по каким-то там моральным причинам – просто это совершенно противоестественно. Как гомосексуализм. Дело не в правах голубых, не в чем-то там таком – просто все почему-то пытаются замылить тот факт, что это совершенно противоестественное действие. К сожалению, в детстве мальчишки частенько дерутся с девчонками (и так же частенько получают от них по мозгам), а если рядом и обнаруживаются взрослые, которые должны их научить, то они действуют так неумело и неуклюже, что... Про гомосексуалистов не знаю.

Короче, стандартная схема на школьной перемене. Перед дверью класса мальчишки и девчонки маются дурью, бегают, толкаются, в общем, совершенно нормально себя ведут. И совершенно нормально, что они частенько заигрываются и не могут остановиться. И если...

Тот пацан, наверное, и не был ни в чем виноват. То есть, сознательно он ничего плохого не планировал. Но заигрался, толкнул богиню моих грез, и она, неуклюже взмахнув руками, рухнула лицом прямо на приоткрытый край двери. Все учились в школе и все знают – в школе все жутко твердое. Очевидно, если бы это было иначе, дети разнесли бы учебное заведение молниеносно. А так – оно держится целый учебный год, вынося буйство. Скамейки в спортзале из такой древесины, что можно браться вдесятером, разбегаться и пробивать ворота вражеской крепости. Крючки в раздевалке, способные удержать на привязи африканского буйвола. И двери. Под многими слоями дешевой масляной краски, перекошенные, с усилием запирающиеся. Такие твердые.

Лора страшно вскрикнула и схватилась за лицо. Между пальцами брызнула кровь. Как потом выяснилось, ничего страшного, кроме разбитой губы там не было. А этот мальчишка... Черт, если бы нас учили... Если бы он бросился к ней на помощь, если бы хотя бы извинился... Но он стоял там и продолжал по-идиотски улыбаться. Наверняка он был напуган, наверняка ничего такого не хотел.

На меня все это подействовало как команда «фас» на бультерьера. Я, плохо соображая что делаю, сорвался с места, моментально набрал крейсерскую скорость, и прямо на этой самой скорости буквально внес ее обидчика в тот самый класс.

Разумеется, он не ожидал нападения с такой неожидан-

ной стороны. И разумеется он пролетел несколько метров и рухнул на пол. Как, впрочем, и я. Но он пришел в себя чуть раньше. Ошалев от такой наглости, он набросился на меня с воплем: «Ты что, охренел, малолеток?!».

Мое счастье, что он не умел толком драться – большинство современных людей не умеют. Так что он просто схватил меня, зажал мою голову под мышкой, натужно шипя и, очевидно, размышляя как поступить со мной дальше. Долгие размышления в экстремальной ситуации ведут к плачевным последствиям. Пока мы там топтались посреди класса, я ухватился за подвернувшийся стул и очень удачно опустил его острый металлический край (кто помнит – стулья в школах на металлической основе) ему на подъем стопы. Разделся явственный хруст сломанной кости, он заорал, отпустил мою дурную башку и попятился. Я уже говорил, кажется, что у меня талант в обращении с подвернувшимися предметами. Вот тут он и сказался. Я успел повернуть стул на бок таким образом, чтобы мой несчастный обидчик, отступая, зацепился на него неповрежденной ногой и грохнулся как подкошенный, смачно ударившись затылком об пол.

Нормальный подросток на этом бы успокоился. Конченный неадекватный псих схватил бы стул, задрал над головой и добил врага. Со всеми вытекающими последствиями. А я... Я перекатил стул, упер острый край спинки ему в щитовидный хрящ и налег сверху. Так и давил, пока меня не оттащили и не скрутили.

Хотел ли я его убить? Понятия не имею. Я уже говорил – для меня система ценностей выглядит несколько иначе, чем для обычного человека. Может, я и не собирался его убивать, но и не дозировал свою агрессию, чтобы сохранить ему жизнь. Хочет ли пулеметчик, поливающий окрестности огнем, убить кого-нибудь конкретно? По-моему, дурацкий вопрос. Он же в этот момент не соображает ни черта.

Могу сказать только, что он остался жив. Строго говоря, я не убил еще одного ни в чем не повинного человека. Меня оттащили в кабинет директора, вызвали полицию, долго что-то оформляли и выспрашивали, а потом отправили обратно в приют. Говорят, шла речь о том, что школьная администрация настаивала на том, чтобы я больше не появлялся в школе, что мне нужна профессиональная помощь и все такое. Но все обошлось. Большой Папочка, очевидно, был в восторге.

А Крис той же ночью после отбоя сказал:

– Рано или поздно они тебя упекут.

– Куда? – равнодушно спросил я. Нет, правда, на меня, как и после случая с толстым уродом, накатило какое-то совершенно стеклянное спокойствие.

– В Шестерку, – объяснил Крис.

– Мне одиннадцать. Не смогут.

– Через год смогут. Или вообще в психушку. Или затравят психиатрами.

– Ты думаешь, я псих? – спросил я.

– Конечно, – усмехнулся Крис. – Все либо психи, либо трусы, либо уроды, либо извращенцы. Либо все вместе. Но ты классный.

– Спасибо, – фыркнул я.

– Но кому какая разница? – Он помолчал, а потом вдруг спросил: – Ты когда-нибудь был на кладбище?

– Не-а, – растерялся я.

– А я был. Знаешь, там до хренища могил. Так много, что мне показалось, что почти все померли.

– Это ты к чему? – не понял я.

– К тому, что некоторые из тех, кто там теперь лежит, наверное, тоже были классные. Ну и что? А теперь вот кормят червей. И ни черта не изменилось.

Я совершенно честно не знал как на это ответить, поэтому тупо промолчал.

– Жизнь – это паршивая штука, – развивал свою мысль Крис. – Больно, обидно, несправедливо. А в конце сдохнешь. И если бы Бог был честным – не надо было бы вообще рождаться.

– Ты чего такое несешь? – удивился я.

– Ничего, – тихо проговорил он. – Просто я боюсь, что они тебя сожрут.

– Кто?

– Все. Взрослые. Мир. Ты не умеешь останавливаться. Ты сумасшедший. И рано или поздно они тебя сожрут. И я останусь один.

Больше он ничего не говорил. Я и не настаивал. Я думал. На самом деле, мне было почти что наплевать что со мной будет – сам не знаю почему. Но то, что я кому-то нужен настолько, что он боится меня потерять, было откровением. Нет, я не стал мыслить в том ключе, что теперь вот я должен взять себя в руки ради Криса, потому что я ему нужен и бла-бла-бла. Самопожертвование никогда не было пунктом моего характера. Но все же его слова заставили меня задуматься.

Что касается моей перспективы, тут я тоже не особенно волновался. К тому моменту я уже успел осознать, что мир взрослых очень много и часто грозит, пугает и мало когда действует. Цивилизованность. Вряд ли они отправят меня в психушку. Наверное, я был дурак. То есть, я точно был дурак. И если бы Большой Папочка тогда задумался, он бы наверняка понял, что рано или поздно я сотворю такое от чего не поздоровится всем. Но в тот момент мне казалось, что он всегда старается замять скандалы. Административный рефлекс. Его позиция против позиции директора школы. Но я сирота, следовательно, жизнь у меня по определению не сахар, а значит, меня нельзя обижать и притеснять. До абсурда. Как гомосексуалиста, честное слово. Сам Большой Папочка всегда утверждал, что в таких ситуациях он нас спасает, потому что мы несчастные дети и каждый из нас заслуживает второй шанс... и третий шанс... и десятый шанс. Мы же были уверены, что он просто стремится не выносить сор из избы.

Но я и впрямь начинал выскакивать из рамок. И Крис был абсолютно прав, наверное, в том, что рано или поздно я сотворю нечто жуткое. Ошибался он в другом. Сначала приют убил его.

6

«Мужики не пьют нанаку из сосы – они пьют нанаку из горла»

Милхауз Ван Хуттен

Но до всего этого появился Виктор, и, я так думаю, появился он неспроста. Если кто и верит в некую высшую силу, в судьбу и прочую ахинею, то можно было бы сказать, что именно эта высшая сила сотворила Виктора таким, каким он был, с той судьбой, которая у него была, и в таком виде обрушил на моем только начавшемся жизненном пути. Только вот вряд ли кто сможет понять – плохая эта сила, или хорошая. Послал мне Виктора Бог, или Дьявол (пardon, о нем я тоже привык мыслить с большой буквы – в Инь-Яне все элементы равной величины, в конце концов).

Началось все странно и необычно. С мелочи из которой выросло нечто совершенно фантазмагоричное. Позже я понял, что, когда дело касалось Виктор, по другому и не бывало.

Был совершенно обычный день, который, как выяснилось потом, был одним из немногих последних обычных дней в моей жизни. Уроки в школе закончились, и мы сплоченным стадом направлялись в автобус, который должен был отвезти нас обратно в приют. И тут я краем глаза уловил какое-то движение. Что-то яркое мелькнуло на самом краю зрения. Сознание не успело среагировать, но моя рука сама собой взметнулась и выхватила нечто из воздуха.

– Вау! – выдохнул Крис, стоявший рядом со мной.

Я поднес к глазам пойманное, чтобы рассмотреть. Оказалось – простой теннисный мячик. Ярко-желтый, обычный. Но, очевидно, летел он с дикой скоростью, потому что теперь я почувствовал некий дискомфорт в руке, схватившей его на лету. Я уже говорил, что чувствую предметы лучше обычного человека, но поймав этот мяч, очевидно, приблизился к некоему пределу своих возможностей. Страшно подумать, что бы случилось, попади он мне в череп.

И как-то не сразу я заметил приближающегося ко мне человека. Он был невысок ростом, широкоплеч и как-то очень уж ладно скроен – крепкий, мускулистый, явно очень подвижный, но и какой-то расслабленный, даже разболтанный одновременно. В нем чувствовалась и звериная сила, и уверенность в себе и склонность к... лицедейству, что ли? Или к провокациям в отношении окружающих. Коротко стриженные волосы на массивной голове, резкие и даже грубоватые черты лица, трехдневная, пегая от седины щетина. И

глаза. Темные, пронзительные, со взглядом умным, но, черт его возьми, совершенно непонятным. Этот взгляд был не насмешливый, не печальный, не сочащийся мудростью или какими-то стандартными эмоциями. Взгляд сумасшедшего? Нет, это слишком просто. Абсолютно невозможно даже сочинить о чем думает человек с таким взглядом.

Вот сколько всего я увидел сразу, бросив лишь один взгляд на этого типа. А может, и не увидел ни черта – просто потом, спустя время, напридумывал, что все это увидел и понял сразу.

Он двигался с какой-то странной грацией, так что сразу и невозможно было врубиться – быстро, или нет. Подошел, посмотрел на меня – как рентгеном просветил. – и сказал:

– Хм. Интересно. Отдай мячик.

Я даже подумать ни о чем не успел, как он с нечеловеческой быстротой протянул руку и выхватил мяч у меня из руки. Как фокусник. И уж совершенно по-идиотски прозвучал мой запоздалый вопрос:

– Это ваш?

Он посмотрел на меня как на идиота.

– Нет. Я тут мечусь по просторам и чужие мячи подбираю.

– А-а...

– Точно, – быстро сказал он. – Именно об этом и думал. Только не знал как сказать. Сам бы не смог лучше сформулировать.

– Что?..

– А-а, – передразнил он.

Я совсем обалдел. Несколькими фразами он положил мой ошетинившийся мозг злобного, принципиально одинокого подростка-сироты на лопатки. Таких людей я точно еще не встречал. Но инерция требует жертв. Тем более, инерция мышления.

– Это вы в меня кинули? – спросил я.

– Не-а, – сказал он. – Это провидение. Но моей рукой.

– А если бы я не поймал? – вяло возмутился я, потирая ноющую руку.

– Тогда ты получил бы по мозгам глупым теннисным мячиком, – радостно сообщил он. – И стал бы мне совершенно неинтересен. Мне не интересны люди, получающие по мозгам и неспособные поймать простой мяч.

Честно сказать, я ни черта не понимал. Точно не встречал еще таких взрослых. Он вел себя как подросток, который раз в двадцать умнее умудренного опытом старого пердуна.

– Но ты поймал, – сказал он. – И я, кстати, знал, что поймаешь. А ты?

– Что –я?

– Ты знал?

Я был настолько сбит с толку, что мог только как обычный пацан пожать плечами.

– Ясно, – сказал он. – Ладно, пошли побеседуем.

И вы не поверите, но я пошел. То есть просто как овечка на веревочке (ну, или как их там водят).

Но тут вмешался водитель приютского автобуса.

– Эй-эй, как вас там! – провозгласил он. – Я отвечаю за этих ребят.

– Отвечаешь за ребят? – удивился странный незнакомец, добавив к удивлению тонны три сарказма. – Черт, никогда не понимал, что это значит – за кого-то отвечать. Ну да ладно. Отвечаешь – так отвечаешь. Этот пацан пойдет со мной.

– А я говорю, не пойдет, – совершенно, по-моему, справедливо взбеленился водитель автобуса. – Я их каждый день отвожу и привожу...

– И не надоело? – быстро спросил незнакомец. – Каждый день одни и те же рожи.

Водитель как будто несколько растерялся, но достаточно быстро взял себя в руки и спросил:

– А вы кто, собственно, такой?

– Сотрудник школы, – пожал плечами незнакомец. Он извлек из заднего кармана карточку и сунул водителю под нос. – Этот пацан ну очень плохо себя вел. Он останется после уроков и раз пятьсот напишет на доске «Я придурок». А потом я сам его привезу.

Водитель автобуса с такими сотрудниками школы явно не встречался никогда. Без рентгена и медицинских познаний было видно, как его мозг закручивается в тугой штопор неспособный ни на какое не то что понимание, а простое осмысление происходящего.

– Да не переживайте вы так. – ласково проговорил незна-

комец, и не просто тон его изменился – он сам словно стал другим человеком. – Я действительно работаю в школе, вы меня сто раз видели. Пацана я задержу на полчаса – от силы на час. Если хотите – можете подождать. Но зачем оно вам? Я же обещал – сам привезу.

– Но... – продолжал буксовать интеллект водителем.

– Так, – сказал незнакомец. – Я не педофил, не маньяк и не кто-то там еще. Я занимаюсь с трудными подростками, которые нуждаются в особой дисциплине. Вы, я надеюсь, не сомневаетесь, что вот именно этот паршивец нуждается в дисциплине.

– Эй! – возмутился было я.

Но он спокойно и даже ласково велел мне:

– Заткнись.

В глазах водителя автобуса начало загораться некое мутное понимание. Кажется, мир, наконец, подкинул ему понятный ориентир.

– Я понимаю, что этот паршивец относится к двум юрисдикциям – школьной и приюта, – продолжал незнакомец. – Но, поскольку он напакостничал в школе...

– Все, понял, понял, – успокоился водитель автобуса; – Но мне нужны ваши данные. Чтобы если что...

– Да ради бога, – согласился незнакомец, снова протягивая ему удостоверение. – Этот пацан должен пойти со мной. Даже если мне придется дать ему по башке и увести под предлогом оказания первой помощи.

Водитель автобуса диким взглядом посмотрел на собеседника.

– Ну, в смысле при кровотечении из носа наложить жгут на шею... – пробормотал незнакомец.

– Вы ненормальный? – поинтересовался водитель.

– А кто-нибудь другой станет заниматься такими пацанамми? – осведомился незнакомец.

Водитель пожал плечами и впился взглядом в удостоверение, как будто всем телом силясь запомнить что там написано.

– Ладно, – сказал он, наконец. – Все, вроде, в порядке. Но я доложу директору приюта.

– Да мне наср... То есть, конечно, обязательно, – проговорил незнакомец.

Водитель снова пристально на него глянул, и полез за руль.

Остальные ребята, поглядывая на меня и на странного «сотрудника школы» полезли в автобус. Вскоре они уехали и мы остались вдвоем на опустевшей стоянке. Я был как будто под гипнозом, или в ступоре. Но, стоило автобусу скрыться за поворотом, словно проснулся. Но происходящее от этого понятнее не стало.

– Нам надо поговорить, – сказал незнакомец. – Кстати, если что – меня зовут Виктор.

– Ну и что? – проворчал я.

– Ничего. Просто имя. Обозначение. Можешь восприни-

мать меня под таким названием.

– И что вам от меня надо? – спросил я. – Что я опять не так сделал?

– Ты до черта чего уже сделал. А так или не так – не мне решать.

– И?

– Что – и?

– Что дальше?

– Пока ничего, – он пожал плечами. – Ты мне стал интересен. Но насчет того что мне от тебя что-то надо... Это надо скорее тебе. Просто ты пока еще этого не знаешь. Пошли, пообщаемся.

– Никуда я с вами не пойду! – взбеленился я. Кажется, возвращался в свое нормальное состояние.

– Ладно, – легко согласился он. – Можем поговорить здесь. Но я бы предпочел сидя. И еще я хочу кофе. Но если ты настаиваешь...

– Да кто вы такой?!

– А ты кто такой? – спросил он. – Вот что интересно. Ты же явно не простой пацан из приюта. И ты явно недостаточно туп, чтобы так о себе думать.

– Да ни о чем я таком не...

– Пф-ф... – вздохнул он. – Ну почему даже вполне интересные люди в качестве защитной реакции предпочитают вести себя как полные кретины. Знаешь, что я тебе скажу? Ты можешь, конечно, встать в обычную подростковую позу и

упереться рогами в асфальт. Это нормально. И я сразу утрачу к тебе всякий интерес. То есть, когда во что-то упираешься рогами задница остается совершенно неприкрытой, но это мне мало интересно. А можешь просто потратить полчаса на разговор и после него уже принимать решение. Но и в том и в другом случае могу дать тебе совет. Если хочешь увидеть человека с диким ускорением проваливающегося в задницу – посмотри в зеркало. На любом этапе своей недолгой жизни.

– Вы... – Я растерялся. – Вы о чем?

И тут он посмотрел мне в глаза.

– О том, что такого, какой ты есть сейчас, тебя этот мир рано или поздно убьет. Или покалечит до неузнаваемости. Я пока еще понятия не имею что ты за зверь, и может, так никогда и не пойму. Но одно я знаю точно – рано или поздно даже самый загадочный зверь становится мертвым зверем. И если зверь не вписывается в среду обитания, такое, как правило, происходит очень быстро.

Засим он повернулся ко мне спиной и пошел в сторону школы. А я, совершенно раскатанный по асфальту его словами, поплелся следом.

7

“Будь у Иисуса пистолет – он был бы жив”.

Гомер Симпсон

Это было так странно. Он не брал меня за руку, не направлял – просто пошел. И я шел следом, словно меня тянули за поводок. Наверное, впервые в жизни я не просто хотел куда-то идти – буквально физически чувствовал, что идти необходимо.

Он повел меня в странную пристройку за отдельным спортзалом. Конечно, я ее сто раз видел, но, как не полностью школьный ребенок с окрестностями, скажем, приюта я был знаком намного лучше, чем с этими. Равно как и с людьми. Например вот этого я раньше никогда не видел. Такого я бы запомнил.

Внутри этой самой пристройки все оказалось так вполне ничего себе. Уютненько. Хотя, и вполне просто. Диван, два кресла, стол со стулом, парочка шкафов, кофейный столик с водруженной кофемашиной.

– Эспрессо, американо, капучино, растворимой бурды из банки? – спросил он.

Ну какой ребенок откажется от капучино? И я сказал, неожиданно для самого себя:

– Эспрессо.

Он недоуменно задрал бровь, потом хмыкнул, но ничего не сказал. Через минуту протянул мне чашку, стукнул о стол сахарницей, а сам совершенно неожиданно завалился на диван. То есть буквально плюхнулся и вытянулся во весь рост. Впрочем, вряд ли что-то в его поведении теперь могло меня

удивить. Я напихал себе в чашку сахара и принялся прихлебывать, стараясь не смотреть в сторону предстоящего собеседника.

А он рассматривал меня не стесняясь. Этаким взглядом оценщика. Оставалось только понять – это взгляд оценщика скота, или оценщика ювелирных камней. Но он явно не собирался мне помогать – просто смотрел с какой-то совершенно ядовитой усмешкой. В конце концов я не выдержал и спросил:

– Ну, что?

– Тс-с! – прошипел он. – Я пытаюсь смутить тебя молчанием. А ты все портишь.

– Чего? – обалдел я.

– Пф-ф, – вздохнул он. – Ну вот, все испортил.

– Что испортил?

– Воздух, блин, – фыркнул он.

Я не выдержал и прыснул. Странно, но до меня только теперь дошла простая вещь – насколько он забавный. Любой нормальный ребенок понял бы это сразу. Но я, очевидно, был очень ненормальным ребенком.

– А ты хорош, – сказал Дмитрий, снова на меня уставившись.

– В смысле? – спросил я.

– Ой, да ладно, не прикидывайся, – отмахнулся он. – Ты не настолько маленький и тупой, чтобы не понять о чем речь.

Я предпочел промолчать и только пожать плечами.

– Ну вот, опять, – вздохнул он. – Как будто я тебя уличил в том, что у тебя член на лбу растет.

Я криво улыбнулся.

– Глазищи на полфизиономии, да и сама физиономия очень даже ничего себе. У тебя прыщи есть?

– А-а... Нет.

– Супер. Телосложение будущего стриптизера. – Он говорил так, словно оценивал товар, то ли предлагая, то ли наоборот собираясь покупать. – Во взгляде столько мысли, что прям. Ты же умный парень, правда? Обычно все красавчики дебилы. Либо дебилы, либо слабаки, либо еще что. Хотя, это же логично. Они и так всем нравятся, привлекают внимание – зачем им еще что-то придумывать? Эволюция произвела их на свет и отправилась спать. Но ты у нас не таков, правда?

Я долго не мог сообразить что на это ответить, а потом проблеял:

– Не знаю.

– Ну вот, вздохнул он. – А теперь ты смущаешься и кокетничаешь одновременно. Как обычный малолеток. Опять меня разочаровываешь.

– Слушайте, вы зачем меня сюда притащили?

– Я насчет тебя наводил справки, – сказал он. – Я за тобой наблюдал.

– А-а... Зачем?

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Потому что мне было интересно. После того как ты по-

калечил старшекласника в позапрошлом году. Ты хорошо учишься, хорошо соображаешь, но ты странный до жути. И мне стало интересно.

На какое-то время он замолчал, глядя в потолок. Затем продолжил:

– Да, ты чертовски странный тип. У тебя есть потенциал, есть мозги, но ты, как мне показалось, вообще не умеешь реагировать на окружающую среду и приспосабливаться. Такие не выживают. То есть, для обычного ребенка это нормально, но кто назовет тебя обычным ребенком – пусть бросит в Иисуса кирпич. А потом ты влюбился и снова подрался так, что твой оппонент чудом остался жив.

Я – вот тут уже как нормальный ребенок – тут же ушел в глухую защиту. А именно – надулся и принялся глядеть в пол. Но надолго меня, опять-таки не хватило.

– Откуда вы узнали? – спросил я.

– Что ты влюбился? – переспросил Дмитрий.

– Ну, о том как я разнес того пацана в школе все знают.

– Пф-ф, – снова фыркнул он. – Знаешь, по-моему, это было совершенно очевидно для всех, кроме тебя. Ну, то есть после того, как ты урыл того пацана. Кстати, суровая работа. Молодец. Хотя и дурак.

– Знаю, – вздохнул я.

Он посмотрел на меня неожиданно серьезным взглядом и сказал:

– Ни черта ты не знаешь. И прекрати вести себя как про-

стой пацан. Ты не можешь позволить себе такой роскоши.

Я счел за благо промолчать.

– Знаешь, – проговорил он, – я мог бы сказать, что ты из той категории людей, которые либо становятся президентами вселенной, либо помирают от передоза в семнадцать лет, либо садятся за непредумышленное. Но это глупость. Во-первых, потому что нет никаких категорий людей. А во-вторых, если уж говорить в подобном ключе, все люди так или иначе в этой категории. Но тебе явно на все это наплевать.

Тут уже я промолчал, потому что вообще не знал как реагировать. Чего там – я не понял и половины сказанного.

– Странно, что ты до сих пор не спросил зачем я тебя сюда привел и что мне вообще от тебя надо, – сказал он. – Я сбил тебя с толку?

– Ага, – честно признался я.

– Это нормально. Привыкай. Поверь, это не актерство – я на самом деле такой.

– И зачем мне к этому привыкать? – поинтересовался я.

Он усмехнулся.

– А затем, что я, в качестве некоего хобби, помогаю некоторым людям научиться выживать. И затем, что в обозримом пространстве конкретно тебя могу этому научить только конкретно я. А еще затем, что я тебя заинтересовал, а тебе редко бывают интересны люди вообще и взрослые в частности.

Черт, тут он был прав. Пока он этого не сказал, я и сам не задумывался.

– В чем-то ты такой же как и все люди, – проговорил он, явно наслаждаясь моей реакцией. – Люди смотрят и не видят. Слышат, но не понимают. Сознание современного человека заключено в пузырь.

– В какой пузырь?

– Ой, там много всего. В двух словах и не расскажешь. И самообман, и лицемерие, и нежелание замечать очевидное, и лень, и страх, и тупость. Готовые клише и формулы мышления, запрограммированность не замечать очевидного и не признаваться в неприятном... Куча сам понимаешь чего. И пока ты такой как все, как большинство, этот пузырь тебя вроде как защищает. Но ты ведь органически не способен быть как все. И то, что ты весь такой красивый, умный и вся прочая чушь, помноженное на твой характер и беснующийся дух с мозгами явно из другого набора... Ты не можешь позволить себе жить в пузыре. И мне почему-то захотелось попробовать научить тебя как без него обходиться.

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем вам это надо?

Он удивленно уставился на меня, потом быстро и легко поднялся с дивана и снова пошел к кофемашине.

– Я захотел кофе, – сообщил он. – Зачем?

– Просто захотели, – ответил я, пожимая плечами.

– Вот именно! – радостно провозгласил он. – Люди придумывают оправдания для своих поступков, долг какой-то там, правила, мораль. В сути, причин бывает две. Первая – потому что хочется. Вторая – потому что по-другому не получается. Все остальное – не более чем упаковка. Я не слишком сложно излагаю?

Как ни странно, я все понимал. И еще у меня появилось незнакомое ощущение. Или чувство. Или желание. Я вдруг страстно захотел, чтобы он продолжал. Но он, словно уловил мои эмоции и продолжать не стал. Как я выяснил позже, во-дилась за ним такая особенность – он частенько знал и понимал о чем человек думает и что он чувствует лучше этого самого человека. И нагло этим пользовался.

Вместо продолжения он налил себе еще кофе, сообщив, что это одна из многих его слабостей, прошествовал к одному из шкафов и распахнул створки. Внутри оказался некое подобие сейфа. Виктор открыл сейф, поставил чашку на кофейный столик и принялся извлекать на свет божий коробки. Потом перетащил коробки на стол и стал деловито выкладывать передо мной их содержимое. А содержимым была мальчишеская (или вообще мужская) мечта. Это было оружие. Всего четыре единицы. Револьвер и три пистолета. Я почти ни черта не понимал в оружии, и это великолепие меня убило.

Дмитрий снова взял чашку, плюхнулся в кресло и предложил:

– Выбери один.

Нет, ну он что, издевался? Как тут выберешь? Моя б воля, я бы все сгреб в охапку и уволок к себе под подушку. Но я честно стал выбирать.

Рука потянулась к револьверу, но он показался мне слишком тяжелым. Да и шесть патронов... Его я отложил и взял другой ствол. Этот ствол я, по крайней мере, мог опознать. О чем не преминул с совершенно обычной мальчишеской гордостью сообщить:

– Кольт 1911.

– Браунинг, – поправил меня Виктор. – Платформа Браунинга 1911. Говорить про него Кольт совершенно неприлично. Или ты решил в гангстера поиграть? А то я и Томпсона могу достать.

Я отложил этот ствол и взял следующий. А потом следующий. И вот этот последний буквально врос в мою руку. Большой, черный... То есть, по моей мальчишеской руке они все были большие. И все черные. Но этот оказался несколько меньше и легче остальных.

– Этот? – спросил Виктор.

– Ага.

– Глок 19. Самый рабочий и самый продаваемый ствол в мире. И самый прагматичный выбор из возможных. И это при том, что ты никогда в жизни оружие в руках не держал. Ладно, поехали дальше.

Он отобрал у меня пистолет и принялся запихивать ору-

жие обратно в коробки.

– А они настоящие? – спросил я.

– Искусственные.

– А-а...

– Нет, ну ты что, совсем наивный? – удивился он. –

Неужто я бы принес боевые стволы в школу? Это же нехорошо. Против правил.

– Почему-то мне кажется, что именно вы бы и принесли, – неожиданно уверенно сказал я. – В вашем стиле. И на правила вам плевать.

Он замер, задумался, а потом, не глядя на меня, продолжил паковать свои сокровища.

– Точно. Но мы же про это никому не скажем?

– А если скажем? – коварно предположил я. – Если я скажу. У вас будут неприятности?

– Не-а, – возразил он. – У меня не бывает неприятностей. И не пытайся казаться большим говнюком, чем ты есть на самом деле.

– А если я именно такой говнюк? – осмелел я.

– Не такой. Какая тебе выгода? Ну скажешь, ну и что? Это настолько примитивно и убого, что будь ты способен на такую скуку, ты бы тут не сидел. Если уж хочешь плести интриги – придумай что-нибудь поинтереснее. Да и не умеешь ты плести интриги – иначе не стал бы черепа проламывать.

Он убрал пистолеты в сейф и извлек другую коробку побольше предыдущих. В ней оказались ножи. С десяток. Ко-

роткие и длинные, с блестящим клинком и матовые, складные и в ножнах.

– Теперь выбирай два, – предложил Виктор. – Одного всегда мало. То колбасу порезать, то у соседа в потрохах поковыряться, то посылку вскрыть... О-ой, как интересно!

– Что?

– А на клинки-то глазищи раза в два ярче загорелись.

– Ну и что? Они красивые.

– Да, – согласился Виктор. – Они красивые. Но ты знаешь, у ножа есть одна особенность...

– Какая?

– Я так и знал, что спросишь! – с деланным восторгом сообщил он. – Так вот, когда ты в кого-то стреляешь, он может находиться далеко, ты можешь вообще не видеть его лица и даже его самого. Но нож... Тут ты вынужден смотреть в глаза тому, кому несешь смерть. Приходится стоять поближе.

Я задумался.

– А... Обязательно убивать?

– Боевое оружие предназначено для убийства людей. Не для отстаивания справедливости, не для защиты рубежей родины, не для сохранения чести и мира во всем мире. Это все упаковка. Оружие делают, чтобы убивать людей. Обязательно это? Да нет, конечно. Но если кого-то надо убить... Запомни правило. Что бы ты ни делал – ты принимаешь решение это сделать, и ты это делаешь. Можно потом придумывать объяснения и оправдания. А можно этого не делать.

Можно сочинять идеи и религии. А можно не сочинять. Когда ты что-то делаешь – ты это делаешь. Все остальное – упаковка. Ты держишь в руках предмет, предназначенный для убийства себе подобных. Нет желания бросить?

Я посмотрел на нож, потом снова на Виктора, и отрицательно покачал головой.

– Вот и молодец, – сказал он. – Потому что это всего лишь кусок железа. Убивает рука. А нож – просто максимально удобный инструмент. Самое сложное в жизни – принять реальность. Большинству людей это не удается до конца их дней. Слишком уж она страшная и неприятная.

– А вам удалось?

– А я от этого кайфую.

Тогда я не понял его слов, и лишь позже, много позже, повзрослев и пройдя через многое до меня дошло сколько совершенно сумасшедшей храбрости и всего остального было в этой... не просто фразе – жизненной позиции. Я всегда считал, что храбрость зачастую путают с глупостью. Умная храбрость, смелость, составляющая суть характера и жизни, – явление редкое, как взрыв сверхновой. И если я о чем-то и жалею, что не понимал этого тогда, и не задавал этому странному и непонятному человеку те вопросы, которые мог бы задать теперь. Впрочем, тут не все так однозначно. Это станет понятно позже.

– Ладно, – сказал Виктор, поднялся и взял в руки телефон.

– Что вы делаете? – почему-то всполошился я.

– Вызываю такси, – сказал он, немного удивленно глянул на меня. – А ты что подумал?

– Я... не знаю.

На самом деле меня просто неожиданно для меня самого ужаснула мысль о том, что наше общение вдруг прекратится. Странно, это был первый взрослый человек в моей жизни, которого я готов был принять.

Пока такси ехало, мы пили кофе (я наконец-то дорвался до капучино), он давал мне в руки разное оружие и рассказывал о нем, пока я держал очередную железяку и ощущал ее восхитительную тяжесть. Черт возьми, сколько же он знал про оружие. И было совершенно понятно (даже одиннадцатилетнему пацану), что он виртуозно с ним обращается.

– Вы служили в каком-нибудь спецназе? – спросил я.

– Да упаси меня бог, – фыркнул он. – Придумаешь тоже. Спецназ вообще некорректный термин. Бывает куча народу, которые называются спецназовцы. Я общался с многими, и ты знаешь, у них всех есть общая черта – они друг друга терпеть не могут. Армейский спецназ, спецназ госбезопасности, диверсанты, просто дуболомы обвешанные оружием, таинственные команды в штате спецдепартамента... Не, это не мое.

– Почему? – спросил я.

– Ну... Наверное, потому что они все военные. А я этого терпеть не могу.

– Не любите военных?

– Я никого не люблю, – отмахнулся он. – Мне на них наплевать. И я не люблю быть военным. Потому что, если отвлечься от всей этой религиозно-патриотической чуши, суть проста, как блин. Военные – это люди, предназначенные убивать и умирать по приказу политиков. Все остальное – опять-таки упаковка.

– Тогда откуда это все? – спросил я, кивнув в сторону сейфа.

– Это... – он задумался. – Инструменты выживания, наверное. Мы живем в таком странном мире в котором когтей и зубов для выживания давно уже недостаточно. Можно не любить оружие, но понимать его необходимо. С точки зрения простого человека, акула, лишённая зубов, не смогла бы кусаться. С точки зрения акулы – сдохла бы с голоду. То, что ты любишь или не любишь оружие никак не гарантирует, что ты не можешь схлопотать пулю в лоб. А это все... Ты спросил меня про спецназ, потому что ничего другого не знаешь. Но люди с которыми я общался любили говорить, что куда спецназовец с потом-кровью прорвется, туда Джеймс Бонд на Остин-Мартине приедет. Я предпочитаю Остин-Мартин.

Я задумался, а потом спросил:

– И что это значит?

– Это значит, что совершенно необязательно ломиться через заросли, если рядом ходит рейсовый автобус.

– Так вы шпион! – догадался я.

Он посмотрел на меня, как на идиота.

– Ага. Воруя секретные сведения в государственной средней школе.

– Но Джеймс Бонд...

– Метафора. Привыкай. Иначе мы с тобой будем долго понимать друг друга. Люди о которых я говорил не так чтобы прямо шпионы.

– А кто?

– Просто профессионалы, – ответил он, пожав плечами. – В разных областях.

– И вы?

– Что – я?

– Такой профессионал?

– Нет, – усмехнулся он. – Я для этого слишком непостоянен, непатриотичен и лишен внятных стимулов.

– Но тогда...

– Я их обучал. Ладно, хватит болтать. Такси приехало.

Больше он об этом не говорил. Никогда. Более того, он так эмоционально и интеллектуально заполнил наше общение, что у меня не было возможности его расспросить. Потому что расспросить хотелось о другом, и еще об этом... Да обо всем на свете. Но это было позже. А в тот момент мы сели в такси и поехали в приют.

– Кто у вас там в приюте рулит? – спросил он в машине.

– В смысле?

– Ну, кто главный?

– Большой папочка, – фыркнул я.

– Слышу неприязнь в голосе. Не любишь его?

– Его никто не любит.

– Бедный ребенок. Никто его не любит.

Я захихикал.

– Ладно, расскажи мне о нем, – потребовал Виктор.

– Зачем? – удивился я.

– Ну, если я стану тебя обучать, мне придется поставить его в известность.

Я враз помрачнел.

– Он никогда не согласится.

– А я и не собираюсь спрашивать его разрешения. Я сказал – поставить в известность.

– Зачем?

Виктор посмотрел на меня удивленно.

– Ты что, предлагаешь каждый день мозг водителю автобуса выносить? Я, конечно, могу, но, во-первых, это страшно утомляет, а во-вторых, не сработает. Предпочитаю выносить мозг тому, кто принимает решения.

– А вы сможете? – с сумасшедшей надеждой в голосе спросил я.

Виктор посмотрел на меня и проговорил:

– Понятия не имею. Расскажи мне об этом Большом Папочке... И вот еще – перестань вести себя, как нормальный ребенок.

– Я...

– Все, проехали. Не надо оправдываться, убеждать меня

непонятно в чем. Просто расскажи. Я должен представлять с кем буду иметь дело.

Иного позже, спустя, наверное, год, вспоминая день нашей первой встречи, до меня вдруг дошло, что это было первое задание, которое он мне дал. Он не сказал, что это задание, ни о чем не предупредил, не объяснил условия. Но он поступал так со всеми людьми – почему я должен был стать исключением? То есть, я был неким исключением, и Виктор, разумеется, это знал, но не для его манеры общаться с людьми. Наверное, его вообще мало интересовала информация о Большом Папочке – как я понял позже, Виктор мог бы с десяток Больших Папочек съесть на завтрак безо всякой предварительной информации, и они ничего бы не поняли, и остались бы счастливы, что их съели. Скорее всего, Виктора в тот момент интересовало именно то, что скажу конкретно я. Чтобы потом сравнить нарисованный мной образ с оригиналом и понять до какой степени я идиот.

И я принялся рассказывать. Неловко, смущаясь и злясь одновременно, сбиваясь, путаясь, и все в таком же духе. Со скакивая с бессмысленного на «...ну, он директор приюта...» на эмоционально-невнятное «...он придурок...». Так, что вскоре Виктор меня перебил:

– Слушай, хватит ныть.

– В смысле? – растерялся я.

– Я попросил тебя рассказать о человеке, а ты мне тут полчаса уже жалуешься на судьбу и на то, какие все вокруг коз-

лы и этот Большой Папочка в частности. Мне плевать как ты к нему относишься – это твое дело. Мне плевать насколько ты его не любишь и за что именно считаешь гадом. Ты говоришь о себе и своем мнении. Попробуй для разнообразия рассказать о том о чем я просил.

– Но... – я и обиделся и растерялся одновременно. – Я же об этом...

– Нет, – отрезал Виктор. – Ты мне битый час рассказываешь за что ты его не любишь и все в этом духе. Из чего я делаю неутешительный вывод – ты совершенно не знаешь этого человека,

– Еще как знаю, – фыркнул я.

– Он правша или левша? – спросил Виктор.

– Что?

– Правша, или левша? Как он ходит? Быстро, медленно, в развалочку, хромает? У него энергичная походка? Легкая или тяжелая? Какую обувь он носит? Мягкую, жесткую, каблуки стучат, или он крадется как ниндзя?

– Ходит... А зачем?

– Ты еврей?

– Нет... Откуда мне знать? Меня же подбросили.

– Тогда не отвечай вопросом на вопрос. Итак, походка, обувь.

– Походка... Ровная, ходит не спеша, но легко и... Уверенно, наверное. Иногда кажется... Черт, я раньше и не задумывался. Иногда кажется, будто он то ли в шутку подкра-

дывается с серьезной физиономией, то ли... Не знаю как сказать.

– Не надо, я понял. Дальше.

– Туфли. Черные, всегда блестящие и начищенные. Но тихие, почти бесшумные.

– А вот это уже интересно, – кивнул Виктор. – На такие башмаки я бы посмотрел. Позволь предположить – он носит серые костюмы, неяркие рубашки и галстуки. Иногда – но только иногда – безвкусные джемперы, но все равно с галстуком.

– Как вы...

– Терпеть не могу такой прикид. А ему он явно нравится. Что еще?

– А что еще?

– Да все. Носит очки? Курит? Толстый или худой – ты мне даже этого не сказал. Как говорит, куда смотрит во время разговора?

– Поверх головы! – почти выкрикнул я сам не понимая почему.

– Ты чего орешь? – усмехнулся Виктор. – Да нет, ничего, ничего, не смущайся. Ты сам не знаешь почему, но это тебе показалось важным. Только вот раньше ты этого не замечал, не обращал внимания и не придавал значения. Я прав?

– Ага.

– Это нормально, – хмыкнул Виктор. – Люди ни черта не видят и не замечают вокруг себя. А уж о том, чтобы де-

лать выводы и речи нет. А потом восторгаются каким-нибудь Шерлоком Холмсом, который всего-навсего взял на себя труд протереть глаза и включить мозги.

– И вы меня этому научите? – обрадовался я.

– Не-а, – возразил он. – Этому ты учишься сам. Чему тут учиться? Просто набирайся опыта. Но ты знаешь, Шерлок Холмс ведь был идиотом. Благо что литературным персонажем.

– Почему?

– Да потому что он, как и всякий идиот, обуреваемый гордыней, спешил поведать всем на свете о том что он умеет, что видит и как это делает. Большинство людей так устроены – если они видят что-то в человеке, они спешат ему об этом сообщить. Идиоты так и поступают. Со знанием можно поступать по разному. Можно разбазаривать. Можно пытаться впихнуть его в мозг тому, кому оно не нужно – это называется навязывать мышление. А можно держать при себе и пользоваться по мере надобности.

– Как это?

– Ну вот смотри. Ты глядишь на человека, ты заметишь как он себя ведет, как одевается, как смотрит, как ходит. Это пропасть информации. Потом ты можешь понять как он думает. А можешь и не понять. Или понять неправильно. Потом ты замечаешь что его раздражает, а что радует. И в итоге?

– Я могу на него влиять.

– Хороший мальчик, – похвалил Виктор, откинувшись на спинку сидения. – Так что теперь давай, рассказывай про своего Большого Папочку. Только именно как я просил – без соплей и нытья про трудное детство.

– Никакой он не мой! – возмутился я.

Виктор снова с недоумением уставился на меня и спросил:

– Он влияет на твою жизнь?

– Еще как, – вздохнул я.

– Он вызывает в тебе эмоции?

– Кое-какие точно вызывает.

– Ну и после этого ты говоришь, что он не твой. Еще как твой. Давай, рассказывай.

И я стал рассказывать.

Можно, конечно, подробно описать как мы приехали в приют, как Виктор играючи преодолел секретаршу Большого Папочки (никогда в жизни не пойму зачем директору приюта секретарша, но она была), можно рассказать, как мы вошли в кабинет Большого Папочки, который поначалу не понял вообще о чем речь, а потом понял и стал требовать, чтобы я вышел и не присутствовал при разговоре. Но Виктор как-то удивительно мягко, почти без нажима убедил его, что поскольку речь идет обо мне и моем будущем и вообще всей жизни, мне лучше тут вот поторчать и послушать. Дабы устрасился я перспектив и весь с дерьмом изошел в раскаяние встав на путь просветленного исправления. Видимо.

Вот это и в самом деле было удивительное зрелище. И

я железобетонно уверен, что одной из главных целей всего нашего предыдущего общения с Виктором было заставить меня присмотреться и понять, что происходит в кабинете. А происходило то, что великий манипулятор обрабатывал раздутого от крошечной власти и гигантского самомнения чиновника – директора ювенального заведения. Виктор как будто преобразился. Никаких скабрзностей, никакой резкости, никаких шуточек. Но он вертел сознание Большого Папочки как ему хотелось.

Речь шла о том, что мальчику (мне то есть) нужна дисциплина, что иначе я пропаду, попаду в беду, и это будет обидно, потому что, в принципе, если не отвлекаться на то, что в течение недолгой своей жизни уже чуть не прибил двух человек, в остальном я просто с ума сойти какой замечательный и талантливый и вообще супер. А я, после недолгого, но крутого промывания мозгов от Виктора смотрел на все это во все глаза и поверить не мог, что Большой Папочка покупается на всю эту ахинею.

И в итоге все сошлось на том, что я буду оставаться после школы на некий факультатив и занятия с Виктором, а он лично головой ручается, что больше ничего плохого и страшного я не сотворю, что эти его уроки исцелят мою психику, наставят на путь истинный и вообще сотворят из меня полноценную овцу... Агнца, то есть.

Жуть.

Когда мы вышли из кабинета – причем, Большой Папочка

так долго и душевно тряс руку Виктора, что мне показалось будто он очень хочет оставить ее себе на память, но стесняется попросить, – я спросил:

– Зачем вы это сделали?

– Что именно? – спросил он.

– Вы за меня поручились, я так понял.

– С чего ты взял?

– Но вы обещали, что если я...

– И он повелся. Чем ты недоволен?

– Но тогда получается... Получается, вы его обманули?

– Конечно, – усмехнулся он. – Ну и что? Не в первый и не в последний раз. А ты что, всерьез думаешь, что можно вот так полагаться на другого человека и брать на себя ответственность за его поступки?

Я растерялся еще сильнее.

– Он поверил, потому что привык верить в подобную ересь, – сказал он. – Странно, что в это поверил ты. – Он глянул на меня прищулив один глаз. – Ты меня снова разочаровываешь.

– Так значит... Значит...

– Значит, если ты облажаешься, меня точно не будет мучить совесть. И мне будет совершенно плевать на чье-то мнение. А еще это значит, что ты ничего такого в отношении меня не должен.

– Вообще?

– Ага. Если ты будешь у меня учиться, потому что тебе

будет интересно – ты и так постарайся не лажать. А если... Знаешь, если кому-то нечего тебе сказать, если он тебе бесполезен, но пытается тебя к себе привязать каким-то там чувством долга, эмоциями, мой тебе совет – дай ему по башке сковородкой и вали к чертовой матери подальше.

– Обязательно сковородкой? – усмехнулся я.

– Ты прав, – серьезно согласился он. – Сковородку жалко.

Ну да ладно. До завтра.

Он протянул мне руку и я ее пожал.

8

«Учиться, учиться и еще раз учиться».

Владимир Ульянов (Ленин)

Два года. Два года сказки – жутковатой и восхитительной. Два года безжалостной магии на кончиках пальцев, как говаривал самый популярный укурок XX века. Сейчас, спустя время, я, с нынешней точки зрения взрослого (хотя и не совсем нормального) человека пытаюсь понять кем все-таки был Виктор. Откуда он такой взялся – Учитель без жалости, без розовых соплей. Откуда в нем был этот странный талант и его методы? И был ли это вообще талант и какие-то там методы? Может, он и впрямь таким образом развлекался и все? Удивительно, но я так ничего про него не узнал. Он был,

и его как будто не было. Только самые общие анкетные данные. Позже я взломал компьютерную базу данных и поинтересовался его персоной. Ничего. Ничего такого, что отличило бы его от прочих безликий существ из базы данных. А значит, базы данных врут. И еще я всегда пытался понять – прав он или нет. В том, что он делал для многих пацанов и, в частности, для меня. Может ли врач не быть добрым? Нет, ну в самом деле – если врач великий мастер и профессионал, но при этом ему совершенно наплевать на пациента? Что для пациента важнее – доброе отношение или исцеление? Доктор Хаус появился намного позже, но даже он не дал ответа на этот вопрос.

Чему учил Виктор? Странно, он учил самому важному, но сформулировать это, пожалуй, невозможно. Может, просто жизни? Звучит высокопарно, как речь придурковатого адепта всего на свете. Да и разве можно научить жизни? То есть, некоторые уверены, что можно, но что толку от уверенности идиотов? Много позже я осознал, что школьное образование – образование вообще – не учит ничему по существу. Естественные науки, противоестественные науки, гуманитарные науки, не науки вообще... И как себя хорошо вести. Может я ошибаюсь, но, как мне представляется, основная задача образования, воспитания – сделать так, чтобы никто не высовывался. Чтобы все были как все. Даже если ты умнее, сильнее, смелее, лучше другого человека, думать так, осознавать это считается чертовски неприличным. Все

люди равны и прекрасны от природы. Особенно гомосексуалисты и нацменьшинства – они прекрасны с каким-то прямым таки агрессивным напором.

Нет, правда, чем всех раздражают сексменьшинства? Разве своими противоестественными наклонностями? Не-а. Тем, что навязываются. Тем, что лезут к простым гражданам, которых от всего этого подташнивает. Тем, что устраивают свои парады и буквально-таки требуют от всего мира признать, что вот это их дурь – это прекрасно. Навязываются. Но так, если разобраться, религия нам тоже навязывается. И общественный строй. И общие суждения. И формулировки добра и зла. И патриотизм.

Лицемерие. Суть цивилизации. Но говорить так – цинизм. Нехорошо. Вот мы и болтаемся между лицемерием и цинизмом, как дерьмо в проруби;

Виктор не был лицемером. Ему было плевать. Он называл вещи своими именами, манипулировал людьми, обманывал, врал, возводя ложь в ранг искусства (если считаете, что это плохо, то хватит чушь пороть – вами правят политики) и нимало этим не стеснялся. Но и не гордился. Просто действовал, как ему было удобно. Он скрывал от всех свою сущность, потому что считал, что его сущность – не ваше собачье дело. А еще потому что, открывшись кому-то, он потерял бы, наверное, возможность манипулировать этим человеком. Такой вот гениальный монстр педагогики. И ученичок ему попался (то есть я) весьма подходящий. Сам Дьявол

не придумал бы более дьявольской комбинации.

Чему бы ни учили нас в школе, стоило задаться вопросом для чего это нужно, ты упирался мозгом в нелепую формулу – для общего развития. Тригонометрия, органическая химия, литературный анализ... И это для мальчишек и девчонок, которые не умеют толком разговаривать, не знают как общаться с противоположным полом, не понимают что такое деньги... Единственное, по-моему, объяснение того, что в школе никого и ничему не учат для жизни заключается в том, что те, кто учит сами ничего такого не умеют. Не скажу, что школьный преподаватель является синонимом неудачника, но как-то чертовски близко воспринимается. Вечная формула всех преподавателей – кто сам не умеет, тот учит.

Виктор учил совсем другому. Он учил смотреть по сторонам, делать собственные выводы. Учил как не разбить себе лоб об эти выводы и не сломать шею об дурацкое ощущение будто ты понял что-то важное. Он учил понимать не навязывая своего понимания и мнения. Он учил убивать не настаивая, что это надо делать. Но он настаивал на том, что смерть является логическим завершением и частью жизни. И игнорировать этот факт – попросту идиотизм. Он учил тому, что Бог, может, где-то и есть, но никто не знает что Он из себя представляет, а религия – либо костыль для разума слабаков, либо инструмент подчинения людей. Он считал религией многое – ура-патриотизм, веру в общечеловеческие какие-то там ценности.

А еще он учил управлять гордыней. Ибо гордыня – одна из самых распространенных причин гибели дураков. Тебе кажется, что ты что-то понял, что ты что-то знаешь, и разумеется, первым делом ты решаешь поведать об этом миру, решаешь, что на основании какого-то там местечкового понимания ты умнее других и выше всех на свете. Ты высовываешься, и мир тебя сжирает. Распространенная схема. Бог создал много веселых вещей, говорил Виктор. Эволюцию, возможность многих вероятностей. А еще – гомеостазис. Механизм, призванный сохранять статус-кво, невзирая на лица. Машина, которая с абсолютной безукоризненностью срубает торчащие головы. И единственные способ с ней совладать – не высовываться. Или высовываться незаметно. А самая глупая причина высовываться – гордыня. Ибо, может Бог и сотворил гомеостазис, но сам гомеостазис сотворил гордыню человеческую, желание выболтать всем и вся, откровенность. Просто чтобы легче было работать – находить и успокаивать тех, кто выпендривается.

Как он учил? Это был процесс вообще ни на что не похожий. Мог часами разглагольствовать, объяснять что-то, будоражить твой мозг чем-то настолько необычным и кажущимся настолько правильным и оригинальным... А потом совершенно недвусмысленно дать понять, что он просто над тобой издевается, пудрит мозги, и эта беседа – спектакль, весь смысл которого состоит в том, чтобы развлечь не зрителя, а самого актера. И, когда ты, вот так вот вывалянный

в очередной истине как в дерьме, начинал беситься, это веселило его еще больше. И он, в сотый раз сообщал тебе, что нет в мире ничего правильного и неправильного, нет верных и неверных решений. Если только это не связано с жизнью и смертью, с достижением цели. Нет абсолютных истин. Он мог доказать тебе что-то одно, а на следующий день доказывал совершенно противоположное.

Кто-то считает, что воспитание – это помощь в поиске опоры под ногами. Виктор эту опору к чертовой матери вышибал, доказывая, что никакой опоры не существует и быть не может, что такая опора, вера в нее – дурацкий самообман. В жизни нет ничего стабильного, однозначного и надежного.

И много еще чего.

Однажды он натянул рыболовную леску перед порогом своей комнаты. Я вошел и тут же растянулся на полу. И, разумеется, жутко взбесился. А когда он сказал «Смотри под ноги», взбесился еще больше.

– Зачем вы это сделали? – злобно спросил я.

– Дурацкий вопрос. Чтобы ты упал.

– Зачем?

– По-моему, чертовски весело. Правда, если бы ты смотрел под ноги, весело бы не было. Тогда ты бы выиграл, а я – вот печалька – проиграл. Но пока ты будешь злиться всякий раз вместо того, чтобы сделать выводы, я постоянно буду выигрывать.

Я стал смотреть себе под ноги каждый раз, когда заходил

в его каморку. Но во второй раз он натянул леску у входа в спортзал.

– А если бы кто-нибудь другой вошел раньше? – возмутился я, поднимаясь с пола и потирая ушибленное.

– Тогда навернулся бы он, – пожал плечами Виктор. – А ты бы посмеялся. И может, до чего-нибудь додумался.

Я додумался до того, что стал проверять все двери во всех помещениях в которые входил или выходил на наличие лески. Но лески больше не было. В следующий раз на меня опрокинулся таз с холодной водой. В итоге я стал искать ловушки повсюду. Спустя годы эта привычка не раз спасала мне жизнь.

Разумеется, он учил меня драться. Но совсем не так, как учат во всех этих секциях, перепоясанных цветными поясами и корчащих из себя то японцев, то китайцев.

– Это забавно, – говорил про такие секции Виктор. – Впрочем, как хобби вполне оправдано. Все сводится к тому, что двое люто ненавидящих друг друга типов безо всякого оружия сошлись на абсолютно ровной площадке, и их обоюдная ненависть не помешала им договориться не бить друг друга по причиндалам, не кусаться и не выцарапывать глаза. У тебя талант в таких вопросах, и ты это знаешь. Используй все, что есть, смотри по сторонам.

Да, он учил бить, хватать, выворачивать конечности (сам он делал это мастерски, надо признать), но при обучении всегда присутствовала расставленная в самых неудобных ме-

стах мебель, он вполне мог ткнуть под ребра простым ключом, или авторучкой, и уж разумеется не обошлось без натянутой в самых неожиданных местах лески. Ловушки он любил. Заставлял драться сидя на стуле. Стоя спиной к стене и постоянно повторял, что нужно быть идиотом, чтобы позволить себя загнать в подобное положение.

А однажды... Странно, он никогда не брал с меня никаких обещаний в том смысле, что я не стану драться со сверстниками и как-то применять его науку. Ну в самом деле, для чего обучаться науке, если ее не применять?. Только для ради правого дела? Только вот не сам ли Виктор говорил, что никакого «правого» и «неправого» дела не бывает. Бывает только то, что считается правым или неправым. Но я сам старался избегать острых ситуаций. Совершенно сознательно – просто потому, что боялся. Боялся, что случись неприятность, и наше с ним общение прекратится. Или просто не сможет продолжаться на том же уровне. И правда – если бы директор школы, или Большой Папочка узнали бы чему и как он меня обучает, их бы удар хватил. И я старательно играл роль исправляющегося хулигана. Потому что, помимо всего прочего, в какой-то момент мне стало безумно весело водить их за нос и обманывать.

Виктор учил как говорить и что говорить в разных ситуациях, объяснял, что обмануть и запутать потенциального противника намного веселее, чем просто набить морду. Набив морду, ты всего-навсего побеждаешь его физически. Но,

в то же время, ты соглашаешься играть на его поляне и по его правилам, ибо драка – именно то чего он ждет. Но обманув, ты получаешь возможность им манипулировать. Это в сто раз интереснее.

Такая вот наука.

Но я же был подростком – то есть, человеком, готовым в любой момент слететь с нарезки. Кто-то иногда меня цеплял, злил, выводил из себя. И однажды я признался Виктору, что хочу кого-то там убить. Кого я хотел убить? Черт, даже не помню. Но хотел явно.

Он посмотрел на меня и некоторым интересом. А я избегал глядеть ему в глаза. Почему? Да без всякой причины. Почему провинившиеся дети упорно смотрят в сторону? Потому что провинились.

Виктор рассматривал меня долго, а потом выдал:

– Ты такой красивый, когда смущаешься.

– Чего? – обалдел я.

Виктор заржал.

– Нет, ну правда, – проговорил он сквозь смех. – Ты и впрямь такой красивый. Надо смущать тебя почаще.

– Зачем?

– Получать эстетическое удовольствие. Чтобы получить другое удовольствие ты, увы, не подходишь ни по полу, ни по возрасту.

Я криво усмехнулся, совершенно не понимая как на такое реагировать. То есть, я уже говорил, что я красавчик – и дев-

чонки уже успели мне на это намекнуть, да и вообще. Но вот так, в лоб, об этом говорил только Виктор.

– Ну не парься ты, – фыркнул он. – Смущаешься, как... не знаю кто. Это всего лишь жизненное обстоятельство. И причем весьма приятное. Кто-то хорошо рисует, у кого-то способности к музыке, у кого-то диабет. У тебя красивая морда. Ну и что? Прими это как данность и пользуйся тем, что есть.

– Я уже пользуюсь, – краснея от гордости (блин, оказывается, бывает и такое), ответил я.

– Не-а, – возразил Виктор. – Я не про девчонок.

– А про что? – растерялся я.

Он задумался на какое-то время, потом задумчиво повторил:

– Про что. Да про то, что ты нравишься людям. Ты очень приятный парень, и если бы ты не вел себя из принципа как психованный козел, мог бы извлечь пользу из своей внешности.

– Как?

– Каком к месту. Ты нравишься не только девчонкам – ты нравишься женщинам, мужчинам. То есть, морда твоя нравится. И в этом, как ни странно, нет ничего сексуального. У женщин, при взгляде на тебя включается аппарат умиления и материнский инстинкт. А у мужчин – отцовский инстинкт. Все хотят с тобой общаться, хотят тебе помогать, чему-то научить. Их просто тянет к чему-то прекрасному. А ты им плюешься в глаза кислотой. У тебя от природы такой

инструмент манипуляции, а ты им ни фиги не пользуешься.
Дурень.

– Ладно, я подумаю, – усмехнулся я.

– Ага. Фраза у обычного человека означающая «Ни черта я делать не стану, но тема закрыта». Впрочем, дело твое. А насчет желания кого-то там убить... Знаешь, дай мне несколько дней на подготовку.

– На подготовку чего? – обалдел я.

– Одного мероприятия. А ты что подумал?

Действительно, а что я подумал?

– Если после этого тебе по-прежнему захочется крови, клянусь, – он поднял правую руку, – я даже помогу тебе избавиться от трупа. Но сперва пусть труп нам поможет.

И труп нам помог.

Это был труп мальчишки – такого же как я. Того же, наверное, возраста. Страшновато звучит, правда?

Я понятия не имею каким образом Виктор добился возможности посетить морг и получить доступ к телу – он просто посадил меня в такси и привез. Потом мы спустились в подвал, который оказался моргом. Обычным моргом, какие я сто раз видал в кино, но живую – впервые. Со стенами, сплошь состоящими из блестящих металлических дверей одного большого холодильника. И за каждой (или, не знаю, за многими) лежали тела. Виктор распахнул одну из дверей и выкатил узкий металлический стол. Стол издал

жутковатый отвратительный лязг, но вышел легко. На столе лежал продолговатый черный мешок из какого-то армированного полиэтилена, что ли. С молнией. Виктор был спокоен и невозмутим. Уверенным движением он потянул замок молнии и та разъехалась.

Если вы не знали мертвеца еще при жизни, вы вряд ли сможете понять как он выглядел, когда еще был живым и что был за человек. Но я отчетливо видел, что это труп мальчишки.

– Вот смотри, – сказал Виктор. – Можно сказать, что он был таким же пацаном как ты. А можно и не сказать. Лично я понятия не имею. Да мне и плевать.

– От чего он умер? – тихо спросил я.

– Мне откуда знать? – удивился Виктор. – Да и какая разница?

Я посмотрел на него. Черт, вот так, в морге, при наличии трупа ребенка можно говорить разным тоном – грустным, убитым, полным бессмысленной и бесполезной скорби... спокойным, равнодушно-профессиональным. Но то, как говорил Виктор... Не знаю как объяснить, но этот тон был за гранью. Словно тело мальчишки было не центром этой жуткой композиции, а неким хоть и нужным, но второстепенным предметом.

– Зачем? – спросил я, сам не зная что хочу узнать.

Но Виктор, очевидно, понимал меня лучше меня. Он усмехнулся и проговорил:

– Вот вечно с вами так.

Я непонимающе уставился на него.

– Возьми его за руку, – потребовал Виктор.

Я отчаянно замотал головой.

– Ну-ну, – сказал он. – Мы тут не так чтобы совсем законо. И я заплатил кучу денег, чтобы нас пустили. А ты все портишь.

Я снова посмотрел на труп. То есть, я только на него и смотрел – взгляд отвести не мог. Он притягивал мое внимание как магнит. Жуткий холодный магнит.

– Истерику устроить не хочешь? – деловито поинтересовался Виктор.

Я снова отрицательно покачал головой.

– В обморок падать, на помощь звать?

Черт, он словно издевался. Разумеется, я не собирался ничего такого делать. А если бы и сделал, то само собой не сознательно.

– Возьми его за руку, – снова потребовал Виктор.

– Зачем? – прошептал я.

– А ты чего шепчешь? – нарочито громко поинтересовался он. – Боишься его разбудить?

– Хватит! – рявкнул я.

– Не ори, – усмехнулся Виктор. – Если ты возьмешь его за руку, сразу многое поймешь. Или не поймешь. Но тогда я в тебе ошибся.

Не очень хорошо понимая что делаю, я протянул руку и

взял мертвого мальчишку за ладонь.

Ладонь была твердая, холодная. На ощупь совсем не человеческая рука.

– Ну, что чувствуешь? – спросил Виктор.

– Холодная.

– Черт, естественно холодная – он же из холодильника. Я не спрашиваю про твои тактильные ощущения. Я спросил что ты чувствуешь.

Я долго молчал, не зная как сформулировать. Я не чувствовал ничего особенного, и, в то же время, все на свете. И сформулировать все это не было ни сил, ни возможности.

– Совсем не похоже на человеческую руку, – выдавил я из себя, наконец.

– Кусок мяса, правда? – подсказал Виктор.

Меня передернуло от такой формулировки. Но, по сути, он был прав.

– А теперь представь, что вы с ним поменялись местами, – сказал он вдруг.

– Что? – обалдел я.

– Ну, что это твое тело тут лежит, а он, живой-здоровый, стоит и тебя рассматривает.

– Что за бред? – пробормотал я.

– Почему? – удивился Виктор. – Или ты считаешь себя бессмертным?

– Нет, конечно... Но... Такое же невозможно представить.

– Почему? – удивился Виктор. – Или это воспитание на-

столько закрутило тебе мозг?

Я молчал.

– Мы здесь, чтобы ты понял, что смерть – обычное дело. Неотъемлемая часть жизни. Тебе, наверное, до этого момента казалось, что ты это понимаешь. Но ты не понимал – ты принимал это к сведению, как информацию о чем-то отдаленном и не таком уж важном. Ну а теперь? Теперь ты понял, что это – самое важное понимание в жизни? Посмотри на него! Такой же мальчишка, как ты. Может быть, он был так же умен, талантлив и даже красив, как ты – теперь не скажешь. Но уж наверняка он считал, что будет жить вечно. И вот – пьяный водитель, аневризма, придурок с ножом, кирпич с крыши. Какая разница? Он считал себя бессмертным и был уверен, что такое с ним случиться не может. Но если ты не веришь в опасность – это совсем не значит, что ты ей не подвергаешься.

– Зачем ты это делаешь?! – заорал я.

Виктор ответил не сразу. Какое-то время он смотрел то на тело, то на меня.

– Ты сказал, что хочешь кого-то убить, – проговорил он, наконец. – Что ж, я не против. Мне даже наплевать. Но ты хочешь. Значит, хочешь, чтобы этот кто-то выглядел вот так. – Он ткнул пальцем в тело. – Но перед этим ты должен понять, что ты тоже можешь так выглядеть и лежать на этом столе. И если ты это осознаешь, если ты к этому готов – тогда ты готов принимать подобные решения. Ты готов?

Я не знал, что сказать.⁶

Когда мы вышли на улицу, я с наслаждением вдохнул свежий воздух.

– Блевать станешь? – участливо поинтересовался Виктор.

Я посмотрел на него.

– О! – обрадовался он. – Глазищи горят. Как это удивительно – ощущать реальность жизни. Осознавать. Детские психологи, если бы узнали, что я с тобой сотворил, свихнулись бы к ениной бабушке. Но что они понимают?

Я ничего ему не ответил, но был с ним полностью согласен. И он это видел и понимал.

9

«Если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно выстрелит»

А.П. Чехов

И как так вышло, что мои отношения с Виктором, мое у него обучение никак не коснулись нашей дружбы с Крисом? То есть коснулись, несомненно. Но... как-то не так, как можно было ожидать. Разумеется, мы обсуждали и того с другим, и другого с этим, и наоборот. Но... Виктор выслушал мой

⁶ Идея про посещение морга бессовестно сплагиичена у Карлоса Сирано Сезара Араны Кастанеды

рассказ про Криса, посмотрел на него издали, и сказал, что как часть моей картины мира Крис имеет место быть. В остальном – неинтересен. Я сперва обиделся за друга и даже сказал об этом Виктору. На что он ответил:

– Плевать. Он просто несчастный мальчишка. И если бы я морочился на просто несчастных детях, я бы, несомненно, его пожалел. Но жалость – поганое чувство. Этакая стыдливо-благородная форма выражения собственного превосходства. Мы кого-то жалеем – значит, по умолчанию считаем себя лучше, счастливее, сильнее и умнее объекта прицельного выброса горючих слез и розовых соплей.

– Но он мой друг! – возмутился я.

– Но не мой, – парировал Виктор. – И если ты надеялся, что я, по доброте душевной, приглашу его в наш дружный коллектив, то ты ошибаешься. Это совершенно дурацкая идея.

– Почему? Крис классный.

– Для тебя. Потому что он просто умный и тебе нравится с ним общаться. Ну и что? Это твои дела. А для меня... Если хочешь со мной общаться, имей в виду – я конченный эгоист. Все, что я делаю, я делаю только для себя. Просто у меня потребности выше, чем банально получить что-то за чей-то счет. Я смотрю на тебя, говорю с тобой – и мне интересно. Я воспринимаю наше общение... Ну, представь себе интересную книгу. И отчасти ты сам являешься ее автором. Ты можешь влиять на сюжет, но не полностью. А в этой свя-

зи тебя до смерти интересно что на следующей странице. И на следующей. И чем все закончится вообще. То есть, тебе нравится и сюжет, и язык, и развязка. А твой Крис... Эту книгу я просто не хочу ни писать, ни читать.

– Обидно, – вздохнул я.

– Может быть, – усмехнулся он. – Но если бы я сказал что-то другое, это было бы враньем. Это было бы лучше?

– Нет, – признался я.

– Всегда приходится выбирать.

Но выбирать приходится не из двух или трех вариантов – из множества. И как ты не совершить ошибку? Я, несмотря на юный возраст, под давлением Виктора стал задумываться над этим. Ну и до чего я был способен додуматься?

Морг все прояснил. Труп мальчишки все прояснил. Неверное решение лежало передо мной на столе. Все, что ведет в эту сторону, к этим последствиям – неверно. Осознав реальность собственной смертности по другому смотришь на жизнь. Как пафосно и банально. Но по сути ведь верно. Все разговоры про доблестную какую-то там смерть, про готовность умереть за идею, за страну, за веру (считай – за религию, хотя звучит совсем не так пафосно). Что это? Самообман? Глупость? Страстное желание слабого человека свалить весь груз ответственности на кого-то там и, зажмурив глаза, отдаться чужим навязанным идеям? И умирать за них? Лучше умереть, чем осознать правду и жить с открытыми глазами без иллюзий?

– Ты пытаешься соображать, – сказал Виктор, когда я поделился с ним своими откровениями. – Это отрадно. Но ты такой дурак-дурак, как будто тебе всего шестнадцать лет... Хотя, постой, тебе ведь тринадцать. Тогда интеллект так и прет. Ничего, скоро половое созревание его притушит. Обнаружится новый зудящий орган. – Он захихикал, но потом продолжил неожиданно серьезно. – Бояться смерти так же нелепо, как и стремиться к ней. Факт наличия смерти нужно просто принять. Сделать одним из жизненных ориентиров. И использовать. Вон, самураи были великими воинами не потому что были самыми сильными и крутыми, а потому, что принимали смерть как часть жизни. Во какие звери получились. С мечами. Ну сам подумай. Жить в постоянном ожидании смерти значит всю жизнь посвятить полировке собственного гроба. Не принимать смерть во внимание вовсе – значит, считать себя бессмертным и вообще ничего не делать под предлогом «В моем распоряжении вечность – еще успеется». Найди свою середину.

Одно время, благодаря Виктору, я вообще перестал драться. То есть абсолютно. Хотя, в принципе, драться он учил так, что мало не покажется. Но в какой-то момент я перестал. Сперва перестал защищать Криса, а потом – даже себя. И однажды я, по самому себе не понятной причине, позволил некоему типу – новенькому в классе – наступать мне по физиономии.

Когда он только появился, всем сразу стало понятно, что

парень крутой. Он занимался боксом, ездил на какие-то соревнования и мог накидать по физиономии почти кому угодно. Мне, наверное, не смог бы. Если бы я не позволил. Но, очень быстро освоившись, он усек какая у меня репутация. Реагировать на такую репутацию он мог только определенным образом... А может, просто был генетическим гадом и козлом. Короче, не прошло и месяца, как он стал искать поводов для драки. Самоутверждался. Я не реагировал. Но, тем не менее, когда ты учишься у Виктора, с одной стороны, и кто-то вечно мозолит тебе глаза с другой, поневоле начинаешь обращать на него внимание. И в какой-то момент случилось то, что случилось. Он совершенно очевидно меня толкал, пинал, потом сделал вид, что я его оскорбил и вlepил мне по морде. Удар у него был поставленный и я рухнул. Разумеется, моментально весь класс слетелся посмотреть как произойдет битва титанов местного значения. Но я просто поднялся на ноги, вытер кровь с разбитой губы и, ни на кого не глядя, пошел своей дорогой.

Понятно какие словечки летели мне в след. И из уст победителя, и из уст одноклассников. Только Крис глядел печально и молчал.

Но потом, когда мы остались наедине, он сказал:

– Я не знаю чему там учит тебя этот тип (это он про Виктора), но он тебя ломает.

– Нет, – улыбнулся я. – Разве что немножко помнет. Но потом он же и починит.

– Ну-ну, – криво усмехнулся Крис. – Тебя сейчас презирает весь класс, этот придурок стал королем. А меня теперь просто сотрут в порошок. Просто потому, что тебя больше никто не боится. И как этот твой гениальный учитель собирается все это починить?

Действительно – как? Нет, вопрос стоял не правильно. Следовало спросить станет ли вообще чинить – нужно ли оно ему? Но я недооценил Виктора. То есть, не то чтобы недооценил – просто не в ту сторону думал. И с чего Крис взял, что если со мной что-то происходит, это способен и должен починить кто-то кроме меня? И почему я поверил в его точку зрения?

Когда я заявился с разбитой губой, Виктор только глянул, оценив размер ущерба, но ничего не сказал. И потом ничего не сказал. И вообще, кажется, потерял интерес к моей физиономии. Но мне же было тринадцать – во мне же ничего не держалось. Я не выдержал, и сам стал рассказывать...

Виктор героически слушал меня минуты две, а потом прервал вопросом:

– А с чего ты взял, что мне это интересно?

Действительно, с чего я взял? Я пожал плечами и не стал продолжать.

– Послушай, я прям слышу, как в твоём мозгу скрипят противоречия, – заявил он. – И это смешно. Ты не дал сдачи по каким-то выдуманым соображениям?

– Но ты же сам учил...

– Я учил не попадаться, – мягко возразил он. – Я учил выживать. Если бы ты дал сдачи, началась бы драка. И никто не стал бы разбираться прав ты или не прав – у тебя репутация, а этот тип недавно появился. Все шишки твои.

– И что мне делать?

– Живи в тех обстоятельствах, какие есть. Только не пытайся выдавать их за плохие или хорошие. Действуй с умом, и тогда можешь хоть яйца этому придурку отрезать. Только... Не надо делиться со мной этой местечковой фигней. Неинтересно.

И я стал действовать. Я обдумывал коварный план сидя по утрам на унитазе. Я обдумывал его во время еды. Во время уроков. Обдумывал, когда засыпал по ночам и когда просыпался по утрам. И в какой-то момент я понял, что это доставляет мне удовольствие. Потому что я придумал. И стоило лишь представить, какое наслаждение я получу от осуществления...

На следующий день на стене школы появилась огромная надпись масляной краской «Директор школы – членосос». Надпись была сделана отчетливыми печатными буквами. И по совершенно случайному стечению обстоятельств пятна краски (маленькие, чтобы не переборщить) обнаружили на одежде моего обидчика, парочка крошечных пятен на его кроссовках... А почти пустая банка с краской – в его шкафчике. И напрасно он орал и даже почти плакал в кабинете директора, куда спешно был зван его отец.

Не знаю, добрый у него был отец или злой – порол он сына, или проводил с ним воспитательные беседы. Но, по установке, которую я дал себе сам (с подачи Виктора, разумеется), я за ним понаблюдал. Отец был большой, пузатый, красномордый, мрачноватый. Очевидно, не сторонник воспитательных бесед. Что ж, тем лучше. Займет меньше времени.

Потом мы играли в футбол и я смог воспользоваться своей властью над предметами. Я никогда особенно не любил командные игры, так что для меня траектория полета мяча определялась не тем, где находятся ворота противника, а тем, где мой враг. И я очень удачно, так, чтобы никто, не дай бог, ничего не подумал, подкатил мяч прямо на ногу постороннему, ничего не подозревающему пацану, которому предстояло в тот день стать моим орудием... Мести? Нет. Манипуляции. Месть – это пошло. Мяч, будто бы живя своей жизнью (а окружающим так и показалось) отскочил от его кроссовка, и со страшной силой врезался в физиономию моего любимого боксера. Тот, естественно, схватился сперва за разбитое, заорал, а через секунду уже набросился на несчастного пацана.

И я снова имел удовольствие лицезреть отца моего недруга. Отец на этот раз был менее сдержан и отвесил сыну подзатыльник едва они вместе вышли из школы. Что того ожидало дома – я бы поглядел.

И понеслось.

Ты сделал домашнее задание? Да, конечно. Только вот

тетрадь с ним... Черт, да где она? Не, я честно сделал. А... Ну не надо двойку, пожалуйста. Отец меня убьет.

На перемене тетрадь обнаружилась в портфеле очередного ничего не подозревающего пацана. Но на этот раз мой боксер драться уже не решился. Так, потаскал за шиворот.

На физкультуре, например, очень неосмотрительно оставлять шкафчик незапертым. Кто-нибудь вполне может спереть у старшеклассниц духи и густо полить ими одежду. И потом от тебя весь день будет вонять как от педика.

Дальше-больше. Если вы оказались без присмотра в кабинете химии, и решили смеха ради побаловаться с реактивами, сперва убедитесь, что у вас нет тайного недоброжелателя, который неплохо разбирается в химии и подменит пузырьки. Так что жидкость, вместо того, чтобы безобидно поменять цвет, вдруг запузырится, зашипит и потечет из пробирки, заливая все вокруг толстым слоем вонючей дряни. И эта дрянь так тяжело смывается (как выяснится впоследствии, когда разгневанный преподаватель химии, в ожидании очередного визита гневного отца, заставит все отмыть).

Долго все перечислять. Я играл с ним как хотел, а он даже не догадывался о моей роли в происходящем. Но потом... Потом мне надоело. Как-то сразу и вдруг. Виктор учил меня, что я должен научиться читать других людей. Не понимать, не сочувствовать, не помогать – все это, по большей части, чушь. Мало кто способен реально помочь другому челове-

ку, но все... не пытаются даже, а делают вид, что пытаются, искренне, впрочем, полагая, что это правильно. Читать других людей необходимо, потому что с ними приходится взаимодействовать. Иногда манипулировать, иногда заманивать в ловушку, а иногда – черт, может и помогать. Какая разница? Взаимодействовать. Но, чтобы научиться этому и не наделать привычных для большинства людей глупостей, надо, в первую очередь, научиться читать себя. Свои настроения, желания, знать свои слабости и характер. Иногда полезно посмотреть на себя как на постороннего человека, которого увидел впервые в жизни и о котором ничего не знаешь.

Сперва я подумал, что мой внезапно угасший интерес к травле обидчика не более чем настроение. Но прошло несколько относительно спокойных дней, а настроение не изменилось. Мне просто стало неинтересно.

Я обратился было с этим к Виктору, но он отмахнулся от меня, сообщив, что худший способ научить кого-то ходить – подарить ему костыли. Научить плавать – не подпускать к воде, а то вдруг утонет, дурак. А научить разруливать конфликты – улаживать конфликты за него.

– Делай, что сочтешь нужным, – таков был его вердикт. – А если облажаешься... Ну, что ж, это будет твоя лажа и твое решение. Твоя невнимательность. Забавно только, что если ты облажаешься, получится, что ты сам себя переиграл. Прикольнo. В любом случае выходит, ты молодец. Только шрамов на заднице будет больше. Ну... Или можно просто от-

ступить.

– Нет, – спокойно, но решительно возразил я.

– Почему нет?

– Потому что... – Действительно, почему бы и нет? – Потому что тогда это будет незавершено. Недоделано. Как недописанная книга. Или картина.

– Беллетрист. Художник, елки. На этом шедевре стиля «Каляки-маляки» чего-то не хватает! О! Блин! Моей подписи!

Я усмехнулся. Не знаю почему, но мне показалось, что Виктор одобряет мою реакцию. Хотя, с ним никогда нельзя было сказать наверняка – одобряет, или издевается.

И я в очередной раз устроил парню пакость. Но на этот раз так, чтобы он догадался о виновнике. Многоходовая комбинация. Когда наблюдаешь за кем-то достаточно внимательно и при помощи науки Виктора, замечаешь многое. Никто не замечал, что нашему боксеру нравится эта девчонка. Даже она, наверное, не замечала (хотя, этих женщин и девчонок никогда не поймешь – то ли на самом деле, то ли прикидываются). Может, даже он сам не понимал, что смотрит на нее раз в сто чаще, чем нужно. Но тот, кто внимательно наблюдает со стороны и выслеживает, видит многое. Если он не конченный идиот, конечно.

И когда понравившаяся девчонка вдруг обнаруживает, что все потроха ее портфеля залиты дурацким пищевым красителем... И когда у ничего не подозревающего пацана (ко-

торому эта самая девчонка сильно нравится) в рюкзаке обнаруживается почти пустая банка из под этого самого красителя... А он-то, лопух такой, ни о чем и не догадывается, и в мыслях у него ничего такого нет. И он, нимало не скрываясь, вытаскивает на всеобщее обозрение эту самую банку с негодующим воплем: «Ну и что это за хрень?». И только потом соображает, что все это видят, и та самая девчонка, чьи тетрадки, учебники и все прочее безнадежно испорчены тем самым красителем, тоже видит. А потом выкрикивает «Дурак!», и в слезах выбегает из класса. А он-то и впрямь как дурак, потому что до него только спустя немалое время доходит что произошло.

И все бы было стандартно, но я проделывал свою диверсию таким образом, чтобы один из дружков-соратников моего недруга видел, как я поливаю краской потроха портфеля девчонки, а потом пихаю банку в его рюкзак. И вот он, момент истины! Он, косясь в мою сторону, идет к моему врагу, и что-то говорит ему на ухо, постоянно косясь на меня. Ну же, ну! И мой враг тоже косится на меня, а потом уже открыто смотрит, и глаза его полыхают гневом! Потому что, кажется, он не совсем дурак, а может и дурак, но теперь он точно знает, кто причина всех его несчастий. Ну же, давай! Скоро в класс должен был войти преподаватель, а мои планы вмешательство взрослых не входило. И-и-и... Слава богу, успели!

Он с диким воплем сорвался с места и бросился на меня.

Я, наверное, мог бы положить его прямо в классе, но это было бы не совсем то, что я задумал. Поэтому я играючи увернулся от его бешеной атаки, перескочил через парту и бросился к двери. Он за мной. Но я успел, а он не очень – на ходу сшиб с ног нашу училку. Вот тебе еще один дисциплинарный прокол, братец. Впрочем, меня это уже не интересовало. Как и его в данный момент. Он от гнева, очевидно, вообще ничего не соображал. Я неся по коридору, он за мной, роняя на бегу страшные проклятия и дурацкие гневные обещания со стандартным «Стой! Убью!». Интересно, кто-нибудь когда-нибудь останавливался в ответ на столь нелепую команду?

Вскоре мы оказались там, где мне было нужно. На том самом дворе, где я давным-давно уделал жирного урода-старшекласника.

Тут все было по прежнему – по прежнему грязновато, запылено, засыпано окурками. Быть может, сложись все иначе, в скором времени и мы присоединились бы к этой армии подростков-перекурщиков на заднем дворе. Но не судьба, как оказалось. Сейчас же, по случаю начала уроков, во дворе не было ни души. Я резко остановился и – вы не поверите – быстро оглядел выходящие сюда окна. Чтобы удостовериться, что никто не смотрит. Мне зрители были ни к чему. Наука Виктора во всей ее красе.

Мой преследователь был уже совсем рядом. Он перешел на шаг. Почему? Потому что это было уже не просто бешен-

ство или гнев – это была прелюдия мести. И он, очевидно, намеревался проделать все не спеша.

– Ну, все, гаденьш, – прошипел он. – Сейчас я тебя урою.

Ну вот не стоит никому говорить таких напыщенных фраз. Разве что героям боевиков – и то, только чтобы развлечь тупоумного зрителя. Я просто молчал, разглядывая его. Разумеется, он был опасен, и разумеется, я это понимал. Но я тоже был чертовски опасен, но он этого не осознавал. И это было мое колоссальное преимущество.

Он приближался, я стоял. И только в самый последний момент резко рванул вперед и коротко, точно ткнул его в солнечное сплетение. Как учил Виктор – не по поверхности – внутрь, словно целишься в позвоночник. Моя рука почти ничего не почувствовала, а мой враг сдавленно крикнул, сложился пополам и рухнул на асфальт. Я опустился с ним рядом на одно колено, дал ему возможность продышаться, а потом, когда увидел, что он немного пришел в себя, помог подняться. Он попытался меня ударить, но я этого ждал и легко уклонился, попутно воткнув локоть ему в печень. Он снова рухнул. Я опять опустился на одно колено, но на этот раз не стал дожидаться – просто нанес ему страшный удар по почке. Он заорал. Я рванул вперед и зажал ему рот рукой.

Он пытался орать, я зажимал ему рот. Когда он немного поутих, я приблизился и прошептал ему в ухо:

– Если я нажму чуть сильнее, выдавлю тебе зубы.

Шепот. Шепот зачастую страшнее воплей и рева. Шепот.

том говорит призраки и серийные убийцы. Шепотом говорят опытные палачи. Наверное. Мало кто это осознает, но все чувствуют. Мои поверженный враг притих. Очевидно, боль отступила достаточно, чтобы он мог почувствовать страх. Великолепно. Я достал из поясного чехла нож (не спрашивайте где я его взял) и приблизил острие клинка к испуганному глазу обмершего от ужаса мальчишки.

– Мне очень хочется тебя убить, – все тем же замогильным шепотом сообщил ему я. – Но я думаю, пока в этом нет нужды. Однако, ведь необходимость не всегда определяет наши желания, правда? Мои так точно. И если мне захочется очень сильно... Потом, наверное, я пожалею, меня, может, даже посадят. Но, воткнув тебе в глаз это лезвие, я буду так счастлив, что вряд ли разумные доводы меня остановят.

Он был напуган. Напуган до жути. Забыл про боль, про желание отомстить, про все. Я это видел и мне это почти нравилось. Но, как учил Виктор, именно в эти моменты мы и перестаем контролировать себя. И наслаждаться его страхом было неразумно. Напоследок я легонечко провел лезвием по его щеке – даже не поцарапал, но он взвизгнул.

– Мы поняли друг друга? – спросил я.

Он так отчаянно закивал, что хрустнуло в шее.

Я поднялся на ноги, спрятал нож, не спеша отряхнул колени.

– Да, и вот еще что. Тебе, наверное, стало плохо. Может, ты даже простудился. Так что шел бы ты домой.

– Что? – проблеял он.

– Ты обмочился, – сообщил я, показывая на мокрое пятно, расплзающееся по его джинсам. – Хочешь в таком виде вернуться в школу?

Он, явно ничего не соображая, посмотрел на свои штаны, потом на меня.

– Но завтра чтобы был в школе, – потребовал я. – Не то чтобы я настаиваю, но нам ведь не нужно, чтобы обо всем этом кто-то узнал?

– Ты угрожал мне ножом, – прошептал он.

– А ты обоссался, – парировал я. – Хочешь разыграть эту карту? Нам обоим будет лучше, если никто ничего не узнает.

– Тебя надо отправить в психушку, – заверещал он.

– Ты что, идиот? – удивился я. – У меня по прежнему нож за поясом. А на тебе по прежнему мокрые штаны. Либо ты идешь домой, переодеваешься и мы обо всем забываем, либо... Может, меня и отправят в психушку, но я тебе обещаю, что я успею вспороть твой не держащий мочу живот.

Сколько пафоса! Но не судите строго, я только учился. И не спешите обвинить меня в том, что я маньяк, рос маньяком и стал маньяком. А Виктор еще и обучил маньяка. Я понимаю, все так и выглядит на первый взгляд, но засуньте свой взгляд себе в задницу и поищите истину где-нибудь там. Я всегда был такой, какой я есть. И теперь пытаюсь выяснить причину этого. Пытаюсь понять свою суть. Однако я никогда не испытывал наслаждения ни от страха тех, ко-

го пугал, ни от вида крови, никогда не чесались у меня руки кого-нибудь убить, не зудело ничего, не тянуло сотворить бифштекс из человеческого тела. Я действовал не руководствуясь какой-то там манией – просто решал проблемы, выживал, стремился к тому, что считал важным и хотел заполнить. Например, свободу, безопасность, право распоряжаться собственной жизнью и мыслями.

Но в тот день я все-таки поднялся на новый уровень. Перестал мечтать и рассуждать – продумал действие и совершил его. Осуществил план. Не знаю, гордился бы мной Виктор или нет (и способен ли он вообще был гордиться), но я в тот момент точно знал, что чего-то достиг и чему-то научился под его руководством. А хорошее оно или плохое?.. Еще пару сотен лет назад у благородных самураев было в порядке вещей вспарывать себе брюхо по любому поводу и спать с мальчиками. И ничего. Это не мешало им быть славными воинами.

10

“Наш брак основан на лжи, но на ней основано много хорошего – религия, история...”

Гомер Симпсон

Удивительно, но я так до сих пор и не понял – благом

для меня стало обучение у Виктора, или именно он во многом сделал меня таким, какой я есть? А может, он просто следовал качествам исходного материала? Ведь нельзя же из дерьма слепить конфетку, из грязи сотворить алмаз? Можно взять унылого слабовольного толстяка, лупить его палкой и обучать балету. И может, в итоге он начнет танцевать, но все равно будет ничем иным, чем унылым толстяком, пытающимся изображать танцора. Так зачем это надо? Впрочем, вполне может быть, что он похудеет, сделавшись грациозным красавцем с намертво пришитым к сознанию комплексом бывшего толстяка.

Зачем нас всех на протяжении всей жизни, в школе и позже, учат тому, что многим не подходит? Чтобы не высывались? Чтобы были как все и не смущали среднестатистических граждан своими отличиями? Говорил уже – сам у себя спрашивал и не нашел ответа. И есть ли что-нибудь более унылое, скучное и тошнотворное, чем среднестатистические граждане? Если пытаться учить психопата быть нормальным человеком, какое-то время это, может, и будет работать, но потом он все равно сорвется, и срыв этот окажется намного страшнее, чем можно ожидать.

Правда, как выяснилось позже, я все-таки не психопат. Хотел бы быть психопатом, но... Даже это мне было не дано. И я даже не знаю теперь – все лучше, или хуже.

А Виктор... Черт побери, я так и не понял как он ко мне относился. Иногда мне казалось, что ему приятно мое обще-

ство не менее, чем мне его. Иногда он откровенно насмехался и издевался. Иногда казалось, что ему вообще наплевать. Да, безусловно он манипулировал мной. Но зачем? Наверное, я так никогда и не пойму его истинных мотивов. Может, вообще не способен понять. То ли он был гением – но тогда как назвать область его гениальности? То ли просто чертовски умной и загадочной сволочью. А может, всего понемногу? Наверное, в мире встречаются гении, которые совсем не являются одновременно сволочами. Но и лютых сволочей среди них тоже изрядно.

Как все закончилось? В жизни редко что-то происходит в одночасье. Но иногда случается и такое.

Виктор пропал. То есть совершенно пропал. Его никто не видел, никто не знал куда он подевался. На самом деле, он достаточно много и активно занимался с другими пацанами – вел секцию единоборств, школу выживания, но делал это, скорее, для денег. А может и не просто для денег, потому что некоторых из пацанов, которые ходили к нему на занятия, он выдергивал из толпы и обучал отдельно. Чему? Понятия не имею. Может, тому же, чему и меня. Разумеется, я ходил к нему на обычные тренировки и был знаком с другими парнями. Но когда он пропал, выяснилось, что никто не знает куда он подевался. Равно как никто из мальчишек не знал, где он живет. Вот ведь шифровался человек. Зачем? Всем нам есть что скрывать, разумеется, но чтобы вот так откровенно показывать, что что-то скрываешь – слишком для него

группо. А может, он и впрямь не хотел никого из нас подпускать достаточно близко.

Итак, он пропал. Не было такого, чтобы он пропускал занятия не предупредив – если у него и были определяющие отличительные черты, то одной из них была стабильность. А тут...

Мы терялись в догадках. Приставали друг к другу, спрашивали – никто ничего не знал. Потом старшекласники – что посмелее – пошли к директору школы. Директор тоже ничего не знал. А потом...

Когда нас всех гуртом собрали в одном из классов, никто поначалу ничего такого не заподозрил. Но когда в классе обнаружился директор в компании парочки чертовски странного вида типов самой тревожной наружности. Я так сразу просек (Виктор научил), что эти типы в дорогих костюмах вооружены. Парадокс в том, что дорогой костюм выдаст спрятанное под ним оружие намного легче, чем дешевый. Просто потому что лучше облегает фигуру. Один из этих типов даже показал мне краешек кобуры в содержимом которой я опознал Глок.

Мы сидели тихо как мыши в клетке по которой долбанули звонкой сковородкой. А вскоре выяснилось вообще дикое – эти двое не из полиции (хотя, только ребенок или клинический идиот принял бы их за полицейских), а из Спецдепартамента. Страшное словечко и далекое для обычного смертного. Ну, как бы отреагировала орава американских подрост-

ков, если бы к ним пришли с беседой из ихнего ФБР или ЦРУ? Как отреагировал бы русский школьник на человека из КГБ (или как там у них это теперь называется?).

Директор – сам явно ощущая себя не в своей тарелке – неуверенно как-то сообщил нам, что вот эти люди хотят задать нам несколько вопросов насчет... И тут один из таинственных упырей из Спецдепартамента вежливо его прервал в том смысле, что спасибо, дальше они сами. Очевидно, с директором уже поговорили, потому что он с явным облегчением свалил из класса.

Нас вызывали по одному в соседний класс, для разнообразия превращенный в некое подобие допросной. Назад никто не возвращался, а я сидел и гадал – ребят после беседы просто отправляют восвояси, или упыри из департамента их пожирают после дачи показаний?

Не помню каким по счету вызвали меня. За нами присматривала (чтобы не бесились) пожилая математичка, так же как и директор явно чувствовавшая себя не в своей тарелке. И каждого вызываемого пацана она сопровождала таким печальным взглядом, что не оставалось никаких сомнений, в том, что в соседнем кабинете оборудована переносная голгофа... Ну, или, по крайней мере, пыточная камера. Мы сидели молча, не переговариваясь. Не знаю как другие пацаны, но я достаточно быстро сообразил, что тут собраны именно те, кого обучал Виктор. Но Виктор учил по разному, очевидно. Хотя, откуда мне знать? Мне, например, показав-

лось знаковым, что нас вызывали не по фамилии, а просто по порядку. С интервалом от десяти минут до получаса.

И вот настал мой черед. Не сказать, чтобы я совсем не волновался или не боялся. Но я боялся того, с чем может быть связано все происходящее. Я боялся за Виктора, как ни странно. Я чуял – случилось не просто что-то плохое, а жуткое.

Когда я вошел в кабинет, один из упырей сидел за учительским столом, второй оседлал подоконник и пялился в окно. Впрочем, когда вошел я, он повернул голову, осмотрел с головы до пят и больше уже не отворачивался. И снова своим звериным чутьем я почувствовал, что большинство предыдущих пацанов показались ему бесполезными и вполне скучными – обычными, – а я вот заинтересовал, едва пересек порог.

Они пригласили меня присесть, зачем-то спросили как жизнь. Блин, интересно, какой ответ на подобный вопрос посторонние дяди из Спецдепартамента ожидали получить от тринадцатилетнего подростка? Нормально. Как учусь? Они что, за идиота меня держат? Нормально. Я сирота? Из приюта. Ну и как оно? Блин, нормально! После шестого или седьмого «нормально» характер вопросов кардинально поменялся. То есть, они сообщили мне, что я вот занимался у Виктора (очевидно, на тот случай, если я не знал) и попросили рассказать как и что. В смысле? Ну, чему он учил, нравилось мне или нет и что он вообще был за человек. Я сперва поду-

мал не ляпнуть ли снова «нормально», но потом сообразил, что мне информация нужна не меньше, чем им и решил не выпендриваться. Человеком был интересным. Учил многому. Было прикольно. А не замечал ли я ничего необычного? Ну, ребята... Почему у верблюда шея кивая? А что у него прямое? Но как им ответить я, если честно, не знал. Поэтому, как послушный дрессированный тюлень сообщил, что ничего такого прям необычного не замечал. А что? Да нет, ничего. А про себя ничего такого он не рассказывал? Нет. Он вообще о себе никогда не говорил. Это странно, правда? Я мог только пожать плечами. И тут вдруг один из этих жутковатых типов – тот, что седлал подоконник – приблизился, навис надо мной, и стал долго объяснять, что вынужден задать мне несколько странный и неприятный вопрос, что вопрос может даже меня шокировать, но поскольку они из понятного департамента, отвечать нужно честно и смущаться не нужно. Ну, если я до этого момента и не смущался, то теперь был просто обязан. Потом он еще раз зачем-то поинтересовался, понял ли я что он сказал. Я снова закивал, хотя не понял ни черта. И тут этот придурок поинтересовался были ли у меня с Виктором сексуальные контакты. Я чуть со стула не свалился. Представить себе Виктора совращающим мальчиков... Волк, трахающий овцу. Бред. Я ошалелым взглядом уставился на страшного спецагента. Так было такое? Или что-то подобное? Нет, конечно. Что за чушь? Виктор был классный. Такой фигней не страдал. Ну, хорошо. А че-

му он все-таки учил? Только поподробнее. Только вот поподробнее я ничего рассказывать не собирался. Во всяком случае, именно Виктор учил меня не доверять людям. Рассказывать о себе как можно меньше. А уж таким упырям... Я прекрасно понимал что им стоит говорить, а что нет. Как, например, про морг и труп мальчишки. Но рассказывать было надо. И я рассказал как мог, опуская многие детали и подробности. Кажется, я их разочаровал. Но мне было плевать. Они промурыжили меня еще какое-то время, а потом отпустили. А когда я уже уходил, один вдруг остановил меня вопросом:

– Неужели тебе не интересно что произошло? Почему мы тебя спрашивали?

– А вы расскажете? – усмехнулся я.

– Не думаю, что это разумно, – проговорил другой.

– Ну вот, – усмехнулся я. – Чего спрашивать, если ответ заранее известен.

– Это он тебя научил?

– Чему?

Тот, с подоконника, снова подошел и уставился на меня сверху-вниз.

– Любой нормальный мальчишка все равно спросил бы, – заявил он. – Не смог бы удержаться. Но не ты, верно?

– А я ненормальный, – заявил я. – Не верите – спросите у директора.

Он еще какое-то время висел надо мной, сверлил взгля-

дом. Но, как говорил Виктор, алмазным сверлом можно продырявить кучу говна, только вряд ли что-то потом увидишь.

– Я могу идти?

Он кивнул, и я вышел. Ноги у меня подкашивались. Я чуял – случилось что-то ужасное. Виктор был скрытным, но не надутым-скрытным, а как-то... умел ловко уходить от разговоров о себе, переводить тему. Может, он был каким-нибудь шпионом, или сбежавшим тайным агентом... Ага, и спрятался в обычной школе. Гениально.

Позже я узнал (такое ведь скрыть невозможно), что все намного страшнее. И понял все вопросы агентов.

На следующий день в школе на перемене ко мне подошел мальчишка, который тоже тренировался у Виктора, и сказал, что его отец узнал... Что Виктора обвиняют в серии жестоких убийств. Будто бы он опасный маньяк и все такое. Я послал этого пацана на хрен. Но потом ко мне подошел второй с такой же информацией. Очевидно, родители нормальных детей узнали все и слухи поползли как нефтяное пятно по Мексиканскому заливу. Я послал и его. Третьему пацану я разбил морду. Да так, что меня потащили в кабинет к директору. Я бы разбил морду и ему, но... Куда уж мне?

Меня отправили в приют, отстранили от уроков, потащили к психологу в кабинете которого я устроил истерику, обматерил последними словами и сбежал.

Много позже я вдруг понял, что тогдашним своим поведением опроверг все предположения о том, что я психопат.

Большинство людей считают, что психопаты – это взрывоопасные истерички не способные контролировать свои поступки и готовые в любой момент разнести все вокруг себя. На самом деле, это чушь. Мало кто из обычных жирных обывателей контролирует себя так, как психопаты. До определенного момента. Психопаты – люди, которые ничего не чувствуют. Ни любви, ни привязанности, ни гнева. Они не понимают что такое совесть, скорбь, обида, ярость. А я чувствовал. Ох, как чувствовал. Чувствовал, что остался настолько один, лишился чего-то настолько необходимого, что жить не хочется. Мне было всего тринадцать, и Виктор был единственным взрослым, который был мне интересен и которого я готов был принять. Но елки, в тринадцать нужен такой взрослый. Тем более со способностями Виктора.

Самое забавное, что я совершенно не осознавал – верю я или нет в то, что про него говорят. То есть, мне было плевать. Я, как и всякий ребенок, был настолько эгоистичен, что основной моей мыслью было, что я лишился чего-то безумно нужного и важного. Нет, я никогда не думал про Виктора как про некий эквивалент отца, или чего-то в этом роде. Он сам учил меня избегать шаблонов такого рода. Если для чего-то нет названия – может, оно и без названия будет работать?

Был ли Виктор серийным убийцей? Я не знаю. То есть, я уверен, что, в определенной ситуации, при необходимости, он мог бы свернуть шею кому угодно, и вряд ли потом долго переживал бы по этому поводу. Но превратить убий-

ства в некое времяпрепровождение, в самоцель... Не знаю. Он был скрытен, это верно. Но ведь все люди такие. Просто люди врут сами себе, прячут от самих себя и окружающих многое. Прячут не задумываясь, чтобы просто не расстраиваться. Некоторые – чтобы не блевануть на отражение в зеркале. Некоторые – чтобы не расстраивать близких. Некоторые – просто потому что так принято и такова психическая структура среднестатистического человека. Среднестатистический человек создал такую модель общества и самим своим бытием тщательно ее сохраняет. Модель в которой нас окружают тысячи невыполнимых правил никак не совместимых с реальностью, которые все мы вынуждены постоянно в смущении нарушать. Но Виктор совсем не был среднестатистическим человеком. Он всегда учил, что если хочешь выжить и чего-то добиться в жизни – нельзя врать самому себе.

Мог ли он быть убийцей? Легко. Мог ли быть маньяком? Нет. Даже при его скрытности и жутковатых талантах.

Но это уже не имело значения. Остальные считали его таковым. Я лишился друга и Учителя. И мне хотелось выть. Я понимал, что если кто-то еще хотя бы попытается заговорить со мной о Викторе – я его убью. А если никто не заговорит – просто убью кого-то.

Но я ошибался. Потому что со мной заговорил Крис. И я его не тронул.

Два дня у меня была страшная черная депрессия. Я убегал из приюта – никуда конкретно, просто искал укромный

уголок и там засыпал мучительным сном. Никакие психологи ничего не могли с этим поделать. Страшно было подумать трогать меня в тот момент. Потому что я мог убить и самого себя.

Но Крис... Он ни черта не боялся. И он разыскал меня на заднем дворе приюта в кладовке.

Сперва, услышав шаги, я напрягся. Даже сжал в руке черенок лопаты – готовясь дать по башке любому, кто посмеет меня потревожить. Было холодно, но мне было плевать. В кладовке пахло пылью и мокрой мешковиной, но мне было плевать. У меня все болело, я, наверное, простудился, но мне было плевать и на это. Может, мне и впрямь хотелось умереть? Сложно ответить на этот вопрос.

Когда я увидал в проёме силуэт Криса, я – трудно поверить – растерялся. Потому что из всех многих вариантов пришел единственный человек, которому я не хотел причинять боль. Но и видеть я его тоже не хотел. Ничего такого – я вообще никого не хотел видеть. Кроме Виктора.

– Эй, ты здесь? – тихо позвал Крис.

Я молчал.

– Кажется, я тебя слышу.

Он вошел в сарай, спотыкаясь на каждом шагу и очевидно не видя ничего. Странно, но меня это позабавило. Даже до обучения у Виктора я смог бы пройти тот же путь не издав ни единого звука. А этот увалень ухитрился споткнуться, кажется, обо все, что было.

– Ага, – сказал Крис. – Вижу.

Я по прежнему молчал. Но он тоже молчал. Не говорил ни слова. Просто стоял там и смотрел на меня. С сочувствием? Не знаю. С пониманием? Черт, откуда ему было понимать что я сейчас чувствую? Он не был ни психологом, ни даже взрослым. Такой же пацан как я. Так откуда же он узнал, что не надо было ничего говорить – надо просто стоять и молчать. Молчать достаточно долго, чтобы меня вдруг прорвало.

И я заревел. Заревел, завыл, повалился на грязный пол. Мне было тошно, больно, мне было так хреново... Но – вот ведь удивительно – из-за присутствия Криса не было одиноко. Я всегда думал, что не боюсь одиночества, и может быть, во многом это правда. Но оказалось, что бывают ситуации, когда даже таким уродам как я нужно чье-то присутствие. Намного реже, чем обычному человеку, но и намного сильнее.

Я ревел долго – будто бы душу выворачивало наизнанку. А Крис все стоял и молчал. Не приближался, ничего не говорил, не пытался утешить. Просто был рядом. Черт, и много же это стоило! Ни одна падла, называемая психологом, никогда так не сможет.

А потом я начал понемногу успокаиваться и мне стало легче. И вдруг как будто со стороны, но, в то же время, внутри зазвучал... Нет, не голос – о шизофренических проявлениях речь пойдет позже, – а как будто сформулированные с нечеловеческой четкостью мои собственные мысли.

То, что ты делаешь... Что позволяешь себе... Образ мыслей, чувства... Чему учил тебя Виктор? Выживать, скрываться, манипулировать. И что ты творишь теперь? Драки, истерики, страдание, выставленное на всеобщее обозрение... Ведешь себя, как стандартный депрессивный подросток. А сможешь ты выжить стандартным депрессивным подростком? Ты похерил все, чему он тебя научил. Испакостил его науку и годы вашего общения. Ты можешь верить или не верить в то, кем он был на самом деле. Но ведь он говорил тебе, что люди – это то, что мы о них думаем. И даже если ты готов поверить, что все, сказанное про Виктора – правда. Неужели ты склонен думать, что он при его умениях и способностях мог так легко попасться? Или не легко? Но какая разница? Помни о том, чему он тебя учил, используй его науку. Помни, что он говорил. Не верь никому – только самому себе. Кем бы он ни был – возьми то, что он тебе дал. Учиться можно и у маньяка – если сам не собираешься становиться маньяком. Если умираешь от жажды, разве откажешься от стакана воды по той причине, что человек, который тебе его протягивает, тебе не нравится, или даже ты его ненавидишь? Ты, как ребенок, считаешь, что Виктор тебя обманул. Но он же тебе ничего не обещал. Наоборот – говорил сто раз, что ему плевать. Ты был ему интересен. Разве он говорил когда-нибудь, что любит тебя, что его беспокоит твоя судьба? Грубо говоря, он просто развлекался за твой счет. Как человек развлекается глядя интересный фильм...

Черт, даже читая серьезную умную книгу, человек ведь тоже, помимо всего прочего, развлекается. Можешь считать себя такой книгой, ну и что? Он был эгоистом, извлекая из вашего общения максимум удовольствия для себя. А то, что он тебе дал и чему научил – всего лишь побочный эффект. Поступи с ним так же – оставь только то, чему ты научился благодаря ему. Отбрось эмоции. Потому что иначе – ты просто идиот.

Виктор готовил меня к подобному, наверное, с момента нашего знакомства. К внезапному, а после и постоянно-одиночеству и ответственности за собственную жизнь. Жизнь такая штука – в ней ничто и никогда не бывает закончено. Иногда людям не хватает решительности, иногда они тащатся от процесса настолько, что забывают о результате. Хренов Дзен. Клинок можно полировать до блеска, а можно до бесконечности. Но тогда он рано или поздно сотрется. Главное – перед этим успеть срубить им достаточно голов.

И тогда же я понял, что Виктор все-таки хотя бы в таком виде все равно останется со мной. Потому что он научил меня мыслить так, словно он всегда рядом и всегда готов подсказать как быть дальше. Надо только суметь услышать.

11

«Мы все убиваем того, кого любим.

Кто трус – поцелуем, кто смелый – ножом».

Я не знаю, можно ли сказать, что Виктор закончил мое обучение. Я даже не представляю себе возможно ли было закончить. И как должен был выглядеть окончательный результат. Разумеется, все сложно, неоднозначно, спорно и бла-бла-бла. Он дал многое, научил мыслить не просто даже не тем способом и не в тех категориях в которых мыслит большинство людей – в ином пространстве. Черт, да он просто показал мне, что оно существует – это иное пространство мышления. Что те схемы, правила, суждения, которые определяют мышление большинства людей – не единственный способ функционирования. Что этих способов в принципе много. Согласно французскому кино, некоторые индейцы Амазонки используют кастрюли вместо валюты. Почему бы нет? В языке некоторых племен нет не то что слова, а самого понятия «надо». Некоторые концепции мироустройства и религиозные воззрения утверждают, что наша цивилизация не движется из темных веков к процветанию, а наоборот – от золотого века к апокалипсису. Ну и что? Большинство из нас не доживут ни до того, ни до другого. У каждого личный апокалипсис – болезнь, разорение, смерть близкого человека. И мы перелезаем через этот «апокалипсис», как через жизненную преграду, и... живем дальше. Или не живем.

По малолетству я не понимал что сделал с моим мировоз-

зрением Виктор. Если такое проделать со взрослым человеком, он, может станет (или не станет) умнее, может, пересмотрит свои взгляды на жизнь... Но сама его жизнь вряд ли изменится – просто потому что все остальное будет для него не более чем отвлеченной философией. Реальность – это когда надо каждое утро отправляться на работу, копить деньги, не изменять жене (или скрывать от нее свои измены), делать карьеру, воспитывать отпрысков по мере сил, думать об их будущем. Ну у кого в такой обстановке останется время и силы для размышлений о какой-то там иной концепции бытия? Но со мной-то подобное проделали в сопливом детстве, когда я еще ни о чем понятия не имел. И только много позже стал задаваться вопросом – Виктор учил меня именно так и именно этому просто потому что считал это абстрактно правильным, или это лекарство было прописано только и конкретно мне? Что-то он во мне рассмотрел? Или, может, хотел передать мне что-то особенное, потому что я ему нравился? А может, он просто развлекался и ставил на всех нас какие-то свои заумные опыты? Черт, мозги пухнут от всех этих предположений.

Но я был всего лишь мальчишка. Или уже не был? В чем-то все-таки был. И разумеется, как и всякий подросток, был способен провалиться в любую яму с дерьмом, которая попалась бы мне на пути. А если бы не попалась – как и любой подросток готов был отправиться на поиски такой ямы.

Для меня такой ямой стала гибель Криса. Последней ямой

у которой, как выяснилось, не было дна.

После исчезновения Виктора, Крис стал для меня если и не всем, то самым большим куском моего мира. И ему это явно нравилось. Когда я учился у Виктора, бегал к нему на занятия, мы с Крисом, конечно, продолжали общаться и даже ухитрились остаться друзьями. Но все же отдалились. Просто потому что я учился мыслить так, как Крису, при всем его уме, не могло и присниться – его же не учил ма-ньяк-убийца, повернутый на альтернативах. Поначалу я пытался рассказывать, объяснять то о чем говорит Виктор... Блин, должно быть это звучало достаточно безумно. Во всяком случае, Крис – очевидно, с моей неуклюжей подачи – был, кажется, единственным, кто не удивился тому кем оказался (или все думали, что оказался) Виктор. Но Крис был умен – я уже говорил – и видел, чем был для меня Виктор. Черт его не знает, как он формулировал это в своем мальчишеском воображении. Может, полагал, что Виктор стал для меня некой альтернативой отца. Не знаю. Знаю только, что Крису хватило чутья, ума и такта никогда больше не заговаривать со мной о Викторе. Мы общались так, будто этой страницы в моей жизни просто не было. Во какой интеллект был у пацана. Жаль он его не спас.

Это случилось на уроке физкультуры. Была ранняя осень, бабье лето. Солнце светило яркое и злое, но уже не так сильно грело. Листва начинала желтеть, запахи стояли уже вполне осенние... И этот придурок вывел нас на улицу бегать

кросс. Вокруг школы. То есть, я был не против, потому что для меня кроссы никогда не были проблемой. Но Крис. Он говорил этому кретину в спортивном костюме, умолял. Не знаю как и где, но по-моему, преподаватели физкультуры не бывают обычными. Они бывают либо классными парнями, либо конченными придурками. Этот был придурком – он всего пару месяцев работал в школе и решил, очевидно, с порога показать свою неподъемную круть. То есть – кто тут главный.

Крис и вправду с утра выглядел неважно – бледный, какой-то изможденный. Но для нашего тупорылого орла в спортивном костюме это не было аргументом. Когда ему надоело ныть Крису, он просто дал ему пинка (не сильно – скорее обидно) и велел бежать. Нет, ну в каком педагогическом институте его учили так обращаться с тринадцатилетними подростками? То есть, Крис стерпел, но я... Я развернулся, зашел на вираж, и на ходу принимая позу африканского буйвола, уже был готов наброситься на этого долбаного спортсмена. После истории с Виктором и истерики в сарае, я вообще стал относиться к Крису сверхбережно. Если раньше я его просто защищал по мере сил, то теперь никому не стоило даже бросать в его сторону косо́й взгляд. И я набросился бы на этого паскудного физкультурного тирана, но Крис успел меня перехватить и остановить.

И мы побежали. Сперва я старался держаться рядом с Крисом, но тот бежал уж слишком медленно – на грани спо-

тыкания. Я так не мог. А этот кретин от спорта орал нам вслед что-то в том смысле, чтобы я отлип от друга и ускорился. И я бы ускорился и вlepил ему с разбегу по яйцам, но Крис снова меня остановил.

– Беги, – сказал он мне.

– Не-а, – возразил я. – Мне и так нормально. Что он мне сделает? Двойку поставит? Да пусть хоть татуировку себе сделает вокруг ануса из двоек.

Крис натужно засмеялся. И хоть ты тресни, даже черепа-шым шагом я его обгонял.

– Слушай, может, тебе присесть? – спросил я, осматривая его с головы до пят.

– Не, – отмахнулся Крис, страшно пыхтя и сопя. – Нормально. А если ты не будешь путаться под ногами, и вообще будет хорошо.

Я пожал плечами и ускорился. Прошел три круга вокруг школы, пока Крис закончил один. Физически я всегда был развит хорошо, так что бежал легко, хотя никуда и не торопился. А вот Крис на втором круге пропал. Деваться ему было некуда, но я не сразу сообразил, что его в принципе нет на этой долбаной дистанции. А когда, наконец, сообразил, плюнул на все и, как сверхзаботливый друг, ринулся его искать.

– Эй, ты куда это собрался? – заорал на меня препода-сидист.

– Да пошел ты! – не так чтобы громко, но очень отчетливо проговорил я.

Не знаю, услышал он меня, или понял суть моих слов по хихиканью одноклассников, но морда у него побагровела и он двинулся в мою сторону. Но мне было не до него – я искал Криса. Препод попытался схватить меня за шиворот, но я вывернулся и заорал на него:

– Пошел от меня на хер!

Он аж растерялся от такого вопля и жуткой интонации с которой он прозвучал. Но мне было плевать. Накрутил я себя, или впрямь почувал плохое. В общем, пока наше подобие сержанта в спортивном костюме приходило в себя, меня растерянность на гнев, я успел обшарить все кусты вокруг школы. И я нашел друга.

Крис лежал у забора, губы посинели, глаза закатились. Он почти не дышал, но хрипел еле слышно: «Я смогу. Смогу!».

Скорая приехала быстро. Меня в нее не пустили. Я бился, бросался на врачей, словно глупый пес, защищающий больного хозяина. Ничего не вышло. Криса увезли.

А этот придурок в спортивном костюме стоял там и бормотал: «С ним все будет в порядке». Как молитву читал, скотина такая. Я подошел к нему и врезал ему по физиономии. Дотянулся без проблем. Он даже не пытался защититься, и я бы, наверное, его убил, но меня скрутили и оттащили.

А вечером нам сказали, что Крис умер в больнице. Один.

Когда исчез Виктор, Крис был рядом со мной, и, может быть, на какое-то время, уберег меня этим от беды. Ненадолго. Когда умирал он, меня рядом не было. Никого не было.

Мы живем в скотском мире.

В этот раз я не плакал, не рыдал, не выл и не ревел. Во мне вдруг возникло что-то... Какой-то холодный огонь загоревшийся от пустоты. Можно быть одиноким, можно осознать свое одиночество, можно намеренно оставаться одиноким, можно оказаться на необитаемом острове, или в одиночной камере, как Эдмон Дантес... А можно ощутить себя в абсолютном вакууме, в космосе. Эдмон Дантес вынашивал свой план мести четырнадцать лет, кажется. Но на то она и одиночная камера. Я был пока на свободе. Но я не был зол в тот момент, не было ни ярости, ни желания отомстить. Было просто желание убить, разрушить все вокруг себя, взорвать ядерную бомбу, которая разнесет весь мир.

Криса больше не было, и никто ничего не мог с этим поделать. Просто еще один сирота. Некрасивый, хилый, никому не нужный... Кроме меня. Мама не заплачет, папа не будет месяцами перебирать старые фотографии на которых его карапуз делает первый шаг, сидит на игрушечной лошадке, бежит по пляжу... Точно, этот мир – скотское место.

Мне давали несколько дней на то, чтобы прийти в себя – все-таки все знали, что мы с Крисом были друзьями. Психолог снова полез с разговорами. Странно, я его даже не послал. Спокойно поговорил, ответил на все вопросы. Стандартно. Я лучше него теперь знал, каких ответов он от меня ждет. Казалось, я справляюсь. Черт, мне самому что-то такое казалось.

Но потом я взял в школу нож. Никто не знал, что он у меня есть. Хороший нож – я сам его выбрал, а Виктор научил меня им пользоваться и затачивать до бритвенной остроты.

Это странно и загадочно, но нашего преподавателя физкультуры даже не уволили. А может, и не собирались, я не знаю. Уроки он, вроде бы, не вел, но постоянно болтался в школе – видимо, собирал документы (то ли для увольнения, то ли как доказательство своей невиновности). Я встретил его во дворе. Когда он меня увидел... Забавно – он отвел взгляд и сделал вид, что меня не замечает. Но когда я подошел вплотную, он замялся, замямлил что-то типа «Я не знал, я ведь совсем недавно работаю». Я кивнул в знак согласия. Кажется, это его немного расслабило. Во всяком случае, он перестал напоминать готовый сдохнуть вибрирующий трансформатор.

А потом я ему улыбнулся, выхватил нож, крутанулся вокруг своей оси и одним ударом перерубил ему подколенные сухожилия. Он заорал и повалился на асфальт. Дети, которые видели что произошло, завопили, заорали и бросились прочь. Плевать. Я их даже не замечал. Неторопливо обошел поверженного врага, наклонился, и вторым быстрым движением точно так же перерубил ему сухожилия на другой ноге. Он заорал снова.

Я выпрямился и сказал:

– Беги, Форрест, беги!

Он орал. Встать не мог. Даже перевернуться на спину не

мог – просто лежал мордой на грязном асфальте и вопил.

Я присел сбоку от него на корточки и заговорил:

– Знаешь, мне плевать что ты там знал или не знал. Мне плевать раскаиваешься ты или нет. Наверняка раскаиваешься. Наверняка ты ничего такого не хотел. Плевать. Перед тем, как я отрежу тебе яйца, ты должен знать. Раскаяние ничего не значит! Потому что оно ничего не может изменить. Я отрежу тебе яйца, а потом буду очень раскаиваться. Но новые яйца у тебя не вырастут.

Он заорал еще громче. От боли, от страха... Нет, не просто страха – от дикого ужаса, который испытывает обычный трусливый взрослый, обнаружив в тринадцатилетнем мальчишке монстра.

Из школы уже бежали к нам другие взрослые и охранники. Мне было плевать. Я готов был порезать и их. Но они сперва побоялись сунуться. А я все медлил... Но потом все-таки решился. Резать ему яйца было противно – я просто ухватил его за волосы и забрал голову так, как задирают баранам на бойне. И тут же ощутил мощный удар по голове.

Но перед тем как отключиться, я успел вдруг понять, что вселенная мне улыбнулась. И это была самая страшная улыбка, которую можно себе представить. Сатанинская улыбка.

«Даже путешествие в ад начинается с маленького шага».
Лао-Цзы в соавторстве с Крисом Риа

О чем я думал, как видел свое будущее и последствия? Смешной вопрос. Кто мыслит подобными категориями в тринадцать лет? В неясной перспективе, рисующейся в мозге подростка, фантазии из комиксов перемежаются с непроглядным мраком от малейших местечковых неудач, кажущихся концом света. Где-то так. Своим поступком – и не поступком даже, а манерой исполнения – я похерил всю науку Виктора. Со временем, разумеется, мне даже стало льстить, что меня обучал выживанию серийный убийца. Наверное, потому что в глубине души я никогда не верил в то, что Виктор им был. Но если разобраться... Я мог подкараулить этого преподавателя в тихом месте, мог подсыпать ему что-нибудь в кофе, чтобы он, перед тем как подохнуть, корчился от боли... Поганые мыслишки, наверное. Но они посещали меня. После. А тогда... Мне было просто плевать. И я был даже благодарен охраннику, вырубившему меня ударом дубинки по башке (но если разобраться, зачем вообще школьным охранникам дубинки?). И ненавидел его за то, что он меня не убил. И даже не покалечил. Просто выключил.

На самом деле, после этого моя судьба могла сложиться по всякому. И вероятнее всего, меня должны были упечь в психушку. Где мне, я думаю, было бы самое место. Нет, не потому что я и впрямь чувствую вину за свои поступки и жажду

какого-то там искупления (подобные мысли – не более чем замаскированная трусость импотента) – просто вполне логично для общества изолировать и пытаться исправить (вылечить) тех, кто не вписывается в рамки этого самого общества, его стандартов мышления и поведения. Даже если лечение подразумевает полное разрушение личности. А я, вдобавок ко всему, оказался опасен. Но общество раздражаемо противоречиями и интересами отдельно сидящих на местах своих членов, каждый из которых склонен прикрывать именно свою задницу. Лично я бы меня попросту запер. Не лечил, не наказывал – просто запер. Вы же не лечите тигра или волка, дабы жрали траву и прониклись духом пацифизма. Вы запираете их в клетку, чтобы они никому не навредили. И водите детей на них смотреть. Такое мне тоже предстояло, и это было в сто раз логичнее дурацких попыток «помочь», «вылечить» или «исправить».

Но меня всего-навсего отправили в Шестерку. Благо по возрасту я подходил теперь вполне.

Шестерка. Воистину, самые страшные страхи живут в нашем воображении и питаются нашим незнанием. Ну и желанием дальше воображать. Чего мы только не сочиняли про это заведение, какие только детские фантазии не крутились вокруг нее. Монстры-надзиратели, сумасшедший директор, разборка невинных детишек на органы, карцеры, пыточные камеры... Какая пошлость. И что удивительно, никто из нас никогда в фантазиях своих не предполагал очевидного – то-

го, что такие места опасны не сами по себе, а благодаря их обитателям. И главные страхи любой тюрьмы не решетки, стены и надзиратели – оставьте это клише для кино, – а основные его жители. Что, в общем-то, очевидно.

Шестерка оказалась вполне чистым, хотя и строгим заведением. Никаких потеков крови на стенах, никаких пыточных камер (во всяком случае, едва я переступил ее порог, в пыточные камеры верить стало с трудом). Все чистенько, все ровненько, шныряют туда-сюда вполне себе зашуганные воспитанники в одинаковой полувоенной-полутюремной форме. Но ничего полосатого с номерами на спине.

Странно, но я почему-то думал, что куда бы меня не определили после расправы над физруком, доставка к месту пребывания будет осуществляться либо в наручниках (полицейские), либо в смирительной рубашке (санитары). Но за мной приехали двое вполне адекватных хотя и достаточно мордоворотистых мужиков на мини-вэне, а один из них даже помог мне с чемоданом в котором были все мои немногочисленные пожитки.

Один из них вел машину, другой пытался развлечь меня светской беседой. Пытался, потому что едва он спросил: «Ну и что ты натворил?», я моментально ответил: «Зарезал учителя физкультуры». Прозвучало, наверное, как шутка. Я как-то сразу не сообразил. Мой собеседник хмыкнул, но потом посмотрел мне в глаза и, кажется, растерялся. Ну правильно, у каждого из нас три опции активации психики. Первая –

небольшая – это когда мы что-то знаем. Всем всегда кажется, что эта область чуть побольше, чем есть на самом деле, но это нормально. Всяк считает себя умнее, чем является в реальности. Вторая – то во что мы верим. Тут, как правило, живет полная хрень, ее достаточно много и она всегда страшно запутана. И третья – самая обширная – называется «А хрен его не знает». И вот посмотрев на меня мои конвоир (сопровождающий?) неожиданно для самого себя провалился в эту область. Потому что, глядя на меня, наверное, невозможно было понять шучу я или нет. Но так же достаточно отчетливо, видимо, ощущалось, что я способен на многое дерьмо.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Ага.

– Наверное, страшно не любишь физкультуру, – хмыкнул водитель.

– Не люблю козлов, убивающих моих друзей, – отозвался я. Тонны три пафоса.

Они переглянулись и, словно сговорившись, пожали плечами. Не они первые и не они последние, кто не знал как на меня реагировать. Мне было наплевать.

– Ничего, – сказал водитель, – Капитан тебе мозг вправит.

Я не знал кто такой Капитан, но сильно сомневался в его способности вправить мне мозг. В максимальном варианте – сломать.

Мы ехали часа два, и за все это время ни у кого из моих сопровождающих больше не возникало желания поболтать.

Шестерка располагалась за городом на собственной большой территории, ожидаемо огороженной высоким забором, но без всякой там колючей проволоки и вышек с часовыми. Блин, в конце-концов, это было воспитательное учреждение для трудных подростков, а не тюрьма строгого режима.

Территория была достаточно ухоженной, хотя ее облик несколько портили всякие там полосы препятствий и прочие полувойенные радости. И в глубине этой самой территории высилось пятиэтажное кирпичное здание с двумя немалыми пристройками – очевидно, спортзалом и еще чем-то.

Машина подкатила к белому крыльцу, мы вышли. На этот раз сопровождающие не стали помогать мне с чемоданом, и я, отягощенный грузом прожитых лет, потащился по ступенькам куда указывали. Мы прошли по коридору первого этажа – не чистому даже, а стерильному, со сверкающим паркетом и идиотскими плакатами на стенах то про патриотизм, то про уголовный кодекс, то про героев, то про то, что надо хорошо учиться. В конце коридора авторитетно ограничивала реальность могучая полированная двустворчатая деревянная дверь с надписью на сверкающей латунной табличке «Директор», Я ожидал увидеть за дверью обычную приемную с секретаршей, и я не ошибся. Правда, секретарша была жутковатая – тощая сухая дама предпенсионного возраста с таким лицом и застывшим на нем выражением, что вот в ее причастность к пыткам поверить было достаточно легко. Разумеется, в приемной была еще одна дверь – оби-

тая казенным викилом. И разумеется, на ней тоже было написано «Директор». Я искренне порадовался местной заботе о крестинах.

Впрочем, все оказалось вполне пристойно. Мои конвоиры кивнули секретарше и постучались в дверь. Стучать в обитую мягким деревом дверь – занятие трудновыполнимое. Но они постучали. После чего один из них приоткрыл створку, просунулся и проговорил в неведомое пока еще для меня пространство:

– Господин Капитан, мы его привезли.

– Ага, – донесся из за двери приглушенный низкий хрипловатый голос. – Тащи его сюда.

– Иди, – сказал мне сопровождающий. – Чемодан оставь тут.

Я вошел.

Кабинет был не то чтобы большой, но и не маленький. Из необычности обстановки я бы отметил тут почти все. И государственный флаг в полный рост на стене (на хрена он тут висит?), и древний шкаф, сверкающий благородной полировкой, и огромный деревянный стол с придвинутыми к нему древними, обитыми натуральной (кажется) кожей креслами. И какую-то военную эмблему на том месте, где нормальные чиновники на автоматическом рефлексе вывешивают портреты президентов. И даже два пистолета под стеклом на стене.

Но главной достопримечательностью тут, разумеется,

подразумевался хозяин кабинета.

Поскольку он сидел, не было возможности оценить его рост, но этому Виктор меня обучил (невелика наука), и было понятно, что он не так чтобы высокий, но и не коротышка. С избыточным весом, но явно от него не страдающий. Крупноголовый, коротко, видимо, машинкой стриженный, с изрядной сединой, пятнами расплывшейся по этому совершенно армейскому газону-прическе. Грубые, но не напряженные черты лица и совершенно волчий, прямо-таки горящий холодным огнем взгляд серых глаз. И красные крепкие лапищи, покоящиеся на папке, очевидно, с моим личным делом.

Мне он сразу не понравился. Виктор приучил меня сканировать людей, доверять своим чувствам в отношении них только после того, как я рассмотрю человека вплоть до мелочей. Но этот тип насторожил меня сразу. Если Виктор – единственный взрослый, сумевший затронуть мою душу – был проповедником свободы – свободы суждений, свободы выбора, свободы мыслей (под девизом «Бери, сколько унесешь»), то этот мужик явно состоял из правил, уставов, параграфов, железобетонных представлений «хорошо-плохо», «правильно-неправильно» и прочих прямых углов. Но он очевидно был не дурак. По крайней мере, в этом своем аквариуме.

Какое-то время он сканировал меня своим серо-голубым лазером. Я молчал.

– Здраваться не приучен? – спросил он, наконец.

– Здравсте, – усмехнулся я, отводя взгляд.

Он усмехнулся в ответ. Недоброй усмешкой.

– Ты, наверное, считаешь себя очень крутым. И очень умным.

– Не считал, пока вы не сказали, – отозвался я.

– Ну-ну, молокосос, не хаами. Ты меня пока еще не знаешь, а когда узнаешь, до тебя дойдет, что так со мной говорить – худший выбор в твоей жизни.

– Я думал, худший выбор в моей жизни – не сдохнуть в младенчестве, – ответил я.

Он посмотрел на меня с интересом, а потом сказал:

– И это тоже. Но раз не сдох – придется продолжать.

Я пожал плечами и сделал шаг к одному из кресел.

– А вот садиться я тебе не разрешал, – остановил он меня.

Я замер, размышляя как поступить дальше. Пройти с наглой мордой и сесть, вызывая его а откровенный конфликт, или не борзеть с порога? И, поскольку я был обучен Виктором и не лишен хотя бы малого здравого смысла, не зная местности я решил не выпендриваться.

Он довольно кивнул и снова принялся меня рассматривать.

– А ты симпатичный парень, – сообщил он мне.

Я снова пожал плечами.

– Но здесь это могут быстро исправить.

И я снова пожал плечами.

– Пожимание плечами – самый распространенный вид

нейтральной реакции и неуверенности у детей и подростков, – сообщил он.

Ну просто кладезь подростковой психологии.

Чтобы не смотреть на него и не выдавать свои эмоции, я стал пялиться на пистолеты на стене. Он проследил за моим взглядом и удовлетворенно хмыкнул.

– Нравится оружие?

Тут я вынужден был посмотреть на него, чтобы понять, какой реакции он от меня ждет. Ну разумеется, что еще мог сказать взрослый подростку, уставившемуся на стволы? Подкинуть ему пищу для размышления.

– Не больше, чем энтомологу нравятся жуки, – сказал я.

– О-о, – фыркнул он. – У нас тут интеллектуал. То есть, ты разбираешься в оружии?

– Иногда.

– И что можешь сказать про эти два?

Говорить или нет? Но кажется, он и сам из этой породы. И если я скажу ему что-то необычное, смогу заставить его немного приоткрыться. Дать больше информации. Или на хрен выдать себя? Да ладно, что там выдавать-то, в конце концов?

Но я, кажется, долго размышлял, и он принял меня за обычного пижонящего подростка.

– Сверху – Кольт 1911, – сообщил он мне тоном великого учителя, – а внизу...

– Браунинг, – вставил я.

– Нет, – усмехнулся он.

– Да, – уперся я. – Некорректно говорить «Кольт 1911». Это система Джона Браунинга, разработанная изначально под 38 калибр и переделанная под 45 по требованию американской армии. Семизарядный. Однорядный магазин. УСМ одинарного действия.

У него отвисла челюсть.

– Второй ствол – Беретта 92, – не унимался я. – Боеприпас 9x19 Парабеллум. Принята на вооружение той же американской армией в 1974 году и пришедшая на смену тому, что вы называете Кольт 1911. Пятнадцать раундов... То есть, патронов в магазине. Боеприпас по схеме пятнадцать плюс один. Возможность загрузки патрона через окно экстракции гильз. Основание из алюминиевого сплава. Конструкция на основе Вальтера П-38.

Кажется, я его сразил. Ну или заинтересовал так точно. В его взгляде появилось что-то человеческое.

– Ну и какой из них ты бы выбрал? – спросил он с искренним интересом.

– Никакой. Эти стволы интересны для коллекционеров и стрелков в спокойной обстановке. Для работы я бы предпочел Глок.

– Для какой это работы? – усмехнулся он.

– А для чего они предназначены? – снова пожал плечами я. – Стрелять в людей.

Какой-то время мы молчали. Он, видимо, от потрясения.

Я – от некой неловкости и оттого, что не знал что теперь с этой неловкостью делать,

– Ну ни хрена себе, – проговорил он, наконец. – Где ты всего этого нахватался?

– В разных местах, – соврал я.

Он кивнул, продолжая меня разглядывать. А я в душе обматерил себя за тупость. Ответ «В разных местах» просто вопил о подростковой скрытности. И если ему хватит ума понять, что это так, он поймет, что я способен что-то скрывать, что в моей жизни есть некие секреты. И, как человек, наделенный властью надо мной, он непременно захочет эти секреты разгадать... Или Виктор наградил меня паранойей? Во всяком случае, я вовремя остановился. Потому что следующим шагом моего гениального плана была вывалить ему прям между глаз, что, судя по его возрасту, оба эти ствола принадлежали ему, он служил сперва с одним, потом с другим, а теперь вот вывесил на память. И очевидно, очень этим гордился.

Какое-то время он задумчиво смотрел то на пистолеты, то на меня, но вскоре смог взять себя в руки и снова заговорил:

– Ладно. Об этом мы еще побеседуем. А сейчас... Знаешь, сюда попадают разные мальчишки по разным причинам. Наркотики, воровство, даже грабеж. Но ты... Нанесение телесных повреждений учителю.

– Он козел, – сказал я.

– Настолько, что ты пытался его убить? – парировал он.

Тут я просто промолчал.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Знаешь, в твоём личном деле сказано только про телесные повреждения. Но я не поленился позвонить этому человеку. Его ждет долгое лечение. Вряд ли он скоро сможет ходить. А если бы тебя вовремя не остановили, и вовсе был бы уже мертв. Я прав?

– Не знаю, – совершенно честно признался я.

И правда, откуда мне знать что могло бы или не могло бы случиться, если это не случилось? Хотел ли я его убить? Наверное, хотел. Убил бы? Понятия не имею. Может, и остановился бы в последний момент.

– А он вот знает, – сообщил мне Капитан. – И считает, что твоё место в психушке. Но вот что забавно – он не упомянул в своём заявлении, что ты пытался его убить. Как думаешь, почему?

Я снова пожал плечами, хотя, как мне кажется, знал ответ.

– Да потому, – развивал тему Капитан, – что дирекция школы в обмен на изменения показаний пообещала снять с него обвинение в халатности, повлекшей смерть ученика.

Я молчал.

– Это был твой друг? – спросил Капитан.

Я молчал. Но ответа, видимо, и не требовалось.

– Удивительно, – сказал Капитан. – Они прикрыли свои задницы и все отделались малой кровью.

Я мог бы с ним не согласиться. Крови было много. Но по-

сле того, что он мне сообщил... Если бы сейчас этот физрук оказался передо мной, я бы, наверное, снова попытался его убить. А может, и нет.

Капитан какое-то время ждал от меня ответа, но вскоре понял, что не дожидается.

– Я хочу, чтобы ты кое-что понял, – сказал он, наконец. – Может, тебе и впрямь место в психушке – я пока не знаю. Но ты здесь. И парень ты, кажется, неглупый. Хотя и нахал. Я прав? Знаю, что прав. Но мне на все это плевать. И я хочу, чтобы ты знал. Это моя территория и здесь действуют мои правила. Научись жить по ним – все у тебя будет относительно хорошо. Нет – я скручу тебя в бараний рог и вся твоя дурь потечет из тебя гноем.

Ну елки-палки, где его учили запугивать людей? В армии? Впрочем, на обычных подростков это вполне могло подействовать. «Потечет гноем», «Моя территория»... Он что, мочится каждый день по углам, метя эту самую территорию?

– Мы поняли друг друга? – спросил он.

И вот тут я ответил ему совершенно искренне:

– Да. Только дайте мне время изучить эти правила.

Нет, я ей богу не врал. То, что мы друг друга поняли ведь не значит, что я с ним согласился. А изучить правила и выполнять их – совсем не одно и то же. Виктор учил меня, что правила, засевшие у человека в башке, очень удобно использовать для манипуляции этим человеком. Так что я был абсолютно искренним...

Если б только знать что ожидало меня в дальнейшем.

После этого милого собеседования в кабинете, меня поручили некоему старшему воспитателю, который, боже ты мой, и впрямь начал инсталлировать в мою бедную голову всякие правила. Начиная с распорядка дня.

Подъем в семь утра. Не критично.

Пробежка. Не критично.

Уборка комнат. Ладно, черт с ним.

Завтрак. Нормально.

Продолжение уборки комнат. Только б не стерлись комнаты.

Проверка уборки комнат. Охренеть.

Исправление недочетов уборки комнат. Клиника.

Построение. Очевидно – с диким исполнением государственного гимна.

Занятия.

Физподготовка.

Обед.

Занятия.

Физподготовка.

Ужин.

Личное время (период мастурбации).

Вечернее построение.

Отбой (период затяжной мастурбации).

В свое время Виктор сказал мне, что по-настоящему умеет приспосабливаться в обществе только тот, кто побывал в

тюрьме или рабстве. Если он не занимается там тем, что жалеет себя напропалую и считает дни до освобождения, если он смотрит по сторонам и приспосабливается к ситуации – он преодолет что угодно. Свобода внутри нас. Снаружи – обман. Всякое вранье про демократию и прочее дерьмо. Есть только свобода внутри тебя и необходимость приспособляться снаружи. Остальное эмоции.

Но эмоции – сильная штука. Особенно, когда в первую же ночь тебя пытаются трахнуть в задницу и в этой связи происходит некий перелом то ли в твоей психике, то ли в ткани реальности.

13

«Я такой бодрый, когда пора спать»

Барт Симпсон

– Куда его? – спросил один дежурный у другого такого же, но, очевидно, рангом ниже.

– В тринадцатую, – ответил первый дежурный.

Мне показалось, или второй посмотрел на меня с сочувствием? Или испугом? Или и то и другое? Типа такая светящаяся надпись во взгляде «Мне тебя жаль, парень, но это, по большому счету, не мое дело».

Тринадцатая оказалась вполне себе обычной комнатой.

Достаточно большой, чтобы вместить шесть двухярусных коек, заправленных с таким тщанием, будто это были вовсе и не кровати на которых спят люди, а обернутые в одеда кирпичи, соответственно двенадцать тумбочек, два несоразмерных шкафа, двенадцать расставленных как будто нарисовано табуреток. И все. А, да, еще окно, забранное крупной сеткой, которую и решеткой не назовешь, но и от комаров она явно не спасала. Короче, казарма и тюрьма в одном флаконе.

– Сегодня отсюда перевели одного парня, – доверительно сообщил мне дежурный. Потом посмотрел на меня и добавил: – Теперь понятно почему. Сочувствую.

Я вопросительно глянул на него.

– Скоро поймешь, – сказал он. – Пока просто переодевайся, разложи вещи – Капитан наверняка завтра лично тебя проверит.

– Пока не страшно, – ответил я.

– Зря, – сказал он. – Капитан – он такой... Если что, в бараний рог скрутит.

– «И то что искру высечет из камня, лишь только брызги выбьет из говна»⁷, – процитировал я любимое от Виктора.

Дежурный – в сущности, парнишка года на два старше меня – заржал. Хотя, как мне показалось, не до конца понял.

– А ты, вроде, ничего, – заметил он.

– Я знаю, – сказал я, и он снова заржал. – Один мой знакомый говорил, что если быть достаточной сволочью, можно

⁷ И. Губерман

приспособиться к чему угодно.

– Ну-ну, – усмехнулся он. – Команда возвращается с занятий через час. Посмотрим как ты к этому приспособишься.

Он ушел, а я остался переодеваться, раскладывать вещи и приспособливаться. Сперва у меня была идея ничего не раскладывать, а попросту перевернуть все койки, переломать все тумбочки, вышибить окно и вообще навести тут такой бедлам, который соответствовал бы моему настроению и чуткой душевной организации. Но потом я решил, что пока я не знаю с чем имею дело, выпендриваться не стоит. Виктор чему-то меня все-таки научил. И я прилежно разложил вещи, переделся в местную робу, попробовал было определить какая из коек будет моей, но оказался бессилён. Почему-то вспомнилось откуда-то взятое «Лучшее место – у окна, худшее – у параша». Параша тут не было, а окно вряд ли могло порадовать. Во всяком случае, меня. И я стал ждать.

Как и было обещано, спустя где-то час, команда (блин, почему «команда»?) вернулась с неких занятий. Коридор наполнился звуком многих шагов, многоголосьем... Только вот как-то не было это похоже на сборище малолетних преступников и прочих потенциальных изгоев общества. Никто не орал, громко не говорил – разве что невнятно и в полголоса. И только звонкий голос уже знакомого мне главного дежурного (или как он тут назывался?), оповещающий пространство о том, что через полчаса построение на ужин.

И вот, наконец, начала являться моя «команда». Трина-

дцатый взвод, тринадцатая рота, тринадцатая комната, тринадцатый отряд суперрейнджеров – хрен его не знает. Вполне себе обычные пацаны. Правда, в большинстве своем старше меня. Увидав мое величество возлежащее на койке, они смотрели с интересом, некоторые присвистывали, кто-то сказал: «О, свежее мясо прибыло». Чертовски оригинально. Шутка юмора, видимо. Один подошел ко мне и сказал: – Ты бы встал. И койку поправь. До отбоя нельзя.

Черт, была масса вариантов как отреагировать. Фыркнуть, закатить глаза, ляпнуть что-нибудь. Но я повел себя истинным паинькой – молча поднялся и поправил покрывало. Меня несколько насторожила какая-то бледная реакция на мое появление. Я ожидал подтруниваний, издевательств, много больше эмоций, реакции и слов из которых я, по наущению Виктора, смог бы сделать выводы о среде в которую провалился. Но тут... Черт, они смотрел на меня во все глаза, но смотрели печально и как-то... Как на приговоренного к смерти.

И тут появился он. И я, кажется, начал понимать куда попал.

Не знаю сколько ему было лет, но был он гораздо крупнее и тяжелее любого пацана в комнате. Впрочем, морда – прыщавая, с бледной мимикой – казалась вполне себе подростковой. Был он толстым, или просто таким вот преждевременно заматеревшим? Не знаю. И выяснять в тот момент мне это не хотелось. Потому что, стоило ему переступить порог,

недобрый взгляд его маленьких пристальных глазок впился в меня. И больше уже не отпускал.

Он остановился в дверях, глядя на меня в упор. Я, разумеется, глядел на него. И потихоньку начинал паниковать. По целому ряду причин. И потому, что, стоило ему возникнуть, в комнате воцарилась гробовая тишина. И по тому как он смотрел на меня, а все остальные – то на меня, то на него. И потому, что я звериным чутьем, которое Виктор учил ни в коем случае не игнорировать, ощутил насколько он опасен и жуток.

Не говоря ни слова, он прошел через комнату и, невзирая на озвученный запрет, опустился на койку у окна. Никто не сказал ему ни слова. Но меня беспокоило не это, а наиболее актуальный, как мне показалось, сейчас вопрос: когда он проходил по комнате, мне показалось, или у него штаны в паху распирали? Что бы это значило?

Но Виктор и этому меня научил, буквально вбил в голову – не игнорировать очевидное, насколько бы неприятным оно ни казалось. Я прекрасно понимал что все это означает. Как понимал, что в душ я сегодня не пойду и спать ночью тоже не буду. А завтра? Мне снова стало страшно.

А далее все было по расписанию. За ужином я пытался разговорить нескольких пацанов, и они, казалось, шли на контакт, но, стоило им заметить тяжелый взгляд этого увальня, который теперь, видимо, словно снайпер – в прицел меня поймал и упускать не собирался, – как они замолкали и ре-

тировались. Потом было личное время, в течение которого кто-то пошел смотреть телевизор в большую комнату уставленную казенными стульями, кто-то взялся за книжку. Короче – кто что. И тут, куда бы я ни пошел, я натыкался на взгляд этого кошмарного гоблина. Он не приближался, не делал попыток заговорить. Просто смотрел. Но смотрел не отрываясь.

После этого самого напряженного, жуткого и тяготящего времяпрепровождения в моей жизни, снова появился дежурный и заорал на нас в том смысле, чтобы мы выходили строиться.

Признаюсь честно – строиться я не умею и никогда не стремился научиться. Все, что связано с военными и армией навсегда было охарактеризовано для меня той памятной фразой Виктора: «Военные – это идиоты, которые убивают и умирают по приказу подлецов». Но тут деваться было некуда. Меня поставили туда, где я, по замыслу Творца, должен был торчать, быстренько объяснили как себя вести... Черт, это же целое искусство пантомимы для непосвященных – куда башку повернуть, какую рожу скорчить, какая нога первая должна в дерьмо наступить...

Мы стояли на плацу за главным зданием. Плац был большой, но ярко освещенный не фонарями даже – прожекторами. С одной из сторон – той, что ближе к зданию – высилась трибуна. Из двери бодро вывалился Капитан, взгромоздился, и двинул нам короткую речь. Вместо сказки на ночь.

В том смысле, что все мы кругом должны, что надо честно трудиться, надо исправляться, становиться достойными членами общества, которое нас сюда вот сунуло. Впрочем, разорался он недолго. На секунду я, было, испугался, что он потребует пред светлые очи меня, как вновьприбывшего, и затеет представление в том смысле, что в полку заблудших овец, коих надо вывести на светлый путь, прибыло. Обошлось. Видимо, персональный прием в дружную семью тут не в чести.

После этого нас распустили, наконец, по комнатам. Мне, как свежепойманному и не до конца еще обращенному, объяснили, что у меня есть полчаса почистить зубы, смотаться в душ и нырнуть в койку. Но в душ я не пошел – что я, совсем идиот, что ли? Гоблин по прежнему держался в зоне наблюдения и пялился.

Не на того напал. Улучив момент, я выскользнул за дверь, потом свернул за угол, потом еще за угол, потом на улицу. После чего спокойно вернулся в комнату, предоставляя преследователю возможность разыскивать меня по всей территории.

В комнате находился всего один мальчишка. У меня не было времени на долгие беседы, но я, в отличие от других, учился у Виктора, Поэтому я подскочил к этому пацану и быстро сказал:

– Так, ты мне сейчас быстренько в двух словах рассказываешь, что это за урод, а я за это не скажу ему, что это ты

мне все рассказал.

Кажется, для моего неожиданного собеседника это оказалось слишком витиеватой логической головоломкой.

– Короче, упрощу. Если ты мне ничего не скажешь, я все равно все узнаю, но ему скажу, что рассказал мне ты. И чего еще я навру – сам пока не придумал. А врать я умею.

И он мне рассказал. Все было намного хуже, чем даже я предполагал поначалу. Никакого секрета тут не было. Хотя и говорить открыто никто не решался. Гоблин был племянником Капитана. И оказался в Шестерке он за изнасилование. Казалось, он вообще готов был трахать все, что шевелится. Лет ему было пятнадцать, и, по слухам, его отец в ногах у Капитана валялся и умолял его как брата не позволить упечь отпрыска в психушку, или куда похуже. Ну, последнее утверждение я посчитал все-таки мальчишескими домыслами. Но упоминание о психушке... Такое впечатление, что нам судьбой было предназначено с ним встретиться.

Черт. Ну и как мне теперь быть? Честно говоря, я не знал. Возникло желание сбежать из этого дурдома прямо сейчас. Но я крепко сомневался, что у меня получится. Я не знал территории, не знал даже самого здания – не успел. И ведь говорил мне Виктор, учил – оказавшись в новом месте, прежде всего изучи его. А я вместо этого целый час валялся на койке и жалел себя. Ну, вполне вероятно, скоро поводов для жалости появится больше. Только вот... Не знаю уж что этот гоблин творил тут до сих пор, но вряд ли он раньше

сталкивался с таким бешеным хорьком как я. Я скорее сдохну, чем позволю ему станцевать свой танец.

И вот объявили отбой. Я лежал в своей койке – ближней к двери и нижней. Не было никакой героической борьбы со сном – в крови было столько адреналина, что череп грозил взорваться. И я велел себе успокоиться. Потому что тот же Виктор учил, что нет худшего спутника для ожидания действия, чем адреналин. Сперва ты возбужден, потом долго ничего не происходит, а затем неизбежно следует упадок сил и ты становишься вообще ни на что не способен. Так что я расслабился и просто ждал.

Только вот, как мне показалось, никто в комнате вообще не спит. И уж точно не спал страшный гоблин на другом конце моего такого нынче ограниченного жизненного пространства. И он тоже знал, что никто из пацанов не спит. И он ждал. Как и всякий охотник он терпелив – он может ждать долго.

Прошел час, другой – не знаю. Засопел один мальчишка, начал прихрапывать другой. Еще какое-то время. Казалось, уснуло все здание.

И вот тут в другом конце комнаты воздвиглась большая тень. Для своих габаритов он двигался удивительно бесшумно. Медленно, уверенно, прошел через комнату, приблизился, навис надо мной. Я ждал. Чего? Сам не знаю. Может, как маленький ребенок все еще надеялся, что обойдется. А может, просто начала действия – чтобы суметь увидеть подсказ-

ку к противодействию.

Он стоял долго, маячил как призрак. Потом медленно опустился на край моей кровати. Пружины только слегка скрипнули. Я пошевелился, и тут его левая рука с поразительной скоростью метнулась вперед и зажала мне рот. Черт, да эта лапища зажала мне пол лица и так вдавила голову в подушку, что я, казалось, куда-то проваливался... Или меня куда-то пытались пропихнуть?

– Тс-с, – еле слышно прошептал он. – Не шуми. Все хорошо.

Нет, кто-нибудь слышал более идиотское утверждение? Но возразить я ему, понятное дело, не мог.

Какое-то время он молчал, пристально меня разглядывая. Света, который проникал из коридора в крошечное армированное окошко двери было, видимо, достаточно, чтобы это сделать.

– А ты красивый, – проговорил он все тем же еле слышным шепотом. – Я никогда таких не видел. Очень красивый.

Мамочка моя, ты что, влюбился, что ли?

И тут же, словно в ответ на мои мысли:

– В тебя можно влюбиться. Когда я тебя увидел, сперва мне захотелось тебя защищать. А потом уже – все остальное.

Интересно, если я от таких речей блевану ему прямо в ладонь, он отстанет? Или более вероятен вариант в котором я захлебнусь собственной блевотиной? Тоже не самый худший исход. Так умер один великий человек – мне Виктор расска-

зывал. Напился как свинья, заснул в машине друга и захлебнулся в собственной блевотине. Все великие люди – такие свиньи⁸.

И тут кто-то в комнате хихикнул. Очевидно, один из пациентов все-таки не уснул и подслушивал. Мой мучитель тут же отпустил меня, безошибочно нашел смеющегося, молниеносно оказался рядом, точно так же как мне зажал рот, а потом с размаху опустил свой пудовый кулачище на голову. Недостаточно сильно, чтобы убить, но вполне, чтобы вырубить.

Я в этот момент уже был на ногах, но он все-таки оказался чертовски проворен. И не подумаешь. Снова обнаружился рядом, завалил на койку и зажал рот.

– Ты первый человек для которого мне хочется что-то сделать, – доверительно сообщил он мне. – Раньше – никогда и ни для кого. Ни для отца, ни для Капитана... Для всех этих уродов... А для тебя – хочется. И если мы подружимся, никто не посмеет даже косо посмотреть в твою сторону. От тебя потребуется совсем немного. И если не сопротивляться – даже больно не будет.

Я дергался, извивался, вырывался и начинал паниковать. Он был намного сильнее меня, тяжелее, и, очевидно, достаточно опытен в этом деле. Его рука вдавливала меня в подушку как пресс. Дотянуться до его уязвимых мест я не мог. Кроме того, лапища почти перекрыла доступ воздуха, так

⁸ Речь идет о смерти первого солиста группы AC/DC Бона Скотта.

что перед глазами у меня начинало темнеть. О демоны с раздолбанными задницами! Не хватало еще чтобы я потерял сознание и меня изнасиловали как надувную куклу. А может, так даже лучше?

И вот тут...

Я не знаю кто открыл дверь, не заметил когда, не уверен, что она открывалась вообще. Но вдруг оказалась открытой. И там, в освещенном скудной дежурной лампочкой полумраке коридора, стоял... Виктор? Да, это явно был Виктор, но как будто не совсем он. Он выглядел как-то... Не неуклюже даже, а... неясно, что ли. Так, как я представлял его себе, спустя время, что ли? Как слепок моего воображения? Чертовски сложно объяснить. Как и разглядеть его лицо, поймать его выражение. Но это точно был он. И у меня на глаза навернулись слезы. Это не мог быть он, но все-таки был. Правда, что-то в его глазах (странно – лица толком не разглядеть, но глаза я видел ясно) показалось мне... Никогда не видел у него такого взгляда. Словно взгляд из бездны бессмертного существа, которое отчаялось и выбраться, и умереть.

– Ну? – спросил призрачный Виктор. – И долго ты собираешься выпендриваться? Давай уже прими его ухаживания, или объясни в доступной форме, что они тебе малоинтересны. Правда, сперва тебе придется найти возможность говорить. А там как пойдет. Мало ли что сложится.

И я расслабился. Перестал дергаться, пытаться осво-

бодиться. Хватка малолетнего озабоченного питекантропа ослабла. Я по прежнему не сопротивлялся. Тогда лапища осторожна убралась с моего лица. Я медленно сел в кровати, глядя прямо в глаза этого молодого, но уже конченного уroda, стараясь, впрочем, держать в поле зрения и призрак Виктора, по прежнему маячивший в дверном проеме. Кажется, мой потенциальный сожигатель его напрочь не замечал, как и света из коридора.

Я смотрел в глаза самого мерзкого уroda, какого встречал в жизни, и очень старался, чтобы мой взгляд светился хотя бы приятием. Урод отвечал мне тем же. Затем... Блин, кому-то покажется странным, но это же такой анекдот... Затем он так нежно провел своей клешней по моей щеке, потом по груди, потом так ласково и незатейливо опустил ладонь на пах... Чего мне стоило не вздрогнуть и не заржать от щекотки – историки разберутся.

Кажется, в этот момент я каким-то краешком сознания понял, что ощущает женщина, когда получает власть над озабоченным мужиком.

– Ты почти приручил его, – сообщил мне призрак Виктора.

Я был с ним почти согласен. Если бы он еще объяснил мне, что делать с таким прирученным орангутангом и чем его кормить... Но призрак решил объяснить мне другое.

– А теперь покажи этому червяку, что никто не смеет так с тобой обращаться!!! – взревел он.

Виктор никогда так не орал. Он вообще не любил повышать голос. Но, поскольку это было явное шизофреническое проявление, голос звучал только в моей голове и был, безусловно, частью моей слетевшей с катушек психики. И неудивительно, что гоблин ничего не услышал и не понял.

Я поманил его пальцем. Он приблизился. В его глазах горело что-то... Какая-то смесь мерзких эмоций – похоть, переходящая в безудержное желание, некое подобие даже любви, недоверие. Но это было скорее недоверие испуганного ребенка. Елки-палки, а ведь и впрямь – не просто так же он сделался таким. Что-то случилось с ним – может, его самого кто-то оприходовал в сопливом возрасте. И то как он смотрел... Да, я его почти приручил. Потрясающим умением обзавелся. Соблазнять и обретать сексуальную власть над уродами.

– Ты удивительный, – шепотом сообщил мне урод.

– Ты даже не представляешь себе насколько, – ответил я и выбросил вперед обе руки.

Мои скрюченные большие пальцы протаранили его глазные яблоки. Он заорал от боли и неожиданности. Но ненадолго. Внутренним ребром раскрытой правой ладони я ударил в щитовидный хрящ. Он захрипел и повалился на пол.

И тут краем глаза я увидел, что призрак Виктора повернулся спиной и собирается уходить.

– Постой! – заорал я.

– Не-а, – сказал он. – Ты сейчас занят. Мне пока тут боль-

ше делать нечего. Еще увидимся.

У меня был выбор – побежать за ним, или продолжить с гоблином. И я остался. Пацаны в комнате уже проснулись (кроме того, которого уложил спать сам гоблин), и теперь сиделись в кроватях, протирали глаза, силясь понять что происходит. Меня это не интересовало. Я приблизился к неудавшемуся насильнику, посмотрел на него, а потом подпрыгнул и с силой одним коленом опустил ему на грудную клетку. Хрустнуло. Затем наотмашь, как плетью, ударил ребром кулака в пах. Чвакнуло. И я принялся буквально месить не оказывающее сопротивления тело. Меня пытались оттащить – я отшвыривал тех, кто пытался. В комнате и коридоре зажегся свет, так что я смог увидеть его разбитую физиономию и струйки крови, вытекающие из глаз, ушей рта. Но остановиться я уже не мог. Или мог? Да, я остановился, с трудом поднялся на ноги. Меня бросало из стороны в сторону, так что я вынужден был ухватиться за стену.

Мои собратья по несчастью с тихим ужасом смотрели то на меня, то на поверженного, не подающего признаков жизни гоблина. На побежденного монстра. Интересно, а сколько из них он успел оприходовать? Нет, не интересно.

– Ну ты и разнес его чувак, – пробормотал один из пацанов.

Я посмотрел на него мутным взглядом. А потом вдруг треснул по морде.

– За что?! – заорал он.

Но теперь у меня началась истерика.

14

«Если надавить на глаз – галлюцинация раздвоится»
Братья Стругацкие «Понедельник начинается в субботу»

Забавно. Наверное всем людям – даже таким ненормальным как я – свойственно переживать свои детские и подростковые переживания. Ну а что делать – мы же ни черта не помним. Кто помнит что это значит – быть ребенком, подростком, как мы мыслили в то время, как и что чувствовали? Разве что великие педагоги. Ну вот мы и фантазируем с высоты своего нынешнего взрослого, отягощенного брюхом, скукой и бессилием понимания. Как говорил Виктор, в нашем распоряжении только то мироощущение, которое есть у нас в данный момент. Остальное – домыслы и фантазии.

Следующие два дня я провел в карцере. Тоже, собственно, ничего особенного по сравнению с теми жуткими фантазиями, которые блуждали у нас по приюту. Просто небольшая комната без окон, но с неярким плафоном на потолке, кровать, унитаз, раковина. Никаких личных вещей (которых у меня, в общем-то, теперь и так не было). Одиночка, в сущности. Я ничего не имел против одиночки. Желал того Капитан или нет, но он оказал мне услугу. Надо было успоко-

иться, разобраться, подумать.

Может быть, я должен был радоваться тому, что избежал изнасилования, но радость как-то не шла. С точки зрения логики, я слабо понимал за что меня сюда посадили. За то что здоровенный амбал пытался меня трахнуть, а я его уделал? За превышение необходимой самообороны? Вот это уже достаточно смешно. Можно поржать.

Пытался ли я его убить? Понятия не имею. Остановился я сам, никто меня не оттаскивал. Но в принципе... Наверное, при определенных обстоятельствах, мог. Как всегда. И вряд ли испытывал бы при этом некое чувство вины. Мне это чувство вообще слабо свойственно. А уж в данной ситуации...

Изменилось ли что-то в моей жизни? Ну, впору снова вспомнить про верблюда. Изменилось многое. Не важно, что я смог отразить нападение и повергнуть врага в говно. Не в этом дело. Виктор говорил, что самое сложная и единственно интересная для него форма существования – максимально возможная свобода и самостоятельность. На самом деле, ведь и впрямь, если разобраться, свобода – штука поганая. Приходится самому все решать, принимать на себя ответственность, не закроешь глаза, не спрячешься стыдливо ни за Бога, ни за патриотизм, ни за какие-то там иллюзии. Потому что Бог, патриотизм и прочее – это ведь несвобода и есть. А без них – чертовски неуютно и холодно. Но вот ведь говеный парадокс – стоит человеку осознать, что он прячется за всем этим... И оно исчезает. Нельзя спрятаться за щитом

в который не веришь. Нельзя свалить вину на Бога, если не веришь в Бога. Нельзя убить тысячи людей, а потом на голубом глазу объявить, что сотворил сие непотребство на благо родины. Если нет у тебя никакой родины и не отождествляешь ты себя ни с какой недвижимостью или территорией. Вот что такое свобода – жутковатое место в которое вполне может провалиться любое сознание. И обратного пути ведь нет. Невозможно снова убедить себя во вранье, которое ты уже осознал как вранье.

И вот я чувствовал себя, наверное, именно таким. Свободным. Жизнь сложилась так, обстоятельства жажнулись мне на голову, карма треснула с характерным хрустом в области главной чакры имени самообмана – понятия не имею. Но я ощущал себя опустошенным. Свободным и очень одиноким. Я мог позаботиться о себе до такой степени до которой уже позаботился. Я не нуждался во взрослых – в их советах и опеке. Не нуждался в ответах на вопросы. Ни в каких ответах со стороны. Потому что единственный человек от которого я бы принял такие советы, выпал из моей жизни навсегда. И теперь мне придется искать все эти ответы самому, потому что я не приму ни от кого помощи...

Думал ли я именно так в тот момент? Понятия не имею. Наверное, думал. Но уж точно не в такой форме и не такими словами. Мне было тринадцать, чего вы хотите?

А еще я думал о галлюцинации в виде призрака Виктора, посетившей меня в критический момент. Странное де-

ло. Может, мое сознание, задымившись от перегрузки, просто нашло спасение в единственном образе от которого я бы принял помощь? Единственное за что, вернее, за кого оно цеплялось? Наверное, отчасти так и было. А еще мне почему-то казалось, что это не было совсем уж галлюцинацией. Шизофренией? Или шизофрения – это когда слышишь голоса? Типа радио. Деструктивное расстройство личности? Безусловно. Но я помню, что в тот момент я как будто... не знаю как сформулировать... Я чувствовал присутствие. Виктор был там. Совершенно реальный (на каком-то определенном уровне реальности). И потом, я не уверен, что бывают призраки еще не умерших людей. А Виктор ведь, насколько я знал, не умер.

Ну, или я просто свихнулся. Простое объяснение, и тогда я готов был в него поверить. Почти. Потому что на второй день моего пребывания в карцере, Виктор появился вновь. Он снова стоял в проеме распахнутой двери и как будто дразнил мое восприятие находясь на границе тени и света.

– Привет, – сказал призрак.

Я подорвался на кровати как под хвост ужаленный.

– Дерьмово выглядишь, – доверительно сообщил он мне из полумрака.

– В душ же не пускают, – автоматически ответил я. И тут же подумал о нелепости своего поведения – объяснять призраку, существующему в моем воображении отчего это у меня грязная башка.

– Ага, – согласился призрак. – Это именно то на что я обратил внимание.

Я смотрел на него и... никак не мог разглядеть. То есть вот категорически он не попадал в фокус. Но откуда-то я знал, что это именно Виктор. И ощущал его реальность. Вот ведь свихнулся. Но ведь это не мог быть он!

– Кто ты? – спросил я шепотом.

Он ответил не сразу. Сперва долго меня рассматривал, а потом выдал:

– А разве это важно? Ты только что сам решил, что абсолютно свободен. Такого, конечно, не бывает пока тебе надо что-то есть, во что-то одеваться и ты не способен помочь в людном месте. Абсолютная свобода бывает только на кладбище. Но раз ты решил... Вот сам и придумай что я такое. Потому что во всех других вариантах... Получится то же самое.

– Как это?

– Я только что озвучил твои же собственные мысли. Из чего явно следует, что я плод твоего ушибленного попыткой изнасилования воображения. И если я отвечу на твой вопрос – я ведь не более, чем плод твоего воображения. Выходит, ты сам на него ответишь. Единственная разница – ты не при-
мешь на себя ответственность за выбор любого глупого варианта.

Я долго думал над его словами, а потом сказал:

– Мне кажется, ты реальный.

– А это ничего не значит. Миллионы людей верят в реальность Бога. А Он, гад такой, от этого все никак не станет реальнее. Так что верь во что хочешь.

– Ладно, – сказал я, не очень хорошо понимая на что соглашаюсь.

– Вот и о-кейно. Пошли погуляем?

– Как это? – растерялся я. – Я же заперт.

– Ты что, дурак? – усмехнулся призрак и показал на открытую дверь.

Я пожал плечами, поднялся с койки, но к двери приближался все-таки осторожно. Не хватало только, поверив в реальность галлюцинации, врубиться носом в запертую дверь. Виктор задумчиво за мной наблюдал, ухитряясь каким-то образом постоянно держать дистанцию и оставаться в тени.

Дверь оказалась открытой реально. Мы вышли в коридор. Поскольку до этого я тут нигде не был, здания не знал, то не представлял что где находится. Кроме того, даже если бы знал, вряд ли понимал бы куда «идти гулять» в сложившихся обстоятельствах. Поэтому я пошел за призраком.

Вскоре мы оказались перед дверью кабинета Капитана. Вернее, это я оказался. Виктор куда-то пропал, хотя я был почти уверен, что он уже в кабинете. И когда успел? Я повернул ручку и вошел. Капитан был в кабинете, но он, похоже, не замечал ни меня, ни маячивший на границе света от настольной лампы, призрак Виктора.

Капитан вообще ничего не замечал. Он был занят. Он

орал в телефон.

– Я все это знаю! Да, я читал его личное дело. Если бы я хотел придушить гаденыша – уже бы это сделал.

Уп-с. Не знаю, может, это самомнение, но речь явно шла обо мне.

– Он останется здесь, пока я не решу как с ним поступить дальше. И если вы там подумаете своими трусливыми чиновничьими мозгами, то поймете, что, с точки зрения закона, другого выхода нет... Что? Но он не сумасшедший... Не удивлюсь если он легко пройдет все тесты и ваши психиатры обломают об него свои высокоученые мозги... Почему? Да потому что во всех других вариантах его вычислили бы раньше именно как сумасшедшего... Да... Насколько мне известно, из-за этого учителя физкультуры погиб его лучший друг. А в приюте друг – это больше чем брат, если вы не в курсе... Нет, с этим я разберусь сам... Отстранить меня? Ну-ну. И где вы собираетесь найти другого придурка на эту должность? У вас кандидаты в очереди стоят?

– Он хочет, чтобы ты оставался в его распоряжении, – сообщил мне призрак Виктора. – Хочет, чтобы ты был в его руках.

– Он нас не слышит? – удивленно прошептал я.

Капитан и в самом деле упорно не замечал нашего присутствия в кабинете.

– Нет, блин, просто игнорирует, – громогласно провозгласил Виктор. – Не задавай дурацких вопросов ответ на кото-

рые тебе известен.

– Как это получается?

– Это долбаная магия, – фыркнул Виктор. – Ты слышал, что я сказал?

– Круто, – восхитился я. – И что, в любое место так можно?

Виктор какое-то время молчал, а потом спросил:

– Ты все еще полагаешь, что все это галлюцинация? Пытаешься выяснить насколько все нереально?

– Ну... типа того, – признался я.

Он вздохнул.

– Ты понимаешь о чем говорит этот человек?

– Хочет, чтобы я остался в его власти, – равнодушно сказал я, пожимая плечами.

– Это опасно.

– Это интересно, – возразил я.

– Что в этом интересного?

– Интересно, на кой ему это так сильно надо?

– Хочет отомстить.

– И вместо того, чтобы мстить, ждет два дня и ругается с кем-то по телефону?

– Может, он хочет выждать. А может, растянуть месть на долгое время. Чтобы превратить твою жизнь в ад.

Я посмотрел на Капитана, и сказал:

– Не-а. Тут что-то другое. Не знаю что, но... Он злой, он бывший военный, у него кирпич вместо мозга, он черт на

колесиках. Но вряд ли он умеет превращать жизнь в ад. Во всяком случае, для таких как я. И может, было бы интересно попробовать пожить в аду?

– Ты и впрямь считаешь себя достойным ада? – задумчиво спросил призрак.

Я снова пожал плечами.

– Черт его не знает кто чего достоин, – сказал призрак. – Мы получаем то, что получаем, а не то, чего достойны. А уж если иметь в виду то, чего мы, как нам кажется, достойны... Все кретины стали бы миллиардерами, властителями мира и прочее.

– Не знаю, – сказал я.

– Чего ты не знаешь?

– Я понятия не имею чего я достоин.

Призрак вдруг совсем скрылся в тени и сказал:

– Ты и впрямь странный тип. Но я тебя все равно люблю.

Я дернулся как от удара. Но кажется, в тени уже никого не было. То есть, я точно знал, что там никого нет.

– Во всяком случае, больше никто не попытается меня трахнуть, – сказал я в пустоту. – А это уже не совсем ад.

Засим я вышел за дверь кабинета. Капитан меня по прежнему не замечал. А уже в приемной я заметил на стене скрытую за стеклом кнопку пожарной тревоги. Не знаю чего уж там я ожидал, но мне удалось достаточно легко разбить стекло и дернуть за рычаг...

И визг пожарной сирены разбудил меня в карцере. Нас

спешно выводили из здания. Про меня тоже не забыли.

15

«Вот так и Гитлер оправдывался: «Я случайно убил евреев!»».

Грегори Хаус. Доктор медицины и сволочь.

Наутро меня снова привели в кабинет Капитана. Интересно, кто-нибудь из вновьприбывших ставил такой рекорд? Два посещения директора исправительного заведения за три дня пребывания.

В канцелярии я искоса глянул на кнопку пожарной тревоги. Она была в нормальном положении, но стекла не было. Интересный факт.

Капитан сидел в своем мастодонтовом кресле. Был он мрачен и напоминал, наверное, грозовую тучу в представлении голливудского режиссера, снимающего фильм про торнадо. Впрочем, может, я неправильно угадал его эмоции? Черт, мне бы теперь в своих разобраться.

Не говоря ни слова, Капитан показал мне на кресло. Я сел.

Молчал он долго. Очень долго. И мне вдруг подумалось, что он вообще не знает что сказать и как начать разговор.

Меня же больше беспокоило то, что произошло ночью. И, словно прочитав мои мысли, Капитан сказал:

– Какой-то придурок включил сигнализацию в канцелярии. Можешь себе представить? Просто разбил стекло и дернул за рычаг. Узнаю какая скотина осмелилась – шкуру спущу.

Не спустишь, подумал я. Даже если узнаешь – один черт не поверишь.

– Ладно, – махнул он рукой. – Поговорим о наших делах.

Он поднялся с места и подошел к окну. Я впервые увидел его вблизи во весь рост, увидел как он двигается. Он прихрамывал, но все равно передвигался весьма уверенно и ловко. Чувствовалось, что сбить его с ног, вывести из равновесия будет равносильно тому чтобы сбить поезд с рельсов. Очевидный хищник. Мне ли не почувствовать?

– Неизвестно вернется ли к нему зрение, – сказал Капитан, глядя в окно. – Серьезные травмы гортани. Он в коме, но интубировать не смогли – пришлось резать. Так и лежит в трубкой торчащей из горла.

Ну и как я должен на это реагировать? Я решил, что пока никак.

– Повреждения внутренних органов, – продолжал Капитан, – трещина в тазовой кости. Он словно под машину попал.

И зачем он мне все это говорил? Неужели всерьез хочет вызвать во мне некое сочувствие? Или ужас от осознания содеянного? Или он не в курсе что там на самом деле произошло?

– Ты знал, что он мой племянник? – спросил вдруг Капитан.

– Нет, – соврал я.

– Так вот, он мой племянник. Мой младший брат – его отец... Я его вырастил, можно сказать – в смысле, отца. Я на пятнадцать лет старше. И когда у него родился мальчик... Сперва все радовались. И потом радовались. Но когда мальчик вырос... Знаешь за что он оказался в этом заведении?

– Я тут всего три дня, – сказал я. – И два из них просидел в карцере. Я вообще ничего не знаю.

Он вдруг оказался рядом со мной, навис, схватил меня за плечо и приблизил лицо почти вплотную.

– Не дерзи мне, сопляк, – прошипел он. – Я с трудом сдерживаюсь, чтобы тебя не придушить. Единственная причина по которой я этого не делаю – потому что никак не могу решить, правильно это будет, или нет... И что тут вообще может быть правильным. Так что не провоцируй.

Если честно, я не испугался. Но изо всех сил делал вид, что боюсь. Потому что именно этого он от меня и ждал. А дразнить хищника в его логове – глупая затея, если только у вас нет при себе крупнокалиберного карабина и вы не знаете повадки этого хищника. А не испугался я потому, что увидел в его глазах что угодно, только не ярость. И не негодование. Он, очевидно, не был ни удивлен, ни шокирован произошедшим. Но явно был и удивлен и шокирован тем чем все обернулось.

Капитан еще какое-то время посверкал на меня глазами, потом отпустил.

– Когда ему исполнилось четырнадцать, – продолжил он, – он весил уже семьдесят килограммов и был ростом на голову выше меня. Однажды в школе он... Он прижал одного мальчишку в туалете, и... – Капитан замолчал. Потом продолжил: – Его хотели отправить к психиатру и поставить диагноз, но мы с братом смогли его уберечь. Чего нам это стоило... А через полгода он почти добился своего от другого мальчишки. Черт, если бы это не был мой племянник, я бы давно уже его упрятал, чтобы спасти других ребят. Но он был сыном моего брата. Брат просил, умолял... И я снова его спас. Перевел в другую школу. Где он, наконец, и... Реализовался.

Реализовался? Мне послышалось, или он сказал «реализовался»? И вообще, зачем он все это мне рассказывает? Все это звучало настолько бредово, что я ляпнул первое, что пришло на ум:

– И вы поселили меня к нему в комнату.

Я не спрашивал. Просто констатировал факт.

– Да, поселил, – вздохнул Капитан. – После того, что случилось, единственное, что я мог сделать не для него даже, а для своего брата – определить парня в мое заведение. И он тут держался почти год. Ничего серьезнее небольших потасовок... И в какой-то момент я решил... Что он исцелился, наверное.

– Он собирался трахнуть меня! – рявкнул я. – И, насколько я понял, все ребята в комнате – да что там, вся Шестерка – прекрасно понимала к чему идет. А вы один ничего не знали?

Странно, я думал, он разозлиться, но он только печально вздохнул.

– Он держался почти год. Мы с братом надеялись, что он успокоился. И, едва я увидел тебя, сразу понял, что если он удержится в твоём присутствии...

– Вы что, использовали меня как приманку? – ошалел я. Впрочем, как ни странно, на том уровне функционирования, которому обучил меня Виктор, такой ход казался достаточно логичным. Я же проходил один из уровней своей инициализации таращась на труп. Так почему бы и нет?

– Можно сказать и так, – спокойно согласился Капитан.

– Умно, – сказал я. – Но ваш эксперимент провалился.

Он долго не отвечал, а потом проговорил с трудом сдерживая то ли гнев, то ли отчаяние:

– Мой брат умолял меня помочь его сыну. Я сам хотел помочь. Хотел уберечь. И вот теперь его сын в коме на аппарате жизнеобеспечения, и неизвестно, сможет ли он выкарабкаться. И все это с ним проделал тощий тринадцатилетний красавчик.

– А что, я должен был позволить ему меня трахнуть? – осведомился я.

Капитан посмотрел на меня исподлобья и спросил в ответ:

– А что, дело только в этом?

– А... в чем еще? – растерялся я.

– Знаешь, я побывал на трех войнах. Стреляли в меня, стрелял я. Я убивал людей, резал часовых. И спустя годы я вдруг понял, что оправдания можно найти для чего угодно. Но сейчас... Странно, почему-то я даже виноватым себя не чувствую.

Я пожал плечами, не зная как реагировать.

– Я уже десять лет возглавляю это заведение, – сказал Капитан. – И до сих пор не видел такого странного пацана как ты. Ты весь такой красивый, умный, замечательный, но... как будто не настоящий, что ли. Как будто внутри тебя прячется кто-то мерзкий и опасный. Сдается мне, что внутри ты так же уродлив, как красив снаружи. Или я ошибаюсь?

Я снова пожал плечами. Нет, ну а какой ответ он хотел бы услышать?

– Любой нормальный пацан, едва сообразив что происходит в комнате и к чему все идет, наложил бы полные штаны. Любой нормальный пацан поставил бы на уши всю школу, прибежал бы ко мне, все бы рассказал. Или просто попытался бы сбежать, найти помощь... А ты вместо этого стал выжидать. И даже не испугался, по-моему. Знаешь, когда я воевал, мне приходилось видеть, как мальчишки чуть постарше тебя убивают и умирают. И перестают быть мальчишками. И я учил их убивать и не умирать. Учил стрелять в живых людей, учил вгонять нож в шею, в живот, пробивать грудину,

чтобы достать до сердца. В живое – в такое же тело, как их собственное. И ты знаешь, смотрю я на тебя, и мне кажется, что тебя и учить-то не понадобилось бы. Только ведь воевать ты не стал бы. Чтобы воевать, нужно во что-то верить, А ты не веришь.

Я его слушал, и пытался понять, каким таким мистическим образом он все это вычислил. Определил в течение пятиминутной беседы при моем поступлении? Прочитал в личном деле? Или сообразил, проанализировав, как я разделал ублюдка его младшего братца? И тут до меня дошло с чего он сделал все эти выводы. Буквально за секунду до того как он сам мне сказал.

– Как выяснилось, я не так уж тщательно изучил твоё короткое, но такое насыщенное прошлое, – мрачно сообщил Капитан. – Вчера я снова позвонил в твою школу, в приют. Я готов был из них кишки вынуть. То есть, готов был вынуть их из тебя, но что-то не давало мне покоя.

– Не надо, – еле слышно прошептал я.

Он глянул на меня задумчиво. Очевидно, сразу понял о чем я. Понял, что я догадался.

– Я узнал с кем ты там, как это теперь говорят, тусовался. А зная кем он был на самом деле, представляю чему он тебя учил.

Я сжал подлокотники кресла так, что побелели пальцы. Не хотел ничем себя выдавать, но ничего не смог поделать. Видимо, это оказалось то единственное, чем меня можно было

задеть, причинить боль. Капитан, разумеется, заметил мою реакцию и понимающе кивнул. И тут вдруг я осознал, что он-то совсем не дурак, а напротив – чертовски умен. И видимо, хороший педагог. А хороший педагог не может быть придуком. А значит, мне надо было понять это раньше. Ишь ты, решил, что он обычный бывший армейский долболюб. На тебе, жри, щенок самоуверенный.

– Надо, – как-то неожиданно мягко сказал Капитан. – Надо, мальчик. Я виноват перед тобой. Но это... Ты сирота. Вырос в приюте. Ни родных, ни близких. И, очевидно, ты всегда был не таким как все. В наше время просто нормальные симпатичные и умные дети по определению оказываются не такими как все. И ты ожесточился. А потом встретил того, кто оказался достаточно необычен и внимателен, кто смог принять тебя таким, каким ты, как тебе кажется, был. В детстве такое бывает – он заполнил для тебя весь мир. А потом он оказался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.